

ОДИН ДЕНЬ БЕЗ

СТАЛИНА

МОСКВА В ОКТЯБРЕ

41-го ГОДА

Судьба Москвы в сорок первом году решилась не в декабре, когда советские войска перешли в наступление, а в октябре...

A portrait of Leonid Mlechin, a man with light hair, wearing a dark suit, white shirt, and patterned tie. He is looking slightly to the left of the camera.

Леонид

МЛЕЧИН

Леонид Млечин

**ОДИН ДЕНЬ БЕЗ
СТАЛИНА**

**МОСКВА В ОКТЯБРЕ
41-го ГОДА**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(0)62
М72

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
Е.Ю. Шурлаповой

Млечин Л.М.
М72 Один день без Сталина. Москва в октябре 41-го
года. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф,
2012. — 383 с.

ISBN 978-5-227-03457-1

Судьба Москвы в сорок первом году решилась не в декабре, когда советские войска перешли в наступление, а в октябре, когда казалось, что город некому защитить и немецкие войска могли взять столицу. Автор, основываясь на архивных документах и воспоминаниях очевидцев, впервые рассказывает о том, что всегда держалось в секрете. Документы, относящиеся к тем дням, все еще закрыты. Слабая власть, неумелые и трусливые руководители едва не сдали Москву врагу. Растерянные, запаниковавшие, вместо того чтобы защищать город, они бежали. Историю октябрьского позора Сталин повелел забыть, потому что вознесенные им на вершину власти чиновники оказались ни на что не годными. В результате забыты не только трусы, но и герои. Когда бездарные генералы потеряли свои войска, когда большие начальники позорно бежали из столицы, когда одни готовились встретить немцев, другие собирались сражаться за каждый квартал, за каждую улицу, за каждый дом. Бойцы и офицеры регулярной армии, ополченцы, студенты и курсанты военных училищ, сами горожане мужественно защищали Москву.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(0)62

© Млечин Л.М., 2012
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2012
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2012

ISBN 978-5-227-03457-1

рукописи не горят...

КНИЖНЫЙ ТРЕКЕР

ОТ АВТОРА

Я писал эту книгу много лет. Дольше любой другой. Не так просто распутать этот самый сложный клубок мужества и героизма, подлости и трусости. Одни и те же фигуры предстают то видными государственными деятелями, то жалкими ничтожествами. А как быть с героями, которые на глазах превращаются в предателей?

Есть тайны, известные немногим. Есть истории, которые не любят вспоминать. Судьба Москвы в сорок первом году решилась не в декабре, когда советские войска перешли в наступление, а в октябре, когда казалось, что город некому защитить и немецкие войска фактически могли взять столицу.

Официальная история многомесячной битвы за Москву поделила на всех радость первой победы в великой войне. Но это несправедливо.

Когда бездарные и неудачливые генералы потеряли свои войска, когда большие начальники позорно бежали из столицы, когда одни готовились встретить немцев, а иные дамы устремились в парикмахерские — делать прически, другие сказали себе: «Это мой город, немцы войдут в него только через мой труп». Они занимали боевые позиции по всей Москве, в самом центре, на улице Горького... Защищать свой город пред-

стояло самым москвичам. Они собирались сражаться за каждый квартал, за каждую улицу, за каждый дом. Как это будет потом в Сталинграде.

Оборона Москвы — это история невероятного мужества и самопожертвования. Но это еще и история о том, как слабая власть, неумелые и трусливые руководители едва не сдали город врагу. Жестокая военная реальность стащила их с трибун, выдала из просторных кабинетов, откуда они правили страной и городом, высокомерно объясняли народу, как ему жить и работать. Растерянные, запаниковавшие, ни на что не способные — вместо того, чтобы защищать город, они, прихватив немалое имущество, бросились бежать.

16 октября 1941 года стало днем позора Москвы. Это был день, когда власть, думая только о своем спасении, практически бросила столицу на произвол судьбы. Многие, что связано с этим днем, по-прежнему держится в секрете. За трусость, преступную в военное время, наказали очень немногих. И в общем не тех, кто едва не сдал город.

Сталин, который никому и ничего не прощал, по существу повелел забыть октябрьский позор. Иначе пришлось бы признать, что знаменитых сталинских наркомов как ветром сдуло из города, что партийные секретари праздновали труса, что вознесенные им на вершину власти чиновники оказались ни на что не годными, что вся созданная им политическая система едва не погубила Россию...

Большинство документов, посвященных осени сорок первого, даже протоколы заседаний бюро горкома и обкома партии, в московском партийном архиве все еще не раскрыто.

Часть первая

БЕЖАТЬ ИЛИ СРАЖАТЬСЯ

БЛИЖНЯЯ ДАЧА ЗАМИНИРОВАНА

Некоторые писатели и историки по сей день уверены, будто в решающий для судьбы Москвы день, 16 октября 1941 года, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель Государственного Комитета Оборона, Верховный главнокомандующий, председатель Совета народных комиссаров, нарком обороны Иосиф Виссарионович Сталин приехал на вокзал, где его ждал специальный состав, чтобы вывезти из города.

Паровоз стоял под парами. Аппарат ЦК партии и Верховного Совета, правительство и наркоматы, Генеральный штаб Красной армии и прочие многочисленные ведомства спешно оставили Москву. Немецкие войска были уже у ворот и вот-вот могли вступить в город. Возникло ощущение, что столица беззащитна.

Вождь обещал покинуть город последним. И вот будто бы Сталин, размышляя, ехать или не ехать, битых три часа ходил по платформе, но в вагон так и не поднялся, потом махнул рукой, сел в машину и вернулся в Кремль...

Это не более чем легенда. В тот день Сталин на вокзал вообще не ездил. Да и в любом случае из Москвы охрана вывозила бы его конечно же не днем, а

ночью. Железнодорожный состав, даже прикрытый зенитными установками на платформах, мог попасть под губительный удар вражеских бомбардировщиков.

К тому же вождь вообще не собирался покидать город на поезде. Слишком мала скорость — а вдруг наступающие немецкие войска догонят?

Сталин собирался улететь из Москвы. На Центральном аэродроме дежурили транспортные самолеты «Дуглас» американского производства, чтобы в самый последний момент из столицы эвакуировать вождя и его окружение.

В Москве еще находилась группа офицеров Генерального штаба во главе с генерал-майором Александром Михайловичем Василевским. Ему разрешили оставить восемь человек. Василевский сказал, что этого недостаточно.

«Но Сталин стоял на своем, — вспоминал Василевский. — Оказывается, на аэродроме стояли в полной готовности самолеты... И на всю группу Генерального штаба было оставлено девять мест — для меня и моих восьми офицеров».

В Куйбышеве (ныне город вновь называется Самарой) под зданием обкома партии спешно строили бункер для Сталина и сопровождающих его чиновников (рассчитывали примерно на сто пятнадцать человек). Бункер гарантировал защиту от авиационных бомб и отравляющих газов (тогда опасались, что немцы применяют химическое оружие). Разместили установку регенерации воздуха, создали давление, чуть превышающее атмосферное, так что бункер был герметичен. Завезли запас продуктов, баки с питьевой водой, баллоны с кислородом. В бункере можно было продержаться без связи с внешним миром пять суток.

Кабинет Сталину устроили на глубине тридцати четырех метров. Он был скопирован с кремлевского площадью около пятидесяти квадратных метров. За

кабинетом — личный туалет с канализационной системой... Основной вход в бункер находился в вестибюле обкома, там постоянно дежурил чекист. Куйбышевское начальство страшно нервничало, ожидая приезда вождя.

Еще раньше решением политбюро лечебно-санитарному управлению Кремля выделили пятнадцать вагонов для вывоза в Куйбышев врачей, необходимого медицинского оборудования и запаса лекарств с тем, чтобы в городе на Волге развернули поликлинику и больницу для высшего начальства и отдельно — поликлинику и больницу для руководства Наркомата внутренних дел.

Отсюда, с Волги, Сталин предполагал вести войну дальше. Все документы, его архив, книги, даже личные вещи уже были эвакуированы. Близнюю дачу в Волынском, где он жил все последние годы (в московской квартире даже не ночевал), заминировали. Ее собирались взорвать, чтобы немцы не устраивали экскурсий по личным покоям советского вождя. Вождь задержался в столице всего на несколько часов, чтобы завершить последние дела. Он сказал членам политбюро, что уедет из Москвы вечером 16 октября.

14 октября на приеме у Сталина побывал нарком связи Иван Терентьевич Пересыпкин, он же заместитель наркома обороны и начальник главного управления связи Красной армии. При разговоре присутствовали начальник Генерального штаба маршал Борис Михайлович Шапошников и его заместитель (и будущий сменщик) генерал-майор Александр Михайлович Василевский (см. «Военно-исторический журнал», № 6/2007).

Иван Пересыпкин просил определить местонахождение запасного пункта управления Ставки Верховного главнокомандования, чтобы он мог заблаговременно подготовить средства связи.

Сталин снял со стены карту европейской части Советского Союза, расстелил ее на рабочем столе и спросил:

— Что вы предлагаете?

Пересыпкин доложил, что самым удобным местом представляется Куйбышев. Сталину предложение не понравилось — там слишком много иностранцев. Куйбышев стал «второй столицей», туда эвакуировали не только партийное руководство и наркоматы, но и дипломатические представительства.

— Какой еще пункт подходит для этой цели? — осведомился Сталин.

Пересыпкин назвал Казань, но добавил, что оттуда обеспечить связь с фронтами будет значительно труднее. Тогда вождь сам предложил город Арзамас. И потребовал:

— Надо уложиться в шесть-семь дней.

Пересыпкин не решился возразить вождю и объяснить, что Арзамас совсем для этой цели не подходит...

В Арзамасе было исключительно плохо и со связью, и с дорогами. Исполнение приказа вождя потребовало титанических усилий. Дорогу две недели ровняли местные колхозники, бросив свою работу, — лопатами и мотыгами. А сверхсекретный «объект 808» на окраине города за месяц построили заключенные из соседнего лагеря. После чего — ради сохранения тайны — заключенных отправили на передовую в штрафбат. Надо понимать, не без тайной надежды на то, что они будут убиты в бою и унесут тайну в могилу...

Протянули пятикилометровую железнодорожную линию. Туда перегнали два поезда связи. А рядом в своем спецпоезде разместился эвакуированный из Москвы Генеральный штаб. Отсюда операторы пытались управлять действиями Красной армии на огромном фронте от севера страны до юга. На случай, если

и Сталин пожелает обосноваться в Арзамасе, вождю подобрали двухэтажный дом. На первом этаже развернули станцию правительственной междугородной высокочастотной связи.

«Вместо того чтобы задолго до начала войны создать и хорошо оборудовать запасный пункт управления Ставки Верховного главнокомандования (и не один), — недоумевал Иван Пересыпкин, — приходилось это делать в тяжелейших условиях военного времени, в большой спешке, в трудной обстановке при отсутствии достаточного резерва сил и средств связи...»

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Обычно Сталин просыпался очень поздно и приезжал с дачи в Москву, в Кремль, часам к двенадцати. В ночь на 15 октября он, видимо, почти не спал. Ему предстояло принять решение, от которого зависела его собственная судьба. 15 октября Сталин распорядился собрать политбюро необычно рано. Охранникам пришлось поднять с постели остальных членов партийного руководства около восьми утра. В девять они собрались в кабинете вождя.

Обсуждался один вопрос — кому и когда покидать Москву. Вождь объявил, что всем нужно сегодня же, то есть 15-го вечером, эвакуироваться. Он сам уедет из города на следующее утро, то есть 16 октября.

Ночью он подписал постановление Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», которое едва не погубило город:

«Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куй-

бышев (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы, поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию)».

Сталин исходил из того, что немцы прорвутся в столицу. Требовал удержать хотя бы часть города, чтобы иметь право сообщать: Москва держится. Когда заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян — он сам об этом вспоминал — зашел к вождю, Сталин с Молотовым изучали карту западной части Москвы, смотрели, что можно удержать в своих руках. Если и это не удастся, решил Сталин, город придется взорвать.

В одиннадцать утра в Кремль вызвали всех наркомов. Провели в зал заседаний Совнаркома. Вошел Вячеслав Михайлович Молотов, второй после Сталина человек в правительстве. Он даже не сел в председательское кресло. Распорядился:

— Сегодня же все наркомы должны выехать из Москвы в места, установленные для размещения их наркоматов по плану эвакуации.

Кто-то переспросил: как быть, если наркомат еще не перебазировался на новое место?

— Все равно выехать сегодня, а эвакуацию наркомата поручить одному из заместителей.

Страна зависела от Сталина. Когда он объявил, что руководство страны покидает столицу, все, кто узнал об этом, поспешили исполнить указание вождя. Они делились пугающей информацией со всеми знакомыми, и весть об оставлении города мгновенно распространилась по городу. Началось нечто неопишное. На окраине Москвы слышна была артиллерийская канонада, и чиновники решили, что битва за столицу проиграна и немцы вот-вот войдут в город.

Руководителей страны и города охватил страх. Стала ясна слабость системы, казавшейся столь твердой и надежной, безответственность огромного и всевластного аппарата, трусость сталинских выдвиженцев. Думали только о собственном спасении, бежали с семьями и личным имуществом и бросали столицу на произвол судьбы. Организованная эвакуация превратилась в повальное бегство.

Трусость начальников породила отчаяние в городе, и многие москвичи уходили пешком, без денег, теплых вещей, а то и без необходимых документов, плохо понимая, куда они двигаются и что их ждет.

В ночь на 16 октября военный совет Московского военного округа отправил восемь отрядов, которые минировали Дмитровское, Ленинградское, Волоколамское, Звенигородское, Можайское, Киевское, Старо-Киевское и Подольское шоссе. Мины на дорогах должны были немного задержать продвижение немцев.

Ночь была мрачной и тяжелой. Шел снег с дождем. Когда рассвело, ситуация в городе стала еще хуже. Наступил самый страшный день в истории обороны Москвы.

«Город казался холодным, пустым, мертвым, — вспоминал тревожные ночи октября 1941 года полков-

ник Юлий Юльевич Каммер, начальник инженерного отдела штаба противовоздушной обороны Москвы. — Город в кромешной темноте. Не столько видятся, сколько угадываются окрашенные белым кромки тротуаров, столбы и другие препятствия на пути пешехода. Впереди машин бежит безжизненная полоска света, просочившаяся через узкую щелочку в «наморднике», надетом на автомобильную фару. Ходишь, как в дремучем лесу, чуть ли не ощупью».

Уличное освещение давно отключили. Ввели строгий режим светомаскировки. Окна домов были затянуты плотной бумагой или тканью. На фары машин, троллейбусов и трамваев поставили специальные маскировочные сетки. Ввели строгие лимиты на пользование электричеством. Житель Москвы имел право жечь одну лампочку мощностью в пятнадцать ватт на площади пятнадцать квадратных метров, если же площадь комнаты была тридцать квадратных метров, он мог жечь две лампочки.

Утром 16 октября в Москве, впервые за всю историю метрополитена, его двери не открылись. Метро не работало. С третьего контактного рельса сняли напряжение. Поступил приказ демонтировать и вывезти все оборудование метрополитена. Эвакуировали вагоноремонтные мастерские и примерно сто вагонов. (В начале сорок второго все стали возвращать назад в Москву. На территории мастерских открыли дрожжевой заводик, который снабжал столовые метро белковыми дрожжами — еды не хватало.)

Закрытые двери метро сами по себе внушали страх и панику. Метро — самое надежное транспортное средство. Главное убежище во время ежедневных налетов авиации врага. Уж если метро прекратило работу, значит, город обречен...

«16 октября метро не открылось, стояли трамваи, — вспоминал очевидец. — На улицах как-то заметнее

стали черные служебные «эмки», а автобусы куда-то внезапно исчезли. По набережным Москвы-реки на равном расстоянии друг от друга возвышались на привязи колбасы аэростатов. С наступлением сумерек они медленно, почти незаметно для глаз, беззвучно возносились в небо. И всеобщая оглушительная тишина. Такой тихой Москва никогда не была...»

Трамваи и троллейбусы тоже не вышли на линию. Директора трамвайных депо доложили своему начальству, что к ним прибыли военные саперы, чтобы минировать оборудование. А ведь с сентября трамвай приобрел военное значение — в вагонах стали перевозить воинские части, доставлять рабочих на строительство оборонительных сооружений. Составили правила работы вагонных бригад в случае воздушной тревоги и химического нападения:

«По сигналу «воздушная тревога» вагоновожатые обязаны остановить поезд трамвая в таком месте, где он не мешал бы уличному движению. Категорически запрещается останавливать поезда на перекрестках улиц и переулков, на мостах, против подъездов крупных фабрик, заводов, складов и гаражей, против зданий пожарных и воинских частей, больниц».

Москва без метро, трамваев и троллейбусов производила пугающее впечатление. Словно она уже умерла, и москвичи присутствуют на похоронах любимого города. Как водится, жителям никто не сообщал, что происходит.

«16 октября, — вспоминал второй секретарь московского горкома партии Георгий Михайлович Попов, — мне позвонил Щербаков и предложил поехать с ним в НКВД к Берии. Когда мы вошли в его кабинет в здании на площади Дзержинского, Берия сказал:

— Немецкие танки в Одинцове».

Эти слова звучали пугающе. Одинцово — дачное место на расстоянии всего двадцати пяти километров

от центра Москвы. Нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия и первый секретарь московского обкома и горкома партии Александр Сергеевич Щербаков бросились к Сталину за инструкциями. Тем временем Попову приказали собрать секретарей райкомов партии. Вернувшись вскоре из Кремля, Щербаков объявил своим подчиненным:

— Связь с фронтом прервана. Эвакуируйте всех, кто не способен защищать Москву. Продукты из магазинов раздайте населению, чтобы не достались врагу. Всем прекратившим работу выплатить денежное пособие в размере месячного заработка...

Московский секретарь Александр Сергеевич Щербаков был одним из самых молодых чиновников в высшем руководстве страны и стремительно набирал политический вес. Он возглавлял и область, и город — в ту пору московский горком подчинялся областному комитету. Один из его подчиненных вспоминал, что «на рабочем столе Щербакова никогда не было никаких бумаг или книг — только аппарат для связи с Кремлем, телефонный справочник и простой письменный прибор». Резолюции на бумагах Щербаков, подражая Сталину, всегда писал красным или синим карандашом.

Перед войной Сталин сделал его секретарем ЦК, членом оргбюро и кандидатом в члены политбюро. Кроме того, Щербаков возглавил важнейшее управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), то есть стал руководителем всей идеологической работы.

Это была нагрузка, превышающая человеческие возможности. Карьера Александра Сергеевича развивалась столь успешно, что со временем он вполне мог стать вторым человеком в партии, оттеснив других членов политбюро. Но он был тяжелым сердечником, неправильный образ жизни усугубил его нездоровье.

У Александра Сергеевича Щербакова была неважная наследственность. В автобиографии он писал об

отце: «Душевно заболел и попал в лечебницу. Причиной болезни являлось также, очевидно, и то обстоятельство, что отец страдал алкоголизмом. Что стало дальше с отцом, я не имею понятия».

Странное впечатление, конечно, оставляет такое нарочитое отсутствие интереса к отцу, холодно-отстраненный тон. Но упоминание о его недуге должно было заставить самого Александра Сергеевича учесть трагический опыт отца... Ему следовало бы соблюдать умеренность. Для него самого участие в постоянных сталинских застольях было смертельно опасным. Но Щербаков об этом не думал, напротив, почитал за счастье получить приглашение к вождю на дачу, где не знали умеренности ни в еде, ни в выпивке.

Даже на фоне других руководителей-догматиков Щербаков выделялся своим идеологическим рвением. Однажды он вызвал главного редактора «Правды» Петра Николаевича Поспелова (будущего академика и секретаря ЦК) и ответственного редактора «Красной звезды» генерал-майора Давида Иосифовича Ортенберга. На столе лежали свежие номера газет, где фотографии были расчерканы красным карандашом. Щербаков наставительно пояснил редакторам:

— Видите, снимки так отретушированы, что сетка на них выглядит фашистскими знаками. Это заметил товарищ Сталин и сказал, чтобы вы были поаккуратнее. Нужны вам еще пояснения?

Предположение о том, что газетные ретушеры наносят фашистские знаки, было совершенно безумным. Но с тех пор главные редакторы в лупу рассматривали оттиски полос с фотографиями. Если что-то смущало, снимок возвращался в цинкографию, где его подчищали...

16 октября по распоряжению заместителя главы правительства Анастаса Ивановича Микояна председатель исполкома Моссовета Василий Прохорович

Пронин приказал бесплатно выдать каждому работающему два пуда муки. В городе работала только одна мельница. Дважды в нее попадали немецкие бомбы. Опасались, что в результате очередного налета она вообще выйдет из строя, столица останется без хлеба и люди начнут голодать. Бдительные чекисты доложили о раздаче хлеба Сталину. Пронина вызвали на заседание Государственного Комитета Обороны.

— Пронин организовал выдачу населению по два пуда муки, — объявил вождь. — И ссылается, что сделал это с разрешения правительства.

Он обратился к председателю исполкома Моссовета:

— Верно это или нет?

— Да, товарищ Сталин, верно.

— А кто тебе дал распоряжение?

— Микоян.

«Откажись Анастас Иванович от своих слов, — вспоминал Василий Пронин, — меня бы немедленно расстреляли и разговаривать не стали».

Но Микоян — надо отдать ему должное — подтвердил:

— Да, я дал распоряжение.

Исполнительный Щербаков спешил претворить в жизнь все указания вождя. Но ситуация быстро менялась, и он мог оказаться в неловком положении. Александр Сергеевич распорядился раздать москвичам еще и хранившиеся на складе полмиллиона пар обуви, ушанки и перчатки. Начальник управления тыла генерал-лейтенант интендантской службы Андрей Васильевич Хрулев отказался это сделать. Щербаков сказал ему угрожающе:

— Вы, видимо, хотите оставить все вещи немцам...

Но опытный генерал Хрулев не испугался, а обратился к Микояну, который в Государственном Комитете Обороны ведал снабжением и фронта, и тыла. Тот приказал вещи не раздавать. Щербакову пришлось от-

менить свое указание. Анастас Иванович был членом политбюро. А он всего лишь кандидатом.

Историки считают Александра Сергеевича чуть ли не самым исполнительным помощником Сталина, готовым в лепешку расшибиться, лишь бы исполнить указание вождя. Если многие его коллеги были исполнительными карьеристами, то Щербаков подчинялся вождю искренне. Но, вознесенный на вершину партийной власти недавно, он чувствовал себя неуверенно, перед Сталиным стоял чуть ли не навтыжку. Возражать не смел. Ставить серьезные вопросы не решался. А вдруг не угадал настроение, спросил то, что не следовало бы? Как выразился один из его подчиненных, Сталин на чувстве страха играл лучше, чем Паганини на скрипке. Как он давал задания? Или сроки были нереальными, или приказ был отдан так, что, как ни выполни, все равно будешь виноват.

В те октябрьские дни, когда решалась судьба Москвы и действительно нужны были воля и твердость, когда люди хотели видеть во главе города уверенного в себе человека, Александр Сергеевич Щербаков не смел и не умел проявить инициативу, навести порядок в городе без команды вождя.

Взаимоотношения партийного аппарата и других органов управления изменились. В принципе все наркоматы и ведомства обязаны были постоянно отчитываться перед партийным аппаратом и на все просить согласия. В реальности все зависело от личных качеств того или иного руководителя.

Скажем, самоуверенный нарком внутренних дел за просто отдавал распоряжения московским партийным секретарям. 1 июля 1941 года нарком внутренних дел генеральный комиссар государственной безопасности Лаврентий Павлович Берия, словно своему подчиненному, отправил телеграмму второму секретарю московского обкома Борису Николаевичу Черноусову:

«Предлагаю под вашу личную ответственность обеспечить немедленное выполнение наряда генштаба Красной армии о поставке конского состава обоза с упряжью на укомплектование формируемой дивизии НКВД.

Мероприятие это большой важности, и вы обязаны принять все меры к выполнению и быстрому их продвижению в пункты формирования соединений расчетом прибытия не позднее 15 июля.

Исполнение донесите».

16 июля Черноусов дисциплинированно телеграфировал Берии:

«Московская область наряд генштаба Красной армии о поставке конского состава и обоза с упряжью на укомплектование формируемой дивизии НКВД выполнила.

Сдано воинской части 2880 лошадей и 875 повозок».

А вот обком партии обращался в наркоматы с просительной интонацией. 14 августа тот же Черноусов писал наркому путей сообщения Лазарю Моисеевичу Кагановичу: «Ввиду создавшегося напряженного положения со снабжением населения области хлебом из-за неподачи вагонов (отгружено за 18 дней августа всего лишь 3400 тонн при плане 62000 тонн), — МК ВКП(б) просит Вас дать указание о предоставлении 1718 вагонов под погрузку муки со станций отправления».

Для придания веса такого рода обращениям под ними ставили подпись самого Александра Щербакова. 19 сентября хозяин Москвы обратился за помощью к заместителю наркома путей сообщения: «Для обеспечения снабжения Красной армии и населения гор. Москвы мылом необходимо для мыловаренных заводов гор. Москвы завести в сентябре месяце 210 цистерн. МГК ВКП(б) просит Вас предоставить цистерны для отправки в гор. Москву... Цистерны должны

быть адресованы заводу «Новый мыловар» — станция Бойня Московской окружной железной дороги».

Горком партии в принципе считался хозяином Москвы. Но рядом существовал могущественный ЦК, и это ограничивало возможности городской власти. Во главе некоторых наркоматов стояли члены политбюро и Государственного Комитета Оборона, и горком не смел вмешиваться в их дела.

В первый военный год московский комитет партии превратился в инструмент мобилизации народа и прямого управления промышленностью. Об этом свидетельствует отраслевое распределение обязанностей секретарей обкома и горкома:

- по строительству и городскому хозяйству,
- по текстильной и легкой промышленности,
- по топливно-энергетической промышленности,
- по машиностроению,
- по оборонной промышленности,
- по местной промышленности и промкооперации.

Чем, скажем, занимался секретарь МГК по местной промышленности? Выполнял задание обеспечить выпуск сумок для бутылок с зажигательными смесями. Они изготавливались на предприятиях местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов.

Аппарат жил своей жизнью. Отдел машиностроения горкома 21 сентября разделили на два — отдел среднего и тяжелого машиностроения и отдел станкостроения и общего машиностроения. Зато отдел строительства и стройматериалов 25 сентября объединили с отделом городского хозяйства в отдел строительства и городского хозяйства. А 10 ноября отдел пищевой промышленности и отдел торговли объединили в единый отдел пищевой промышленности и торговли...

Горком поправлял нижестоящих чиновников, нарушавших правила аппаратной жизни. На пленуме

Дзержинского райкома партии избрали в состав бюро заместителя заведующего отделом кадров. Но чиновник не был членом райкома. И решение Дзержинского райкома отменили — «как противоречащее внутрипартийной демократии».

С началом войны сократился объем даже той скудной информации о решениях высшей власти, которая поступала в нижние звенья аппарата. Нижестоящие партийные комитеты получали помеченные грифом «секретно» документы высших органов власти, и это позволяло хотя бы в какой-то степени понимать, что происходит в стране. В июле 1941 года секретариат ЦК решил, что отныне протоколы заседаний бюро и пленумов обкомов и крайкомов в полном объеме вообще не будут рассылаться в райкомы и горкомы. Они получали только «те решения или отдельные пункты решений, которые имеют к ним непосредственное отношение и выполнение которых им поручено».

Райком партии отвечал за все, что происходило на территории района: от положения дел на предприятиях и уровня преступности — до состояния тротуаров и дорог, работы магазинов и поликлиник. Впрочем, хозяйственной работой непосредственно занимался райисполком, за его работой следил первый секретарь райкома.

Райком контролировал работу партийных организаций района. Ведал подбором номенклатурных работников — то есть тех, кто назначался и смещался с должности по решению райкома. Принимал в партию, проводил агитационные кампании в районе, готовил пропагандистов и агитаторов. Но прежде всего отвечал за то, чтобы предприятия района выполняли государственный план.

На пленуме обкома партии Щербаков говорил:

— Во второй половине октября в связи с эвакуацией и крупными недостатками в ее проведении партий-

ная работа резко ослабла, а в ряде случаев была прямо дезорганизована. Партийных собраний в целом ряде случаев не проводили. Кадры агитаторов растеряли. Прекратили проводить беседы и доклады, читки газет. Забросили социалистическое соревнование. Агитаторы и коммунисты бездействовали, а враждебные элементы, пользуясь этой обстановкой, начали кое-где проводить свою антисоветскую агитацию... Особенно плохо поставлена наша партийная и агитационная работа в деревне. В колхозе имени Тельмана в Раменском районе больше двух месяцев не оформлена партийная группа. Коммунисты в течение этого времени ни разу не собирались на партийное собрание. Агитаторы в этом колхозе вот уже два месяца не были в бригадах, к которым они прикреплены... У нас слаб приток в партию. Подольский и Раменский горкомы в октябре и ноябре в ряды партии не приняли ни одного человека...

На пленуме горкома руководитель столичного комсомола Анатолий Михайлович Пегов жаловался на старших товарищей:

— Комсомольская организация собрала более двадцати тысяч пар лыж, но не хорошие вещи получают. Доватор пишет нам в горком: «Дайте триста пар лыж, необходимых для боевых действий». Мы связались с горкомом партии. Лыжи лежали на базах. И до сих пор они там лежат. А на фронте они до зарезу нужны.

Генерал-майор Лев Михайлович Доватор командовал кавалерийским корпусом. Он станет Героем Советского Союза и погибнет в битве за Москву.

— Вообще говоря, запас должен быть, — заметил комсомольскому секретарю из президиума Георгий Попов.

— Но когда лыжи нужны фронту, — возразил Анатолий Пегов, — надо это делать быстрее.

— Маленькая поправка, — сказал руководитель военного отдела горкома партии Александр Иванович Чугунов, — собрано лыж не двадцать тысяч, а двенадцать тысяч восемьсот.

— Может быть, — легко согласился Пегов, — но мне сведения дают комсомольские организации, и по этим сведениям собрано двадцать тысяч пар... Распорядительности нет в этом деле. Скажу о подготовке разведчиков. Мы их готовим по районам. Товарищи делают замечательные дела. Мы отобрали лучших разведчиков. Но в областном управлении НКВД (начальник — товарищ Журавлев) нет достаточной поворотливости. Мы подготовили людей, а их у нас не берут. Товарищ Журавлев, надо пооперативнее работать...

Комсомольская жизнь шла обычным руслом — придумывали все новые почины, хотя, казалось бы, реальных дел хоть отбавляй.

— Мы начали сталинскую вахту — после доклада товарища Сталина, — с воодушевлением рассказал Пегов. — Объявили комсомольцам, что они, встав на вахту, должны перевыполнять план. Молодежь берет на себя обязательство выполнять до окончания войны по две-три нормы. Надо им помочь. А нам звонят: «Какие были указания по этому поводу?» Ну, какие же должны быть указания?!

— А не получается ли на деле так, что молодежь призывают встать на вахту, — резонно заметил один из участников пленума, — а в результате оказывается — мыльный пузырь?..

В аппарате превыше всего ценились дисциплина и послушание. Как в то время делались карьеры? Власть подбирала себе серых, не очень образованных, безынициативных, но удобных исполнителей. На нижних этажах еще встречались подготовленные профессионалы. Чем выше по номенклатурной лестнице, тем

ниже уровень компетентности. В октябрьские дни срок первого это стало очевидным.

Задолго до появления немецких войск у Москвы, 25 августа, второй секретарь московского обкома партии Борис Николаевич Черноусов обратился к заместителю наркома обороны СССР Ефиму Афанасьевичу Щаденко: «Московский Областной Комитет ВКП(б) просит отпустить три тысячи пистолетов иностранного образца с патронами, находящихся на базе № 36 главного артиллерийского управления, для вооружения партийного актива Московской области».

Но в эти октябрьские дни начальство вовсе не собиралось отстреливаться до последнего, а действовало по принципу «спасайся, кто может». Многие руководители, загрузив служебные машины вещами и продуктами, пробивались через контрольные пункты или объезжали их и устремлялись на Рязанское и Егорьевское шоссе. Все остальные пути из Москвы или уже были перекрыты немецкими войсками, или обстреливались. По Рязанскому шоссе шли толпы. Начался исход из Москвы...

Облик города, оставленного властью, зараженного страхом и безнадежностью, мгновенно изменился. Это была уже другая Москва, где не действовали прежние законы и правила.

Журналист Николай Константинович Вержбицкий записал в дневнике:

«16 октября. Грузовик, облепленный грязью, с каким-то военным барахлом, стоит на тротуаре. К телефонной будке на улице привязаны две лошади. Рядом военная телега, пустая, кругом конский навоз. Убирать некому.

Тянутся один за другим со скрежетом и визгом тракторы, волокут за собой какие-то повозки, покрытые защитным брезентом. Шагают красноармейцы с темными лицами, с глазами, в которых усталость и недоумение. Кажется, что им неизвестно, куда они направляются.

У магазинов огромные очереди, в магазинах сплошной бабий крик. Объявление: «Выдают все товары по всем талонам за весь месяц». Много грузовиков с эвакуированными: мешки, чемоданы, ящики, подушки, люди с поднятыми воротниками, закутанные в платки».

Военный госпиталь, в котором служил хирург Николай Михайлович Амосов — будущая знаменитость, академик, Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии, утром 16 октября через Калужскую заставу въехал в Москву.

«При входе в город встретили батальон ополчения, идущий защищать столицу, длинная колонна пожилых мужчин. Идут не в ногу. В последнем ряду шагают сестрички... Магазины закрыты. Жалюзи спущены на витрины. Народ суетится возле домов. Связывают пожитки, укладывают на тачки, на детские коляски. Кое-где грузятся машины, выносят из квартир даже мебель. Около стоят женщины и смотрят с завистью: «Небось начальники бегут».

«Ранним утром 16 октября, — вспоминал один из московских партийных работников, — я направился в отделение Рижской железной дороги для уточнения перемен за ночь на линейном участке, где железнодорожники-путейцы должны были разобрать пути от станции Новый Иерусалим и Истра.

Картина, которую я увидел, поразила меня.

По Бульварному кольцу к Ярославскому шоссе двигалась масса людей, нагруженных скарбом. Некоторые волокли тележки, детские коляски, наполненные вещами. Люди торопились уйти из Москвы. В воздухе клубился пепел от сожженных бумаг. Одна женщина, узнавшая меня, доверительно спросила:

— А правду говорят, что товарищ Сталин уехал из Москвы?

Я объяснил, что это провокационные слухи, чтобы вызвать панику»...

ВО ВЛАСТИ ТОЛПЫ

Горожане видели, что начальники грузят свое имущество, берут семьи и бегут. Все пришли к выводу, что Москву не сегодня завтра сдадут. Приказ об эвакуации спровоцировал панику.

В Москве не топили, обещали начать отопительный сезон с пятнадцатого декабря. Кто не уехал, мерз. Закрылись поликлиники и аптеки.

Самым тревожным было полное отсутствие информации. Власть, занятая собственным спасением, забыла о своем народе.

«Бодрый старик на улице спрашивает:

— Ну почему никто из них не выступил по радио? Пусть бы сказал хоть что-нибудь... Худо ли, хорошо ли — все равно... А то мы совсем в тумане, и каждый думает по-своему».

Через шесть десятилетий обозреватель «Комсомольской правды» Леонид Репин вспоминал:

«16 октября 1941 года я был еще маленьким. Я помню внезапно, страшно обезлюдивший город. На Люсиновке, по которой мы с матерью шли в сторону Даниловского универмага, люди отчего-то встречались редко, и все очень быстро, обгоняя нас, шли или бежали. Изредка проезжали машины, громяхая и дребезжа по булыжной мостовой. Я не знал, куда и зачем меня мать вела, но скоро мы оказались внутри Даниловского универмага.

Он был совершенно пустым. Только две женщины торопливо разбирали витрины, уставленные всякой посудой и вазами с бумажными цветами. Мать подошла к ним и о чем-то поговорила. Одна из женщин кивнула. Мать достала из сумочки деньги и отдала их женщинам. Потом взяла с витрины небольшую фарфоровую вазу в поперечных красных полосах, и мы пошли домой. Мама сказала мне, что давно мечтала

об этой вазе и даже ходила не раз смотреть, не купили ее кто-нибудь.

Потом, спустя много лет, я понял, что она купила вазу в полной растерянности: не знала, что делать, когда вокруг все бегут. Нам-то бежать было некуда».

«Улица Горького была совершенно пуста, а в Столешниковом полно народу, и все чем-то в спешке торгуют с рук, — рассказывала В.О. Берзина, в ту пору машинистка проектного института Гипрохолод. — В основном пытались продать ювелирные изделия, всякий антиквариат, редкие книги... Отдавали почти даром, но я не видела, чтобы кто-нибудь что-то купил. Не знаю зачем, но я купила маленькую фигурку собачки из датского фарфора. Мне стало жалко древнюю старушку, которая ее продавала...»

А.И. Епифанская работала в детской библиотеке имени Л.Н. Толстого на Большой Полянке: «Библиотека была открыта, но никто, конечно, не заходил. Я сидела одна и глядела в окно. Неподалеку от нас находились продуктовые склады магазинов, и я хорошо видела, что их двери были открыты. Люди выходили, нагруженные продуктами. Я тоже пошла — посмотреть. Оказалось, что продукты раздавали совершенно бесплатно! Всем желающим! Мне достались консервы — гречневая каша с тушеным мясом. Их надолго хватило!»

Будущий писатель Даниил Данин вышел из окружения и поздно вечером 15 октября добрался до станции в Наро-Фоминске.

«Сел в последний поезд, шедший без огней, и затемно в шесть утра приехал в Москву. Метро не работало — то ли «еще», то ли «уже». В слякотно-снежных предрассветных сумерках я пер от Киевского к Земляному Валу пешком в разбитых фронтовых ботинках. По раннему часу дозвонился до брата Гриши. Он сказал, что их «Шарикоподшипник» эвакуируют в Куйбышев.

Часов в девять-десять утра пошел на Черкасский — в Гослитиздат, где были тогда редакции «Знамени» и «Красной нови». По дороге на Маросейке побрился в пустой парикмахерской, вышел, не заплатив, и мастер не остановил меня, а уже в Гослите, доставая носовой платок, обнаружил в кармане белую салфетку из парикмахерской. Вот такая была всеотчужденность, такой лунатизм. В Гослите было пусто, и все двери стояли настежь. На третьем этаже бродила по коридору женщина с толстой папкой в руках. Узнала меня, ни о чем не спрашивая, протянула тяжелую для ее рук папку, сказала, что это рукопись перевода «По ком звонит колокол», сказала, что не может уйти, пока не препоручит кому-нибудь эту рукопись, просила меня спасти ее. Это была тихо-безумная Сабадаш — зав. редакцией «Знамени». Весь день 16-го искал, с кем бы встретиться, но телефоны молчали»...

Когда мы говорим об эвакуации из города, не должно быть поколенческого высокомерия — что же вы сплеховали и сбежали, Москву-то не взяли? Тогда никто не знал исхода битвы за город. Естественно, что очень многие москвичи не хотели оказаться под немцем, поэтому они и покинули город. В этом нет ничего предосудительного. А для кого-то это было смертельно опасно — для партийных работников, чекистов и их семей, для евреев. Эвакуированные евреи стали поводом для насмешек и ненависти. Но им никак нельзя было оставаться в оккупации. Это был народ, который немцы обещали уничтожить полностью — до последнего человека.

Например, из 93 тысяч латвийских евреев в сорок первом успели уйти не более 19 тысяч. Все оставшиеся были убиты немецкими войсками и их латышскими пособниками.

Эвакуировались женщины, дети, старики — сражаться они не могли. А мужчины сражались в Крас-

ной армии. Вообще говоря, евреи-фронтовики могли считать себя несправедливо обойденными вниманием. Ведь по количеству награжденных боевыми орденами и медалями среди народов Советского Союза евреи (малочисленная этническая группа) находились на четвертом месте — после русских, украинцев и белорусов...

Летом сорок первого Красная армия оставляла города, не предупредив население, и люди оказывались во власти оккупантов. Кто успел бежать — без вещей, денег и документов — спас себе жизнь. И сразу же выявился классовый, клановый характер советского общества. Когда простые граждане брели из оставляемого войсками города пешком, семьи начальства вывозились на автотранспорте и на поездах с относительным комфортом.

Александр Александрович Фадеев запечатлел эту картину бегства в первой редакции романа «Молодая гвардия» — до того, как Сталин заставил его переписать книгу. Есть и документальные свидетельства.

Командование Западного фронта докладывало в Ставку о нераспорядительности командиров частей, озабоченных вовсе не боевыми делами: «Огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета».

Никто не вправе упрекнуть людей, спасавшихся от безжалостного врага, — раз уж их собственное государство и армия не в силах их защитить. Но партийные и государственные чиновники и руководители государственных предприятий (других не было) не имели права — в военное время — бежать, бросив своих подчиненных на произвол судьбы. А именно так они и поступали.

«Придя утром на завод, — вспоминал один москвич, — обнаружили отсутствие руководства: оно уже

уехало. Поднялся шум. Рабочие направились в бухгалтерию за расчетом: по закону нам было положено выплатить двухмесячный заработок. Кассира нет. Начальства нет. Никого нет. Начались волнения. Стены легких фанерных перегородок в бухгалтерии трещат под напором людей. Наконец часам к двум выяснилось, что деньги сейчас будут выданы. Нам предложено, кто пожелает, следовать в Ташкент, по возможности самостоятельно...

Шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток, в сторону города Горького. Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов. По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле. Раздаются возгласы: бей евреев!.. Никогда я бы не поверил такому рассказу, если бы не видел этого сам...»

Лев Ларский скоро уйдет на фронт, после войны станет художником. А осенью сорок первого он еще учился в десятом классе 407-й московской школы. Утром 16 октября он оказался на шоссе Энтузиастов:

«Я стоял у шоссе, которое когда-то называлось Владимирским трактом. По знаменитой Владимирке при царизме гоняли в Сибирь на каторгу революционеров — это мы проходили по истории. Теперь революционеры-большевики сами по нему бежали на Восток — из Москвы. В потоке машин, несшемся от Заставы Ильича, я видел заграничные лимузины с «кремлевскими» сигнальными рожками: это удирало Большое Партийное начальство! По машинам я сразу определял, какое начальство драпает: самое высокое — в заграничных, пониже — в наших «эмках», более мелкое — в старых «газиках», самое мелкое — в автобусах, в машинах «скорая помощь», «Мясо», «Хлеб», «Мо-

сковские котлеты», в «черных воронах», в грузовиках, в пожарных машинах...

А рядовые партийцы бежали пешком по тротуарам, обочинам и трамвайным путям, таща чемоданы, узлы, авоськи и увлекая личным примером беспартийных...

Я стоял у моста при пересечении Казанской железной дороги с шоссе Энтузиастов. В потоке беженцев уже все смешалось: люди, автомобили, телеги, трактора, коровы — стада из пригородных колхозов гнали!.. В три часа на мосту произошел затор. Началась страшная давка... Вместо того чтобы спихнуть с моста застрявшие грузовики и ликвидировать пробку, все первым делом бросались захватывать на них места. Форменный бой шел: те, кто сидел на грузовиках, отчаянно отбивались от нападавших, били их чемоданами прямо по головам...

Атакующие лезли друг на друга, врывались в кузова и выбрасывали оттуда оборонявшихся, как мешки с картошкой. Но только захватчики успевали усесться, только машины пытались тронуться, как на них снова бросалась следующая волна... Ей-богу, попав впоследствии на фронт, я такого отчаянного массового героизма не наблюдал...»

Во второй половине дня в городе начался хаос. Разбивали витрины магазинов, вскрывали двери складов. Тащили все под лозунгом: не оставлять же добро немцам. Там, где нет власти, анархия неминуема. Но, вообще говоря, в Москве власть не менялась. Сколько бы чиновников ни сбежало, оставалось еще предостаточно. В городе полно было чекистов, милиции, войск. Но никто ни во что не вмешивался.

Система выдвигала и воспитывала таких людей, которые не были способны ни на инициативу, ни на самостоятельность — за то и другое вождь мог сурово наказать... Излишняя централизация управления, когда высшее начальство руководило каждым шагом под-

чиненных, лишала привычки принимать решения. Все надо было согласовывать с руководством, любая самостоятельность могла обернуться начальственным недовольством.

Из отчета Московской городской организации ВЛКСМ о событиях 16 октября:

«Удивительное творится в райкоме партии, в райсовете: все с узлами, чемоданами, считают деньги, упаковывают продукты, прощаются, уезжают на вокзал. Противно. Тревожно...

В райкоме сногшибательные факты как прямое следствие паники. У хлебного киоска на Трубной площади давка, хулиганство — ломают киоск. Рабочие молокозавода задержали директора с молочными продуктами. Продукты и машину отняли, директора окунули головой в бочку со сметаной...

Вот Крестьянская застава. Десятки тысяч народу. Машины стоят и движутся. Давка. Сотни милиционеров не в состоянии навести порядок, с ними расправляются, как с мальчишками. В одно мгновение и милиционера стащили с лошади. Вот мчится машина, сигналист. Публика преграждает путь, останавливает машину, вытаскивает шофера, выбрасывает вещи».

О ситуации в городе лучше всех знал начальник московского управления Наркомата внутренних дел старший майор госбезопасности Михаил Иванович Журавлев.

В прошлом он был партийным работником. Начинал секретарем парткома рыбокоптильного завода в Ленинграде. В январе 1939 года с должности второго секретаря одного из ленинградских райкомов его взяли на месячные курсы подготовки руководящего состава НКВД. Через четыре недели Журавлев получил специальное звание капитана госбезопасности и пост наркома внутренних дел Коми АССР. В феврале 1941 года возглавил московское управление НКВД. Когда в июле

объединили наркоматы внутренних дел и госбезопасности, Журавлев стал начальником единого столичного управления...

Журавлев докладывал своему начальству в наркомате:

«16 октября 1941 года во дворе завода «Точизмеритель» имени Молотова в ожидании зарплаты находилось большое количество рабочих. Увидев автомашины, груженные личными вещами работников Наркомата авиационной промышленности, толпа окружила их и стала растаскивать вещи. Разъяснения находившегося на заводе оперработника Молотовского райотдела НКВД Ныркова рабочих не удовлетворили. Ныркову и директору завода рабочие угрожали расправой...

Группа лиц из числа рабочих завода № 219 (Балашихинский район) напала на проезжавшие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из города Москвы и начала захватывать вещи эвакуированных. Группой было свалено в овраг шесть легковых автомашин.

В рабочем поселке этого завода имеют место беспорядки, вызванные неправильными действиями администрации и нехваткой денежных знаков для выплаты зарплаты. Помощник директора завода по найму и увольнению, нагрузив автомашину большим количеством продуктов питания, пытался уехать с заводской территории. Однако по пути был задержан и избит рабочими завода.

Бойцы вахтерской охраны завода напились пьяными...

На Ногинском заводе № 12 группа рабочих напала на ответственных работников одного из главков Наркомата боеприпасов, ехавших из города Москвы по эвакуации, избивала их и разграбила вещи...

Группа грузчиков и шоферов, оставленных для сбора остатков имущества эвакуированного завода № 230,

взломала замки складов и похитила спирт. Силами оперсостава грабеж был приостановлен...

Директор фабрики «Рот фронт» (Кировский район города Москвы) Бузанов разрешил выдать рабочим имевшиеся на фабрике печенье и конфеты. Во время раздачи печенья и конфет между отдельными пьяными рабочими произошла драка. По прибытии на место работников милиции порядок был восстановлен».

Толпа, которая останавливала и грабила машины, становилась все более опасной. Писатель Аркадий Алексеевич Первенцев тоже пытался уехать из города вместе с женой. Он был писателем более чем процветающим, имел собственную машину с шофером. «Двухметрового роста, загорелый, красивый, веселый» — таким его увидел коллега по писательскому цеху.

Но дорогу перекрыла огромная толпа:

«Несколько человек бросились на подножки, на крышу, застучали кулаками по стеклу. Под ударами кулаком рассыпалось и вылетело стекло возле шофера. Машину схватили десятки рук и сволокли на обочину, какой-то человек поднял капот и начал рвать электропроводку. Десятки рук потянулись в машину и вытащили жену.

Красноармейцы пытались оттеснить толпу, но ничего не получилось. Толпа кричала, шумела и приготовилась к расправе. Я знаю нашу русскую толпу. Эти люди, подогретые соответствующими лозунгами 1917 года, растащили имения, убили помещиков, бросили фронт, убили офицеров, разгромили винные склады... Это ужасная толпа предместий наших столиц, босяки, скрытые двадцать лет под фиговым листком профсоюзов и комсомола. Армия, защищавшая шоссе, была беспомощна. Милиция умыла руки. Я видел, как грабили машины, и во мне поднялось огромное чувство ненависти к этой стихии.

— Небось деньги везешь, а нас бросили голодными! — заорали голоса. — Небось директор, сволочь. Ишь, какой воротник!

Я посмотрел на их разъяренные, страшные лица, на провалившиеся щеки, на черные, засаленные пальто и рваные башмаки, и вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую нас, сегодняшних бар, и этих пролетариев. Они видели во мне барина, лучше жившего во времена трагического напряжения сил при всех невзгодах пятилеток и сейчас позорно бросающего их на произвол судьбы».

Советский человек превратился вовсе не в носителя высокой морали, самоотверженного и бескорыстного труженика. Жизнь толкала его в противоположном направлении. О революционных идеалах твердили с утра до вечера. Но люди видели, что никакого равенства нет и в помине.

Аркадий Первенцев показал документы. Настроенные толпы изменилось. Его, как писателя, пропустили. Украли, правда, пиджак и теплые унты на волчьем меху, об утрате которых он будет потом сильно сожалеть.

«Мимо меня прошел мрачный гражданин в кепке и сказал, не поднимая глаз:

— Товарищ Первенцев, мы ищем и бьем жидов.

Он сказал это тоном заговорщика-вербовщика. Это был представитель воскресшей «черной сотни». История повторялась. Нас усадили в машину и расчистили нам путь с криками «пропустить писателя, мы его знаем».

Первенцев благополучно уехал. А вошедшая во вкус толпа бросилась грабить очередной правительственный автомобиль ЗИС-101: «Из него летели носовые платки, десятки пар носков и чулок, десятки пачек папирос. ЗИС увозил жирного человека из каких-то государственных деятелей, его жену в каракулевом саке и с

черно-бурой лисой на плечах. Он вывозил целый магазин. Из машины вылетел хлеб и упал на дорогу. Какой-то человек в пальто прыгнул к этому хлебу, поднял его и начал уписывать за обе щеки...»

А вот Андрей Николаевич Островцев, главный конструктор Московского автомобильного завода имени Коммунистического интернационала и будущий конструктор правительственного лимузина ЗИС-110, никуда не уезжал. Напротив, он пытался с семьей вернуться в столицу. Его дочь вспоминала: «В самый разгар паники в Москве, 16 октября, папа повез нас с дачи на машине в Москву. Когда машина остановилась на узком шоссе, потому что оно все было забито бегущими из Москвы, то к машине подошли подозрительные мужики и хотели нас выкинуть из машины. В этот момент папа нажал на газ, и машина рванула по обочине в Москву».

ВЗОРВАТЬ ГОРОД!

Сталин распорядился подготовить основные промышленные предприятия и другие важнейшие объекты города к взрыву. Еще 8 октября он подписал постановление Государственного Комитета Обороны «О проведении специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области»:

«В связи с создавшейся военной обстановкой Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Для проведения специальных мероприятий по предприятиям города Москвы и Московской области организовать пятерку в составе:

1) Заместителя наркома внутренних дел СССР т. Серова (руководитель);

2) Начальника Московского управления НКВД т. Журавлева;

- 3) Секретаря МГК ВКП(б) т. Попова;
- 4) Секретаря МК ВКП(б) т. Черноусова;
- 5) Начальника Главного военно-инженерного управления Наркомата обороны т. Котляра.

2. Создать в районах г. Москвы и Московской области тройки в составе:

Первого секретаря райкома ВКП(б) (руководитель), начальника райотдела НКВД и представителей инженерных частей Красной армии.

3. Обязать комиссию в однодневный срок определить и представить Государственному Комитету Обороны список предприятий, на которых должны быть проведены специальные мероприятия.

Разработать порядок, обеспечивающий выполнение этих мероприятий, выделить исполнителей и обеспечить предприятия необходимыми материалами.

4. Поручить пятерке тщательно проверить исполнителей и организовать их соответствующую техническую подготовку.

5. Комиссии наладить надлежащую связь с районными тройками и оповещение их о начале действий».

Подготовка к взрывам велась в абсолютном секрете. Поэтому руководителем «пятерки» назначили комиссара госбезопасности 3-го ранга Ивана Александровича Серова. По распределению обязанностей в Наркомате внутренних дел Серов курировал милицию, пожарную охрану, тюремное управление, штаб истребительных батальонов и управление по делам о военнопленных и интернированных.

В дни обороны Москвы Иван Серов командовал войсками НКВД московской зоны, в частности, занимался очищением столицы от преступников.

9 октября Серов представил Сталину список из тысячи ста девятнадцати предприятий города и области, которые предполагалось вывести из строя. Предприятия военного значения намеревались взорвать, осталь-

ные ликвидировать «путем механической порчи и поджога».

10 октября взрывчатые вещества были доставлены на предприятия, подлежащие уничтожению. Взрывные команды в ожидании приказа приступили к тренировкам.

Главный инженер старейшего в Москве хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» вспоминал:

«Мы поджигали шнур и за время его сгорания должны были пробежать определенную дистанцию... Каждому исполнителю полагалось для проведения этой операции по пять секунд на четыре точки... Он должен был выйти из цеха через двадцать секунд, иначе погибнет...

Уничтожению подлежали не только заводы оборонной промышленности, но и хлебозаводы, холодильники, мясокомбинаты, вокзалы, трамвайные и троллейбусные парки, мосты, электростанции, а также здания ТАСС, Центрального телеграфа и телефонные станции... Иначе говоря, жизнь в городе должна была стать невозможной. Не сложно представить себе, что произошло бы с горожанами, если бы вслед за приходом немцев они бы еще и лишились водопровода с канализацией.

— В октябре, в самые трудные дни боев под Москвой, — вспоминал маршал Георгий Константинович Жуков, — из Кремля валом шли различные запросы и часто не соответствующие обстановке указания Сталина. О том, что Верховный главнокомандующий находился в шоковом состоянии, можно судить хотя бы по постановлению ГКО об эвакуации столицы. По этому документу в случае появления войск противника у ворот Москвы Берия должен был взорвать свыше тысячи объектов в столице... К современной войне Сталин не был подготовлен, а отсюда и растерянность,

и неумение оценить обстановку, и грубейшие просчеты и ошибки...

Сталин справедливо предполагал, что если о плане взорвать город станет известно москвичам, они могут помешать подрывникам. Поэтому саперные работы велись секретно. Практической подготовкой к взрывам занимались московские чекисты под руководством начальника столичного управления НКВД старшего майора госбезопасности Михаила Журавлева.

20 октября Журавлев инструктировал своих подчиненных:

«Сов. секретно

Только лично

Начальнику РО НКВД Московской области

Прилагая при этом список предприятий Вашего района, предлагаю обеспечить на них подготовку спецмероприятий, сосредоточив на этой работе основное внимание.

По предприятиям, не включенным в данный список, подготовку к спецмероприятиям не проводить, а имеющиеся на них взрывчатые вещества немедленно изъять и передать на хранение по указанию районной тройки.

Одновременно отмечаю, что райотделы НКВД, проводя подготовку к спецмероприятиям, не уделяют достаточного внимания агентурно-оперативной работе, не ведут должной борьбы с различного рода антисоветскими проявлениями, слабо выявляют и изымают контрреволюционный элемент...»

Из Наркомата внутренних дел по аппарату правительственной связи позвонили Александру Александровичу Ветрову, заместителю наркома электротехнической промышленности, руководившему оборонными предприятиями отрасли, и без объяснения причин предложили немедленно явиться на Лубянку. Вызов в НКВД мог означать все, что угодно, в том числе и худ-

шее — арест. Прихватив с собой чемоданчик с бельем, заместитель наркома отправился на расположенную вблизи площадь.

В особом отделе чекист с двумя ромбами на петлицах (старший майор госбезопасности) сообщил Ветрову:

— Москва находится в угрожающем положении. В случае ее оставления нашими войсками должны быть уничтожены наиболее жизненно важные ее сооружения. На намеченных к уничтожению важнейших государственных объектах подготовлены специальные команды подрывников. Вы должны срочно проверить готовность таких команд, расположенных в доме правительства, гостиницах «Москва» и «Метрополь», к взрывным работам...

В небольшом подвальном помещении гостиницы «Москва», из которого в разные стороны тянулись электропровода, заместителя наркома встретил седой, угрюмого вида капитан. В его распоряжении были три минера-подрывника и молоденькая санитарка. Капитан предъявил чертежи подвальных помещений гостиницы «Москва» со схемой основных несущих конструкций, к которым были пристроены мощные заряды.

«Мы с капитаном обошли места минирования, — вспоминал замнаркома Ветров. — Убедившись в надежной подготовке этого огромного здания к намеченным экстремальным действиям, я об этом доложил по команде и, перейдя улицу, проник в подвальное помещение дома правительства.

В течение дня мною была проверена готовность минно-подрывных команд на пяти объектах центра столицы».

Александр Александрович Ветров, кадровый военный, участник войны в Испании, вскоре ушел на фронт, воевал в 15-м танковом корпусе, дослужился до погон генерал-лейтенанта.

Через много лет, в июле 2005 года, разбирая фундамент старого здания гостиницы «Москва», рабочие найдут около тонны тротила. Уже не было ни детонаторов, ничего другого, чтобы привести взрывчатку в действие. За это время она разложилась и перестала быть опасной. Но если бы постояльцы знали, что ночуют на грузе тротила, едва ли бы им сладко спалось в «Москве»...

А тогда, в октябре сорок первого, рабочие все-таки увидели, что предприятия готовят к уничтожению. 16 октября информация о том, что заводы заминированы и могут быть взорваны в любую минуту, подбила масла в огонь.

Журавлев докладывал в Наркомат внутренних дел: «На заводе № 8 около тысячи рабочих пытались проникнуть во двор. Отдельные лица при этом вели резкую контрреволюционную агитацию и требовали разминировать завод. Отправлявшийся с завода эшелон с семьями эвакуированных разграблен.

В связи с тем что на заводе № 58 не была выдана зарплата, рабочие ходили толпами, требуя денег. Со стороны отдельных рабочих имели место выкрики «Бей коммунистов!» и др. Рабочие были впущены в минированные цеха для получения зарплаты. Узнав, что они находятся в минированных цехах, рабочие подняли скандал. Завод получил от Ростокинского райкома ВКП(б) распоряжение продолжить работу, но большинство рабочих в цехах не осталось».

16 октября утром наркому авиационной промышленности Алексею Ивановичу Шахурину позвонила прославленная летчица Герой Советского Союза Валентина Степановна Гризодубова. Она недоуменно сказала, что в городе не ходят трамваи, не работает метро и закрыты булочные.

— Звонила и Щербакову, и Пронину, и Микояну, — возмущалась энергичная Валентина Степановна, — ни до кого не дозвонилась.

Шахурин сел в машину, поехал на свои заводы: «Москва та и не та. Гризодубова оказалась права: не работал городской транспорт, закрыты магазины. На запад идут только военные машины, на восток — гражданские, нагруженные до отказа людьми, узлами, чемоданами, запасными бидонами с бензином».

Наркома вызвали в Кремль, на квартиру Сталина. Нарком разделся и прошел по коридору в знакомую ему столовую. Мебель на месте, но бросилось в глаза то, что в книжном шкафу нет книг. Шахурин заметил, что сапоги у Сталина были совсем старые. Вождь поймал его удивленный взгляд и объяснил:

— Обувку увезли.

Сталин поинтересовался:

— Как дела в Москве?

Шахурин рассказал, что трамваи не ходят, метро не работает, магазины закрыты. На заводе, где он побывал, рабочие возмущены, что им не выплатили обещанные деньги — не хватило купюр в отделении Госбанка.

— Сам не видел, — добавил нарком, — но рассказывают, что на заставах есть случаи мародерства. Останавливают машины и грабят.

— Ну, это ничего, — неожиданно спокойно заметил Сталин. — Я думал, будет хуже.

Приказал приехавшему Щербакову:

— Нужно немедленно наладить работу трамвая и метро. Открыть магазины. Вам и Пронину — выступить по радио, призвать к спокойствию и стойкости...

Помолчав, Сталин поднял руку:

— Ну, все.

Похоже, вождь вздохнул с облегчением: Москва не вышла из повиновения и не восстала. Опасаться нечего.

Не этот ли момент имел в виду Сталин, когда после Победы, 24 июня 1945 года, на приеме в Кремле в

честь командующих родами войск советской армии Сталин произнес свою знаменитую речь о русском народе?

— Я как представитель нашего советского правительства хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа, — говорил тогда вождь. — У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения, когда наша армия отступала... Какой-нибудь другой народ мог бы сказать: ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду! Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся. Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое! За здоровье русского народа!..

А вечером 16 октября 1941 года в одном из кабинетов Совинформбюро сидели начальник управления пропаганды и агитации ЦК партии Георгий Федорович Александров и Мечислав Ильич Бурский, один из постоянных авторов бюро. Бурский позднее описал эту сцену своему родственнику — театральному критику Иосифу Ильичу Юзовскому: «Только что получено телефонное распоряжение о срочной эвакуации, еще полусекретное. Слух, что немцы могут ворваться с часу на час. Отдаются какие-то распоряжения. Лихорадочная атмосфера. Александров достает бутылку коньяку. Пьют из стакана и из крышки графина. Бур-

ский настроен спокойно-фаталистически, а Александров панически. Опынев, он начинает красноречиво говорить о том, что, вот, мол, как кончаются великие империи... Бурский возражает, что это еще не конец. Александров спорит с ним. Потом, вдруг протрезвев, испуганно замолкает».

Георгий Федорович Александров — известная в ту эпоху (пожалуй, анекдотически известная) личность. Автор учебника по истории западноевропейской философии, он в реальности даже не читал классиков мировой философской мысли. Творческая манера Александрова была известна в Москве. Рассказывали, как он вызывал к себе талантливое молодое ученого и говорил ему примерно следующее:

— Тут звонили из госбезопасности, справлялись о вас. Плохи ваши дела. Единственное для вас спасение — срочно написать такую-то книгу.

Александров запугивает его вновь и вновь и в конце концов получает рукопись, на которой смело ставит свое имя и отдает в издательство. Научные труды и звания помогли ему сделать карьеру в ЦК.

«Вот этого разговора и своей паники, — вспоминал Юзовский, — Александров не мог забыть их свидетелю Бурскому. Затем произошла темная история с осуждением Бурского в штрафники. Судом дергала рука Александрова... Бурский был убит в штрафном батальоне».

После смерти Сталина Георгия Федоровича Александрова сделали министром культуры. Но весной 1955 года в подмосковной Валентиновке открылось «гнездо разврата», где главный идеолог и партийный философ страны Александров, а с ним еще несколько высокопоставленных чиновников от культуры развлекались с женщинами легкого поведения.

Писатель Корней Иванович Чуковский записал в дневнике:

«Подумаешь, какая новость! Но разве в этом дело. Дело в том, что он бездарен, невежественен, хамоват, вульгарно-мелочен...

В городе ходит много анекдотов об Александрове. Говорят, что ему позвонили 8 Марта и поздравили с женским днем.

— Почему вы поздравляете меня?

— Потому что вы главная наша проститутка».

КТО МОГ — БЕЖАЛ

16 октября в 18.05 начальник метро приказал возобновить работу. Через сорок минут пошли поезда. Демонтаж метро прекратили.

Управляющему московским трамвайным трестом позвонил председатель исполкома Моссовета Василий Пронин:

— Почему не работают трамваи?

Управляющий включил центральный диспетчерский пункт. Диспетчер доложил, что на всех конечных станциях трамваи прибывают и вновь отправляются в рейсы.

Но город не успокоился. Ситуация только ухудшалась.

Выполняя указание вождя (сам не решился!), Щербаков по радио обратился к москвичам:

— Под давлением вражеских войск, прорвавших на одном из участков фронта нашу оборону, части Красной армии отошли на оборонительный рубеж ближе к Москве. Над Москвой нависла угроза. Но за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови... Самым опасным является паника, чего допустить нельзя... Сохраняйте выдержку и дисциплину! Обеспечивайте порядок! Московские организации обязали всех руководителей торговых предприятий,

городского транспорта, коммунальных и лечебных учреждений обеспечивать нормальную работу в городе. Директора и руководители предприятий и учреждений обязаны обеспечить твердый порядок... Товарищи, будьте бдительны! Провокаторы будут пытаться сеять панику. Не верьте слухам! Разоблачайте и задерживайте шпионов и провокаторов!

Свое обращение Щербаков закончил словами:

— Да здравствует Сталин!

Этих слов в подготовленном для него тексте не было. Здравицу вождю московский хозяин сам дописал карандашом. Его выступление было первым голосом исчезнувшей власти. Вечером передали и выступление Пронина. Ждали, конечно, слов Сталина. Но вождь молчал.

В тот же день, 17 октября, Александр Щербаков санкционировал решение секретариата горкома, написанное в спешке и потому не слишком грамотное:

«За неустойчивость в условиях, когда советский народ ведет борьбу с гитлеровцами и которая представляет опасность для партии:

- а) Дашко И.И. снять с поста первого секретаря Коминтерновского РК ВКП(б) и исключить из партии;
- б) снять с поста первого секретаря Ленинградского РК ВКП(б) Коростылева А.В. и исключить из партии».

17 октября профессор-литературовед Леонид Иванович Тимофеев записывал в дневник:

«Сегодняшний день как-то спокойнее. Тон газет тверже. Немцев нет, и нет признаков ближнего боя. Объявилась руководящая личность: выступил по радио Щербаков, сказал, что Москва будет обороняться, предупредил о возможности сильных бомбардировок...

Для партии и вообще руководства день 16 октября можно сравнить с 9 января 1905 года. Население не

скрывает своего враждебного и презрительного отношения к руководителям, давшим образец массового безответственного и, так сказать, преждевременного бегства. Это им массы не простят.

Слухи (как острят, агентства ГОГ — говорила одна гражданка, ОБС — одна баба сказала и т. п.) говорят, что Сталин, Микоян и Каганович улетели из Москвы 15-го. Это похоже на правду, так как развал ощутился именно с утра 16-го. Говорят, что Тимошенко в плену, Буденный ранен, Ворошилов убит. Во всяком случае, сегодня газеты признали, что наши войска окружены на Вяземском направлении. Вчера все шло по принципу «Спасайся, кто может». Убежали с деньгами многие кассиры, директора...

Сегодня говорят о расстрелах ряда бежавших директоров военных предприятий, о том, что заставы на всех шоссе отбирают в машинах все, что в них везут, и т. п. Но очереди огромные. Резко усилилось хулиганство. Появились подозрительные личности: веселые и пьяные. Красноармейцы не отдают чести командирам и т. п. Но части проходят по Москве с песнями, бодро...»

В реальности 17 октября исход из Москвы продолжался.

Кто мог — бежал из города.

«17 октября, — вспоминал Ираклий Иванович Сянгин, будущий вице-президент сельскохозяйственной академии наук, — я пошел в районный военкомат. Он помещался в школе, где я учился. Многие комнаты были пусты. Было впечатление, что сотрудники военкомата готовятся к эвакуации. Я добился приема у начальника третьего отделения. Я сказал этому офицеру, что способен носить оружие и прошу призвать меня в армию. Он ответил: «Эвакуируйтесь — такой сегодня приказ!»

Начальник главного управления Наркомата судостроительной промышленности Александр Иванович

Шокин, будущий министр электронной промышленности СССР, был после начала войны назначен особоуполномоченным Наркомата по производству боеприпасов на московских заводах.

Он получил приказ об эвакуации. 17 октября с товарищами выехал на автомашине из Москвы по единственной остававшейся дороге на Горький. На шоссе Энтузиастов машину остановила толпа с криками:

— Не дадим начальству драпать!

Люди попытались открыть дверцу машины и вытащить Шокина. Но Александр Иванович был вооружен. Удалось отбиться и уехать.

В город стягивали все войска, которые можно было собрать.

До войны лейтенант-артиллерист Александр Григорьевич Журавлев был начальником экспериментального цеха на Московском трансформаторном заводе. Его полк стоял на подмосковной станции Коломна. 17 октября полк подняли по тревоге.

«Перед нами выступил командир полка, ничего толком не объяснил, приказал идти на станцию, чтобы ехать в Москву, — вспоминал Журавлев. — На станции мы просидели до вечера. На Москву не было ни одного поезда. Зато из Москвы по всем колеям шли бесконечные составы с оборудованием, с народом. Народу было! Мы тут поняли — что-то нехорошее случилось.

Мы увидели Москву 17 октября. Ночью в казармах около Даниловского рынка пережили сильную бомбардировку. Утром получили приказ занять огневые позиции на опушке Филевского парка. Мы шли пешком и видели, какой была Москва. Крымский мост был заминирован. Около станции метро «Парк культуры» в рост человека были навалены мешки с песком. На Дорогомиловской улице — такие же баррикады... В магазинах на улице Горького витрины были завале-

ны мешками с песком. Видел один дом, в котором не было четвертой стены. Все насквозь было видно».

Александр Журавлев закончил войну в Праге, за форсирование Днепра получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза...

Его однофамилец — начальник управления НКВД Журавлев докладывал в наркомат:

«17 октября с. г. рабочие завода электротермического оборудования (Таганский район города Москвы), вооружившись чем попало (молотки, лопаты), окружили территорию завода. Требуя выдачи зарплаты, рабочие ничего не выпускали с завода.

На Ногинском заводе № 12 группа рабочих в количестве 100 человек настойчиво требовала от дирекции завода выдачи хранившихся на складе 30 тонн спирта. Опасаясь серьезных последствий, директор завода Невструев вынес решение выпустить спирт в канализацию. Ночная смена вахтерской охраны завода оставила пост и разграбила склад столовой с продовольствием, вследствие чего питание рабочих сорвано. Группа рабочих этого же завода напала на ответственных работников одного из главков Наркомата боеприпасов, ехавших из города Москвы по эвакуации, избила их и разграбила вещи.

Группа рабочих завода № 67 имени Тимошенко (Сталинский район города Москвы) разбила стоявшую у заводского склада грузовую автомашину с продуктами, предназначавшимися для эвакуированных детей. В составе группы были члены ВКП(б)...

Собравшиеся у ворот автозавода имени Сталина 1500 рабочих требовали пропустить их на территорию завода и выдать зарплату. Вахтерской охраной рабочие на завод допущены не были. Вахтеру, охранявшему проходную будку, было нанесено в голову ранение лопатой, и избиты два милиционера, пытавшиеся восстановить порядок...

С завода № 156 Наркомата авиационной промышленности ночью сбежали директор завода Иванов, пом. директора по найму и увольнению Шаповалов и начальник отдела кадров Калинин. Так как Шаповалова с машиной с территории завода охрана не пропускала, он угрожал вахтеру оружием. Группа рабочих этого завода (главным образом из состава вооруженно-вахтерской охраны) во главе с мастером Жеренковым взломала склад со спиртом. Все участники напились пьяными...

На заводе № 8 (Мытищинский район) около 1000 рабочих пытались проникнуть во двор. Отдельные лица при этом вели резкую контрреволюционную агитацию и требовали разминировать завод. Отправившийся с завода эшелон с семьями эвакуированных разграблен. Кроме того, рабочие угрожали разграбить кассу с деньгами. В 13 часов 30 минут на заводе возник пожар, в результате которого полностью уничтожен материальный склад управления капитального строительства... В грабеже принимали участие зам. директора завода Петров и председатель месткома. При попытке воспрепятствовать расхищению склада избиты секретарь парткома завода и представитель райкома ВКП(б)...

На заводе № 69 Наркомата вооружения во время погрузки технического спирта для отправки в гор. Свердловск группа рабочих силой изъяла бочку со спиртом и организовала пьянку. Директор завода и уполномоченный НКВД были вынуждены выставить вооруженную охрану, которая первоначально ничего не смогла сделать и применила оружие... Парторг ЦК ВКП(б) Маляренко с завода сбежал и выехал в Свердловск. Рабочие завода два дня не получают хлеба и ходят за ним пешком в Москву.

В Мытищинском районе толпой задержаны автомашины с эвакуированными семьями горкома партии.

Остановлены девять машин. Вещи с машин сняты. Выслана одна рота истребительного батальона. По городу расставлены патрули.

Руководители районных организаций гор. Перово (райком ВКП(б), райисполком и др.) прекратили работу».

Драпали все. И в те годы появилась злая шутка. Спрашивается:

— На какой ленточке медаль «За оборону Ленинграда»?

Ответ:

— На муаровой.

— А медаль «За оборону Москвы»?

— На драповой!..

ЭВАКУАЦИЯ С ПРИВИЛЕГИЯМИ

Верховный Совет СССР, аппарат правительства во главе с первым заместителем председателя Совнаркома Николаем Алексеевичем Вознесенским отбыли в Куйбышев. Центральное статистическое управление отправили в Томск, наркоматы мясной промышленности и земледелия, Сельхозбанк обосновались в Омске, Наркомат торговли — в Новосибирске, Главное управление Северного морского пути — в Красноярске.

Наркомат вооружения предполагалось отправить в Ижевск, но там уже негде было приткнуться. Второе место — Киров, но оттуда не было бы надежной связи с заводами. Решили эвакуироваться в Пермь.

С 15 октября Московский железнодорожный узел отправлял ежедневно примерно двадцать пять демонтированных предприятий, которые перебазировались на восток и юго-восток.

16 октября в столицу вернулся с фронта заместитель главного военного прокурора Красной армии Ни-

колай Порфирьевич Афанасьев. В военной прокуратуре тоже шла подготовка к эвакуации:

«Беготня, неразбериха, шум. Кипы всяких бумаг и дел таскали в котельную для сжигания. Кто и чем распоряжался — понять было трудно... Все это делалось в спешке, с криком и перебранкой... Рано утром 17 октября прокуратура эвакуировалась. Дом на Пушкинской, 15 совершенно опустел. Охрана, милиция, что охраняла вход с улицы, тоже исчезла. Правда, осталась при прокуратуре столовая от какого-то райпищеторга. Работники ее тоже собирались свертывать работу, но я приказал работу столовой продолжать».

Люди в страхе бросились на вокзалы и штурмовали уходившие на восток поезда.

«По дороге, — это детские впечатления, — вместе с машинами и людьми шли коровы. Иногда девушки вели, как слонов на привязи, длинные надувные шары (аэростаты противовоздушной обороны). Я очень боялась, что девушки могут улететь с этими огромными шарами. А однажды, когда мы с мамой пошли к врачу (на Лесную улицу), то на асфальте валялся даже шоколад, но брать его не разрешалось, так как по нему ходили люди (во время паники разграбили фабрику «Большевик») у Белорусского вокзала.

А потом за нами приехали на грузовике люди с маминой работы и стали ей говорить, что надо уезжать. Она не соглашалась. Тогда кто-то посадил меня в кузов грузовика...»

Генерал-лейтенант Павел Андреевич Ермолин, заместитель начальника тыла Красной армии, вспоминал: «Из окон Главного управления тыла, выходивших на улицу, можно было видеть автобусы и машины, заполненные взрослыми, детьми и домашними вещами. Появились старики и женщины, тянувшие салазки с мешками и чемоданами. С ними шли дети — малыши и школьники. Они двигались в сторону Комсомоль-

ской площади, к Казанскому вокзалу. В 18 час. 20 мин. из Москвы были отправлены первые эшелоны с эвакуированными. За одну ночь железнодорожники вывезли около ста пятидесяти тысяч человек, а к десяти часам утра 17 октября они смогли подать еще свыше ста поездов...»

Мария Иосифовна Белкина, жена критика Анатолия Кузьмича Тарасенкова, рассказывала, как перед эвакуацией из Москвы, 13 октября, она зашла в буфет Клуба писателей на улице Воровского:

«В дубовом зале свет не горел, у плохо освещенного буфета стояли писатель Валентин Катаев и Володя Луговской. Последний подошел ко мне, обнял.

— Это что — твоя новая бл...дь? — спросил Катаев.

— На колени перед ней! Как ты смеешь?! Она только недавно сына родила в бомбоубежище! Это жена Тарасенкова.

Катаев стал целовать меня. Они оба не очень твердо держались на ногах. В растерянности я говорила, что вот и билеты уже на руках и рано поутру приходит эшелон в Ташкент, а я все не могу понять — надо ли?

— Надо! — не дав мне договорить, кричал Луговской. — Надо! Ты что, хочешь остаться под немцами? Тебя заберут в публичный дом ээсовцев обслуживать!

И Катаев вторил ему:

— Берите ребеночка своего и езжайте, пока не поздно, пока есть возможность, потом пойдете пешком. Погибнете и вы, и ребенок. Немецкий десант высадился в Химках...

Огромная вокзальная площадь была забита людьми, вещами; машины, беспрерывно гудя, с трудом пробирались к подъездам... Мелькали знакомые лица. Пудовкин, Любовь Орлова (я случайно окажусь с ними в одном вагоне). Все пробежали мимо, торопились, кто-то плакал, кто-то кого-то искал, кто-то кого-то

окликал. Какой-то актер волок огромный сундук и вдруг, взглянув на часы, бросил его и побежал на перрон с одним портфелем, а парни-призывники, обритые наголо, с тощими котомками, смеялись над ним.

Подкатывали шикарные лаковые лимузины с иностранными флажками — дипломатический корпус покидает Москву. И кто-то из знакомых на ходу шепнул: правительство эвакуируется, Калинина видели в вагоне!

А я стояла под мокрым, липким снегом, который все сыпал и сыпал. Стояла в луже в промокших башмаках, держав на руках сына, стояла в полном оцепенении, отупении посреди горы наваленных на тротуаре чьих-то чужих и своих чемоданов, и, когда у меня окончательно занемели руки, я положила сына на высокий тюк и услышала крик:

— Барышня, барышня, что вы делаете, вы же так ребенка удушите — вы положили его лицом вниз!..»

«17 октября. Курский вокзал, — вспоминал полковник-артиллерист Павел Кузьмич Коваленко. — В зале вокзала негде ступить — все лестницы, где можно только поставить ногу, заполнены живыми телами, узлами, корзинами... Ожил в памяти 1919 год — год разгара гражданской войны, голода, разрухи и тифа... Кто мог предвидеть такое? Здесь неуместно говорить о многих вещах, но после войны, можно полагать, будет произведена коренная реформа во всех областях нашей экономики, перестройка воспитания».

«Вокзалы запружены уезжающими, — таким запомнил этот день врач скорой помощи Александр Григорьевич Дрейцер. — На привокзальных площадях очереди с вывесками организации на шесте. Толпы сидят на своем скарбе. Только воздушная тревога на время разгоняет эти толпы. Наживаются носильщики, люди с тачками и воришки... Везде одна тема разговора: куда ехать, когда едете, что везете с собой и т. д.

Заводы и фабрики отпустили рабочих. Дали аванс за месяц вперед. Выдают всему населению по пуду муки. Метро сутки не работало. На базарах и на улицах продают краденые конфеты и шоколад. Говорят, будто мясокомбинат разгромлен. По улицам проходят гурты скота. По Садовой угоняют куда-то несметное количество свиней. Темные личности бродят около и тянут в подворотни свиней чуть ли не на глазах у погонщиков».

Корней Иванович Чуковский записал в дневник впечатления об отъезде в эвакуацию:

«Вчера долго стояли неподалеку от Куйбышева, мимо нас прошли пять поездов — и поэтому нам не хотели открыть семафор. Один из поездов, прошедших вперед нас, оказался впоследствии рядом с нами на куйбышевском вокзале, и из среднего вагона (зеленого, бронированного) выглянуло печальное лицо М.И. Калинина.

Я поклонился, он задернул занавеску. Очевидно, в этих пяти поездах приехало правительство. Вот почему над этими поездами реяли в пути самолеты, и на задних платформах стоят зенитки».

Член политбюро Михаил Иванович Калинин долгие годы занимал пост, который в других странах считают президентским. Он был председателем президиума Верховного Совета СССР. Формально у него в руках была высшая государственная власть. Фактически он оформлял решения, принятые политбюро.

Поскольку все дипломаты уехали из Москвы, в здания иностранных миссий и личные резиденции послов вмонтировали подслушивающие устройства. Через несколько лет, когда дипломаты вернутся в Москву, они обнаружат эту технику, и возникнет скандал. Чекисты найдут оправдание: это была мера на случай временной оккупации Москвы немцами. Дескать, предполагали, что в этих зданиях разместятся немецкие генералы и

крупные чиновники. Вот оставленное в городе подполье и готовилось их подслушивать...

Аппарат Наркомата внутренних дел вместе с семьями тоже был эвакуирован. Берия оставил в столице только оперативные группы.

Наркомат обороны и Наркомат военно-морского флота перебрались в Куйбышев. Вечером 17 октября ушли два железнодорожных эшелона с личным составом Генштаба, который во главе с маршалом Шапошниковым перебрался в Арзамас-11.

«Я по обыкновению заглянул в генеральный штаб для ориентировки в текущих делах, — вспоминал редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг, — а там многие комнаты опустели. Комиссар генштаба Ф.Е. Боков объяснил, что в Москве оставлена небольшая оперативная группа во главе с А.М. Василевским, а все остальные перебазировались на запасной командный пункт».

Федор Ефимович Боков, окончив в 1937 году Военно-политическую академию имени В.И. Ленина, был назначен ее начальником. В сорок первом Сталин сделал его военным комиссаром Генерального штаба. Генерал-лейтенант Боков, человек без военных знаний и талантов, иногда оставался в Генштабе старшим начальником и докладывал Верховному главнокомандующему оперативные разработки.

После войны Сталин любил говорить:

— А помните, когда Генеральный штаб представлял комиссар штаба Боков?..

Вспоминая Бокова, Сталин весело смеялся. Между тем сам вождь считал Генштаб «канцелярией» и не уважал талантливых штабистов, которые держали в руках все нити управления вооруженными силами. За первые шестнадцать месяцев войны сменились три начальника Генерального штаба — Жуков, Шапошников, Василевский. Еще чаще менялись начальники

важнейшего, оперативного, управления, которые, конечно, не успевали освоиться в новой роли. Дольше всех продержался генерал Сергей Матвеевич Штеменко, который вполне устраивал Верховного.

А среди офицеров Генерального штаба была распространена нервозность. В провалах на фронте винили предателей и паникеров. Одного из операторов (то есть офицера, ведавшего определенным направлением) Генштаба приехавший с фронта военачальник обвинил в преувеличении мощи противника.

Оставшиеся в Москве генштабисты, вспоминал генерал Сергей Штеменко, работали круглосуточно. На ночь располагались в вагонах метро на станции «Кировская», но сидя спать было плохо, и туда подогнали железнодорожные вагоны. Тогда уже разместились с некоторым комфортом. В ночь на 29 октября фугасная бомба разорвалась во дворе Генштаба. Погибли три шофера, несколько человек были ранены. Генштаб остался без кухни. После этого уже полностью обосновались в метро.

Ситуация под Москвой была неясна, поэтому утром операторы Генштаба садились в машины, ехали в штаб Западного фронта в Перхушково, затем объезжали штабы армий и таким образом собирали информацию. Оставшийся за начальника Генштаба Василевский поправился Сталину, и 28 октября он произвел Александра Михайловича в генерал-лейтенанты...

«Когда началась война, — вспоминала юная тогда девушка, — я сдавала экзамены за четвертый курс Института философии, литературы и истории. Нам разрешили сдать [выпускные] экзамены без пятого курса. Нам казалось, что нормальная жизнь никогда не вернется. Наши мальчики все пошли добровольцами. Мы (компания девочек) получили бланки, где должны были расписаться профессора в приеме госэкзаменов.

Приехали мы к Дмитрию Николаевичу Ушакову. Он сидел в кресле у стола, заваленного бумагами, был бледен, небрит. Комната заставлена чемоданами. Мы, перебивая друг друга, объяснили суть дела. Ушаков рассеянно нас выслушал и сказал:

— Какие могут быть экзамены? Давайте бумажку, я подпишу.

Эту бумагу — документ о сдаче госэкзаменов — я возила в сумочке, когда ехала в Сибирь. В конце ноября, когда моя одиссея подходила к концу, я купила на новосибирском вокзале полкило соленых грибов, черных, скользких шляпок. За неимением другой тары грибы я завернула в этот документ, благо бумага была большая, глянцевая, плотная. А потом ее, размокшую, выбросила. Впоследствии это обошлось мне в три года учебы в заочном пединституте. Без этого у меня считалось неоконченное высшее образование. Это снижало зарплату, а впоследствии снизило бы и пенсию...

В институте нам всем предложили ехать в министерство просвещения распределяться на работу. Я получила направление в Хабаровский край. Мой папа, который очень боялся, что немцы возьмут Москву, и старался спасти хотя бы меня (сам он был начальником госпиталя), достал мне место в эшелон, который уходил на восток.

Ночь на семнадцатое октября. Бомбили каждый день. Три часа мы с отцом сидели прямо на пощади Курского вокзала и ждали посадки в эшелон. Над нами скрещивались лучи прожекторов и трассирующие зеленые и красные пулеметные очереди. Где-то очень высоко загорелся немецкий бомбардировщик, потом второй, третий. Они упали далеко, не видно было. Я очень боялась. Потом пошла к эшелону, попрощалась, и папа ушел.

Поезд составлен из дачных вагонов, их тащит паровоз. Нас в вагоне более шестидесяти человек. Места

сидячие. Здесь я жила около полутора месяцев. Когда выпал снег, мы купили железную печурку (буржуйку), около нее грелись. Топили углем, который воровали с платформ по ночам, пролезая на редких остановках под вагонами. В день нам должны были выдавать четыреста грамм хлеба, но это бывало редко. Чаше выдавали по четыре больших «армейских» сухаря. Кроме этого, у меня не было никакой еды. Не было и чайника. Кипяток мне давали из жалости, но редко. Я очень голодала. Однажды в привокзальном буфете нам без карточек дали по миске шей с куском свинины. В результате я заболела колитом, три дня лежала в бреду и не умерла, думаю, только по молодости лет. В эшелоне мы не мылись (не было воды), покрылись вшами. Спала я сидя, ноги у меня распухли так, что по окончании эпопеи валенки можно было снять только разрезав ножом...»

Другие ехали с большим комфортом. Советское общество было сословным и кастовым. Все зависело от занимаемой должности и принадлежности к той или иной группе. Скажем, Сталин высоко ценил идеологическую роль писателей и оделял их различными привилегиями. Впрочем, во время поспешной эвакуации из Москвы в октябре сорок первого в черный список попал и генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев. Его обвинили в том, что он фактически бежал из столицы и бросил товарищей-писателей на произвол судьбы.

Вторым человеком в аппарате Союза писателей, ведавшим всеми организационными делами, был в ту пору Валерий Яковлевич Кирпотин, литературный критик, работавший в тридцатых годах в ЦК партии. Всю жизнь он вел дневник, опубликованный после его смерти.

«Писатели нашли свое место на войне, — отмечал Валерий Кирпотин. — Но есть случаи иного порядка.

Леонид Максимович Леонов желает добыть себе разрешение, официально оформленное, для отъезда. Мещанская суть его выразилась особенно в претензии, чтобы правительство взяло тридцать (и его, конечно, в том числе) писателей с семьями и поместило бы на время войны в санаторий. Хочется, чтобы пылинка не коснулась благообразного и добротного быта, хотя бы весь мир был в огне...

Видимо, действует он на переделкинцев. Погодин требовал отъезда в Ташкент, говорил, что иначе сопьется. Но очухался и засел писать пьесу. Хочет уехать Федин, но с соблюдением приличий. Трогателен Пастернак, который вовсе не трусит. Стоял на крыше, «ловил» немецкие «зажигалки». Находит прелесть в московской жизни без семьи, с опасностью, не теряет внутренней свободы...»

Все вели себя по-разному.

«Вернулись Фадеев и Шолохов, — пометил в дневнике Аркадий Первенцев. — Они были всего три дня на фронте. Сейчас Шолохов в «Национале». Так, конечно, можно воевать. Интересно, какие выводы он сделал из своей поездки по фронту?»

Писатели ждали эвакуации. Очевидцы писали о заискивающих голосах и бледных, потных лицах тех, кто добывал документы на выезд. По плану эвакуации посылали в Казань. Самые практичные просили Ташкент — там теплее и сытнее. Наиболее важные, номенклатурные писатели получали уверения в том, что они значатся в особом списке — их «вывезут в любую минуту и не допустят остаться на съедение врагу».

Выезд из Москвы контролировался партийным аппаратом.

Первый секретарь Сокольнического райкома партии Екатерина Ивановна Леонтьева жаловалась руководителям города:

— Повальное шествие в райком партии — командировки туда, командировки сюда. Везде визы стоят то начальника главка, то председателя какого-нибудь союза, объединения — «разрешаю», «разрешаю».

— А командировки куда? — поинтересовался Щербаков.

— Спрашиваем, куда командировки. Говорят, в Свердловск. А где семья? В Свердловске. Или командировка в Молотов (ныне Пермь. — *Авт.*) Спрашиваем — где семья? В Молотове. Недавно была командировка в Тамбов. Я спрашиваю — где ваша семья? В Тамбове. Были случаи со стороны начальников главков. Я имею в виду Главмуку. Они эвакуировали семьи, а теперь некоторые семьи возвращают, и тут у них находятся опять мотивы, аргументация — как бы семью вернуть. Или отправляют начальника отдела технического контроля макаронной фабрики в Иркутск. Я говорю: неужели нельзя найти другого человека? Отвечают: он незаменим. А как же фабрика? На этой фабрике настроение нездоровое, а главк и наркомат политически к этому делу не подходят.

— Это дезертиры и их покровители, — грозно констатировал Щербаков.

— У нас есть директор тароремонтного завода, — продолжала секретарь райкома. — Нам пришлось его вытащить на бюро и провести показательное совещание. Два дня для него чурки готовили на газогенераторной машине, и в воскресенье он делает до трехсот километров к своей семье. И здесь тоже пишет начальник — «разрешаю»!

Екатерину Леонтьеву взяли на партийную работу перед войной, первым секретарем райкома она стала в апреле сорок первого, а до этого работала заместителем декана исторического факультета Московского института истории, философии и литературы.

Валерий Кирпотин конечно же описал и 16 октября:

«Фадеев сидел дома напряженный, как струна, ждал, когда за ним придут. Сам позвонить Щербакову не решался. Мне он сказал по телефону:

— Позвони Щербакову, назовись моим именем, и он возьмет трубку.

Я позвонил секретарю ЦК!

Мне сказали:

— Его нет.

Я сказал Фадееву:

— Щербакова нет.

Он воскликнул:

— Значит, он уехал!

Из этих слов я понял: он узнал, что хотел узнать.

— Не ехать — это измена, — добавил Фадеев. — Восстанови вагоны, которые были выделены писателям для эвакуации.

И я, не имея власти, пробивался на фантастически перегруженном Казанском вокзале через груды тел к каким-то дежурным, толкался, лез, наивно и самоотверженно выполняя невыполнимое поручение, которое должен был выполнить сам Фадеев со своей вертушкой, со своим положением члена ЦК...

Фадеев не имел права давать мне безнадежных поручений. Я не должен был вести себя, как добродетельная овца.

Фадеев уехал нормально, со всеми удобствами. Он знал, что я могу биться на вокзале головой о стену и ничего не добьюсь. Но он со свойственным ему в иные минуты цинизмом сделал меня потом козлом отпущения».

Аркадий Первенцев и Федор Панферов, крупные фигуры в писательском мире, пришли в здание Союза писателей. Спросили у Кирпотина:

— Какие новости?

— Звонил Фадеев. Он сказал, чтобы писатели выезжали, кто как может. Надежды на отдельный эшелон нет.

— Где Фадеев?

— Я пробовал с ним связаться. Его уже нет.

— Где Хвалебнова?

Ольга Александровна Хвалебнова служила в Союзе писателей партийным секретарем. Она была женой Ивана Федоровича Тевосяна, наркома черной металлургии. Взял ее в союз Фадеев, однокашник Тевосяна по Горной академии.

— Ее нет, — ответил Кирпотин.

— Они уже сбежали?

— Вероятно.

«Звонили в ЦК, — вспоминал Первенцев. — Ни один телефон не отвечал. Только телефонистки, несмотря на грядущую опасность, оставались на местах. Они не имели собственных или государственных автомобилей. Они не имели права покинуть посты. Только важные лица сбежали».

Писатели были недовольны своим генсеком, считая, что Фадеев перестал руководить Союзом писателей и плохо заботится о литераторах.

Александр Александрович Фадеев, эвакуированный в Куйбышев, ответил на обвинения оправдательной запиской секретарям ЦК Сталину, Андрееву и Щербакову:

«Среди литераторов, находящихся в настоящее время в Москве, распространяется сплетня, будто Фадеев «самовольно» оставил Москву, чуть ли не бросив писателей на произвол судьбы.

Ввиду того что эту сплетню находят нужным поддерживать некоторые видные люди, довожу до сведения ЦК следующее:

1. Днем 15 октября я получил из Секретариата тов. Лозовского директиву явиться с вещами в Информбюро для того, чтобы выехать из Москвы вместе с Информбюро...

Я не мог выехать с Информбюро, так как не все писатели по списку, составленному в Управлении агита-

ции и пропаганды ЦК, были мною погружены в эшелон, и я дал персональное обязательство тов. Микояну и тов. Швернику выехать только после того, как получу указание Комиссии по эвакуации через тов. Косыгина.

Мне от имени тов. Щербакова разрешено было задержаться, насколько необходимо. Я выехал под утро 16 октября, после того как отправил всех писателей, которые мне были поручены, и получил указание выехать от Комиссии по эвакуации через тов. Косыгина.

2. Я имел персональную директиву от ЦК (тов. Александров) и Комиссии по эвакуации (тов. Шверник, тов. Микоян, тов. Косыгин) вывести писателей, имеющих какую-нибудь литературную ценность, вывести под личную ответственность. Список этих писателей был составлен тов. Еголиным (работник ЦК) совместно со мной и утвержден тов. Александровым. Он был достаточно широк — 120 чел., а вместе с членами семей некоторых из них — около 200 чел. (учтите, что свыше 200 активных московских писателей находится на фронте, не менее 100 самостоятельно уехало в тыл за время войны и 700 с лишним членов писательских семей эвакуированы в начале войны).

Все писатели и их семьи, не только по этому списку, а со значительным превышением (271 чел.), были лично мною посажены в поезда и отправлены из Москвы в течение 14 и 15 октября (за исключением Лебедева-Кумача — он еще 14 октября привез на вокзал два пикапа вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался, — Бахметьева, Сейфулиной, Мариэтты Шагинян и Анатолия Виноградова — по их личной вине). Они, кроме А. Виноградова, выехали в ближайшие дни.

Для обеспечения выезда всех членов и кандидатов Союза писателей с их семьями, а также работников ап-

парата Союза (работников Правления, Литфонда, Издательства, журналов, «Литгазеты», Иностранной комиссии, Клуба) Комиссия по эвакуации при Совнаркоме СССР по моему предложению обязала НКПС предоставить Союзу писателей вагоны на 1000 чел. (в эвакуации какого-либо имущества и архивов Правления Союза было отказано). За 14 и 15 октября и в ночь с 15 на 16 организованным и неорганизованным путем выехала примерно половина этих людей. Остальная половина (из них по списку 186 членов и кандидатов Союза) была захвачена паникой 16 и 17 октября. Как известно, большинство из них выехали из Москвы в последующие дни.

3. Перед отъездом мною были даны необходимые распоряжения моему заместителю (тов. Кирпотину), секретарю «Литгазеты» (тов. Горелику) и заместителю моему по Иностранной комиссии (тов. Аплетину). Секретарь парторганизации тов. Хвалебнова, уезжавшая с мужем с разрешения Краснопресненского Райкома, дала при мне необходимые распоряжения своему заместителю (тов. Хмара) и зав. Секретной частью Союза (тов. Болихову). Кирпотин моих распоряжений не выполнил и уехал один, не заглянув в Союз. Это, конечно, усугубило паническое настроение оставшихся. Остальные работники свои обязательства выполнили...

Я выехал под утро 16 октября после того, как отправил всех писателей, которые были мне поручены, и получил указание выехать от Комиссии по эвакуации через тов. Косыгина...

Работа среди писателей (в течение пятнадцати лет) создала мне известное число литературных противников. Как это ни мелко в такое время, но именно они пытаются выдать меня сейчас за «паникера».

Это обстоятельство вынуждает меня сказать несколько слов о себе. Я вступил в партию в период колчаковского подполья, был участником Гражданской

войны (от рядового бойца и политрука пулеметной команды до комиссара бригады), участвовал в штурме Кронштадта в 1921 г. и дважды был ранен.

Я делал немало ошибок, промахов и проступков. Но на всех самых трудных этапах революции, включая и современный, я не был просто «поддерживающим» и «присоединяющимся», а был и остался активным борцом за дело Ленина и Сталина. Изображать меня «паникером» — это глупость и пошлость.

Как и многие большевики, я с большой радостью остался бы в Москве для защиты ее, и, как у многих большевиков, все мои помыслы и желания направлены к фронту.

Если бы мне разрешили выехать на фронт в качестве корреспондента или политработника, я смог бы принести пользы не меньше других фронтовых литераторов».

Не дожидаясь ответа на письмо, на следующий день Фадеев отправил члену политбюро, секретарю ЦК и председателю Комиссии партийного контроля при ЦК Андрею Андреевичу Андрееву короткую телеграмму:

«Прошу разрешить выехать на Западный фронт».

Андреев переправил телеграмму начальнику Главного политуправления Красной армии Льву Захаровичу Мехлису, человеку резкому и не сентиментальному. Тот ответил немедленно:

«Писатель Фадеев прислал телеграмму с просьбой посодействовать перед ЦК ВКП(б) о направлении его на фронт в качестве корреспондента, как будто ему кто-то мешает. Прошу Вас передать Фадеева на несколько месяцев в распоряжение ГлавПУРККА, а мы заставим его обслуживать армию художественным словом».

Но тут Щербаков возразил против отправки Фадеева на фронт, считая, что он должен работать в Союзе писателей.

У Фадеева уже были серьезные проблемы с идеологическим начальством. В начале войны, вернувшись с фронта, он запил, — не выдержал того, что увидел. Запил и исчез, не появлялся в доме на улице Воровского, где находился аппарат Союза писателей. Его подчиненные привыкли к внезапным исчезновениям своего руководителя.

Другие чиновники не были склонны проявлять снисходительность.

Заместитель начальника Совинформбюро Соломон Абрамович Лозовский отправил секретарю ЦК Щербакову секретную записку:

«Обращаю Ваше внимание на совершенно недопустимое отношение т. Фадеева к своим обязанностям. На протяжении всего времени его работы в Информбюро он периодически исчезает на несколько дней, совершенно не интересуясь порученным ему делом. Вместо того чтобы собирать вокруг Литературного отдела писателей, привлечь наших музыкантов, кинорежиссеров, композиторов и всех работников искусства для сотрудничества в иностранных газетах и журналах, т. Фадеев растерял то, что было с самого начала организовано.

Нельзя дальше терпеть такое отношение к работе, особенно в условиях военного времени. Я предлагаю:

1. Освободить т. Фадеева от работы в Информбюро.
2. Назначить зав. Литературной группой Евг. Петрова.
3. Дать ему в качестве заместителя члена партии т. Бурского.

Чем скорее мы проведем эти решения, тем лучше».

Советское информационное бюро создали 24 июня для управления информационными потоками — оно решало, когда и что сообщать о положении на фронтах и внутри страны. Все газеты лишились права со-

общать информацию о положении на фронтах раньше появления сводки Совинформбюро.

Когда Фадеев срочно понадобился Александру Сергеевичу Щербакову, тот отыскал его с помощью чекистов. Щербаков не любил державшегося самостоятельно Фадеева, тот отвечал ему взаимностью: «Я ненавижу Щербакова за то, что он кичился своей бюрократической исполнительностью, своей жестокостью бесчеловечного служаки».

По указанию Щербакова партийные органы провели следствие. Установление истины не составило труда. Фадеева решили наказать. 23 сентября 1941 года политбюро утвердило постановление бюро Комиссии партийного контроля при ЦК:

«По поручению Секретариата ЦК ВКП(б) Комиссия Партийного Контроля рассмотрела дело о секретаре Союза советских писателей и члене ЦК ВКП(б) т. Фадееве А.А. и установила, что т. Фадеев А.А., приехав из командировки с фронта, получив поручение Информбюро, не выполнил его и в течение семи дней пьянствовал, не выходя на работу, скрывая свое местонахождение. При выяснении установлено, что попойка происходила на квартире артистки Булгаковой.

Как оказалось, это не единственный факт, когда т. Фадеев по нескольку дней подряд пьянствовал. Аналогичный факт имел место в конце июля текущего года. Факт о попойках т. Фадеева широко известен в писательской среде.

Бюро КПК при ЦК ВКП(б) постановляет:

считать поведение т. Фадеева А.А. недостойным члена ВКП(б) и особенно члена ЦК ВКП(б), объявить ему выговор и предупредить, что если он и впредь будет продолжать вести себя недостойным образом, то в отношении его будет поставлен вопрос о более серьезном партийном взыскании».

Елена Сергеевна Булгакова, у которой скрывался Фадеев, — это вдова писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, автора знаменитого романа «Мастер и Маргарита». Фадеев хорошо относился к Булгакову, а еще лучше к его вдове.

Фадеев был не только известнейшим писателем, но и крупной политической фигурой. Вождь подарил ему должность генерального секретаря, сделал его «писательским Сталиным». Генсеку Фадееву сходило с рук то, что другим стоило бы жизни. Поэтому тогда Александр Александрович отделался выговором, хотя в военное время такую эскападу могли бы приравнять к дезертирству. Это была личная милость вождя.

Теперь Сталин не то чтобы охладел к Александру Александровичу, но, во всяком случае, на первый план выдвинулись другие литераторы, те, кто был на фронте и писал на военные темы, прежде всего молодой Константин Михайлович Симонов, чья поэзия и драматургия оказались созвучными настроениям солдат и офицеров действующей армии.

КТО ТУТ ГЛАВНЫЙ ТРУС?

Журналист Николай Вержбицкий записывал в дневнике горькие наблюдения:

«17 октября. Постепенно вырисовывается картина того, что произошло вчера. (Некоторые называют это великой провокацией, некоторые — не менее великой глупостью)... У рабочих злоба против головки, которая бежала в первую очередь. Достается партийцам...

18 октября. Все ломают головы над причинами паники, возникшей накануне. Кто властный издал приказ о закрытии заводов? О расчете с рабочими? Кто автор всего этого кавардака, повального бегства, хищений, смятения в умах? Стенная литература, кроме

газет, никакая не появляется. Вместо нее кругом кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что «капитаны первыми сбежали с кораблей», да еще прихватили с собой ценности...

Истерика наверху передалась массе. Начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверенность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славословия...

Страшно слушать. Говорят кровью сердца. Неужели может держаться город, у которого такое настроение? И опять — все в тумане. В очередях драки, душат старух, давят в магазинах, бандитствует молодежь, а милиционеры по 2—4 слоняются по тротуарам и покуривают. «Нет инструкций...»

Да, 16 октября 1941 года войдет позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы. И кто навязал нам эту дату, этот позор? Люди, которые первые трубили о героизме, негибамости, долге, чести...

Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись на восток автомобили вчерашних «энтузиастов» (на словах), груженные никелированными кроватями, кожаными чемоданами, коврами, шкатулками, пузатыми бумажниками и жирным мясом хозяев всего этого барахла... А сейчас мне сообщают, что у Абельмановской заставы толпа сама задерживала бегущих и выволакивала их из машины. Толпа всегда честная, в плохом и хорошем».

В учреждениях отделы кадров жгли ведомственные архивы, уничтожали личные документы сотрудников и телефонные справочники. Самые главные архивы — ЦК партии и Совнаркома, Комитета обороны, Исполкома Коминтерна, Наркомата внутренних дел — в со-

ответствии с решением политбюро — вывезли в Уфу еще в июле.

Секретарь московского горкома партии по химии и металлургии Иван Михайлович Колотыркин признавал:

— Одной из главных причин создавшейся обстановки — имею в виду нервозность отдельных граждан — считаю массовую и очень быструю эвакуацию промышленности, центральных учреждений. В какой спешке сжигали документы! Черный дым, листы обгоревшей бумаги... Все это, вместе взятое, создавало у определенного круга нервозность.

Иван Колотыркин был секретарем горкома по оборонной промышленности. Но 24 сентября в городском партаппарате образовали отдел химической и металлургической промышленности, выделив его из отдела военной промышленности, и ввели должность секретаря МГК по химии и металлургии. Он отвечал, в частности, за производство боеприпасов на столичных заводах...

«На улице холодно, ветрено, мокрые хлопья снега, пронизывающая сырость, — записывал очевидец. — Что-то сжигают, да так спешно, что полуобгоревшие листы бумаги вылетают из труб, лежат на асфальте... Решили уничтожить все бумаги, относящиеся к электричеству. И все служащие старательно жгли и рвали карточки абонентов. В Москве 940 тысяч счетчиков, на каждый имеется несколько картонных карточек с указанием сумм, подлежащих уплате, фамилии и адреса.

Если бы эти документы и достались немцам, они им ничего не сказали бы секретного! Но все же это все разорвано, причем у рвавших руки были в мозолях, а собрать потом плату за сентябрь, октябрь и начало ноября оказалось невозможно, так как неизвестны показания счетчиков, записанные в последний раз и уничтоженные».

Самое поразительное состоит в том, что в этой суматохе потеряли действительно секретные документы, которые никак не должны были попасть в руки врага.

9 октября секретариат московского горкома постановил:

«Обязать райкомы ВКП(б) немедленно принять меры к приведению всего партийного хозяйства райкомов партии и первичных партийных организаций в должный порядок.

Предложить секретарям первичных парторганизаций составить опись на имеющиеся у них партийные документы и подготовить их к сдаче на хранение в райкомы ВКП(б)».

Секретариат горкома и обкома партии распорядился 9 октября вывезти из Москвы важнейшие документы:

«Обязать заведующего оргинструкторским отделом МК ВКП(б) тов. Сорокина, заведующего облпартархивом тов. Севастьянова и управляющего делами МК и МГК ВКП(б) тов. Антипова организовать за пределы гор. Москвы и области эвакуацию документов Московского областного, Московского городского комитетов ВКП(б), горкомов и райкомов ВКП(б).

Эвакуации подлежат все учетные карточки членов и кандидатов в члены ВКП(б), книги регистрации учетных карточек, книги учета и выдачи партийных билетов и кандидатских карточек, протоколы заседаний бюро, пленумов горкомов, райкомов, МК и МГК ВКП(б), протоколы районных партийных собраний и собраний партактива, документы секретной переписки и учетные карточки членов ВЛКСМ.

Эвакуацию закончить до 12 октября с. г.

Поручить начальнику УНКВД Московской области тов. Журавлеву обеспечить вооруженную охрану эвакуируемых партийных активов и партийных документов как в пути следования, так и на месте их размещения».

Отдельное постановление было посвящено личным делам руководящих работников:

«О личных делах на номенклатурных работников в отделах кадров МК, МГК ВКП(б), горкомах и райкомах области и гор. Москвы»:

«1. Поручить тов. Троицкому личные дела отделов кадров МК и МГК ВКП(б) эвакуировать.

Для продолжения нормальной работы отделов кадров оставить из каждого личного дела справку.

2. Личные дела, находящиеся в горкомах и райкомах области и города, подлежат уничтожению по распоряжению первого секретаря горкома-райкома».

Остальные документы партийного архива — сжечь.

И что же? Некоторые сотрудники обкома и горкома партии первыми благополучно покинули столицу. 17 октября вечером они были уже в полной безопасности, в Горьком. Свой личный багаж они прихватили с собой, а казенный потеряли.

На следующий день, 18 октября, заместитель наркома внутренних дел Иван Серов доложил Лаврентию Бери: «Сегодня, в 15 часов, при обходе туннеля Курского вокзала работниками железнодорожного отдела милиции было обнаружено тринадцать мест бесхозного багажа. При вскрытии багажа оказалось, что там находятся секретные пакеты МК ВКП(б), партийные документы: партбилеты и учетные карточки, личные карточки на руководящих работников МК, МГК, облисполкома и областного управления НКВД, а также на секретарей райкомов города Москвы и Московской области».

Иначе говоря, перепуганные насмерть сотрудники московского партаппарата, спасая свою шкуру, бросили на Курском вокзале самые секретные материалы. Если бы немцы вошли в город и эти ящики попали в руки гестапо, все оставшиеся в городе видные члены партии были бы обречены на уничтожение.

В тот же день, 18 октября, начальник московской милиции Виктор Николаевич Романченко доложил заместителю наркома Серову: «Распоряжением Московского комитета ВКП(б) и Московского Совета о расчете рабочих предприятий, кои подлежат уничтожению, и об эвакуации партийного актива жизнь города Москвы в настоящее время дезорганизована... Районные комитеты партии и райсоветы растерялись и фактически самоустранились от управления районом... Считаю необходимым предложить горкому партии временно прекратить эвакуацию партийного актива».

Чекисты не без злорадства сообщали, что партийные чиновники драпанули и бросили город на произвол судьбы. Аппаратчики же считали, что чекисты к ним несправедливы. Московские руководители валили вину друг на друга.

Александр Щербаков говорил на партактиве:

— Мы отстранили от работы секретаря Москворецкого райкома Твердовского. Это типичный пример того, как человек растерялся, в первый день растерялся. Как только началась война, у него морда дергается, губы дрожат, распустился. Придет в аппарат, посмотрят на него, от одного вида тошно станет. Мы ждать не стали, вышибли, потому что загубит такой, один вид людей в уныние приводит. Раскис, никакой это не руководитель. Еще одного секретаря заменили — Ходорова. Нельзя сказать, что он растерялся или что-нибудь в этом духе, но повел себя недостойно. Во время бомбежки с какими-то девчонками путались, занимались совсем не теми делами, какими надо заниматься в военное время.

Выступая 29 сентября с докладом «О состоянии партийно-политической работы в Московской организации ВКП(б)», Щербаков вновь вернулся к этой теме:

— Я должен сказать, что нытики и паникеры оказались кое-где и среди партийных руководителей. Бывший секретарь Москворецкого райкома Твердовский вместо того, чтобы мобилизовывать коммунистов, начал разлагать партийные организации. Трусам и паникерам не место в наших рядах, тем более нет и не может быть им места среди руководителей. Для большевика трудности не страшны. Большевики могут преодолевать любые трудности...

Вот эта пустая трескотня поразительно контрастировала с реальным поведением партийных начальников. Понятно, когда город, боясь немцев, покидали люди в возрасте, женщины с детьми. Но руководители города могли и обязаны были оборонять Москву.

Второй секретарь горкома партии Георгий Попов возложил вину на своего прямого руководителя — Александра Щербакова:

«Я поехал в московский комитет партии. Там было безлюдно. Навстречу мне шла в слезах буфетчица Оля, которая обычно приносила нам чай с бутербродами. Я спросил ее, где люди. Она ответила, что все уехали.

Я вошел в кабинет Щербакова и задал ему вопрос, почему нет работников на своих местах. Он ответил, что надо было спасать актив. Людей отвезли в Горький. Я поразился такому ответу и спросил: а кто же будет защищать Москву?

Мы стояли друг против друга — разные люди, с разными взглядами. В тот момент я понял, что Щербаков был трусливым по характеру.

Весной 1938 года Георгий Михайлович Попов закончил Промышленную академию, приобрел специальность «инженер по организации труда и производства». Но на производство не попал. В июле его откомандировали «в распоряжение ЦК ВКП(б)». Молодого инженера взял к себе главный партийный кадровик Георгий Максимилианович Маленков и назначил ответственным

ным инструктором отдела руководящих партийных органов.

Но в ЦК Попов проработал всего четыре месяца. В октябре разом сменили все московское руководство. Руководить столицей поставили людей со стороны — Щербакова (его перевели из Донецка) и Попова. 2 ноября 1938 года Георгий Михайлович был определен вторым секретарем в московский горком. По распределению обязанностей ведал столичной промышленностью, в первую очередь самой важной — авиационной, и конечно же чисто партийными делами, вел всю организационную работу.

Второй секретарь — в отсутствие первого — председательствовал на бюро горкома, которое рассматривало отчеты районных комитетов, отделов городского комитета, парткомов различных ведомств. Бюро утверждало кандидатуры чиновников номенклатуры городского уровня и выносило решения по персональным делам коммунистов, совершивших проступки. Попов руководил заседаниями секретариата горкома, который также собирался раз в неделю и рассматривал все текущие дела.

Второй секретарь столичного горкома — видная должность. Но между ним и хозяином Москвы — дистанция огромного размера. Казалось бы, второй секретарь сидит рядом с первым. Но он всего лишь чиновник, а Щербаков — наместник высшей власти.

В сентябре 1940 года Попов впервые побывал у вождя.

— Нас вызывают к товарищу Сталину, — торжественно предупредил его Александр Сергеевич, — поедете в Кремль.

По словам Попова, «лицо у Щербакова было очень бледное, он был взволнован». Георгий Михайлович, надо понимать, понравился вождю. В феврале 1941 года на XVIII партийной конференции Сталин назвал

его «серьезным, деловым человеком» и предложил из кандидатов перевести в члены ЦК.

Попов был грубым и малограмотным человеком; подбирая себе команду, предпочитал людей хватких и напористых. В городском партийном аппарате чувствовали, что Георгий Михайлович недолюбливает своего руководителя. Но не знали, что было тому причиной. Это выяснилось уже позже. Никита Сергеевич Хрущев рассказывал, что назначили Попова в московский комитет, вторым человеком к Щербакову, с дальним прицелом.

«Сталин, — вспоминал Хрущев, — дал мне и Маленкову поручение:

— Вы подберите вторым секретарем такого человека, который следил бы за Щербаковым и в случае чего доложил бы нам.

Потом Щербаков так повернул дела, что, будучи подхалимом и цепным псом, стал «грызть» людей и буквально на спинах своих жертв выдвигался, завоевывая себе авторитет у Сталина».

Но конечно же не один Щербаков был виновен в октябрьских событиях. Опозорилось начальство всех рангов — прежде всего Сталин и его соратники по политбюро. А их примеру следовали чиновники поменьше рангом. Вот секретная справка горкома партии: «Из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников. Бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено наличными деньгами за эти дни 1 484 000 рублей, а ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей. Угнано сотни легковых и грузовых автомобилей».

Заведующий организационно-инструкторским отделом горкома партии Сергей Николаевич Наголкин представил Щербакову записку «О фактах уничтоже-

ния партийных билетов 16—17 октября 1941 года в Москве»:

«Всего в Московской парторганизации, по предварительным данным, уничтожено за 16—17 октября свыше 1000 партийных и кандидатских карточек. Уничтожение партийных документов имело место не только в прифронтовых районах...

В Сталинском районе столицы установили 141 случай уничтожения партбилетов, в Ленинском районе — 102 случая, в Пролетарском — 76, в Кировском — 67, во Фрунзенском — 50. На фабрике «Красный Октябрь» (Ленинского района) из 230 коммунистов билеты уничтожили 54 члена партии, в том числе два секретаря цеховых парторганизаций. В Краснопресненском районе из 71 случая уничтожения партдокументов — 60 билетов уничтожили в комбинате «Трехгорная мануфактура».

В парторганизации Устинской шелкокрутильной фабрики Пролетарского района председатель фабкома Купцова, сжигая документы фабкома, сожгла и комсомольские билеты у тт. Лоташевой и Осташкиной, после чего поручила им передать коммунистам и комсомольцам, проживающим при фабрике, чтобы они уничтожили свои партийные и комсомольские документы. В этой парторганизации 19 коммунистов из 42 уничтожили свои документы...

Всего выявлен 1551 случай уничтожения коммунистами своих партийных документов. Большинство коммунистов уничтожили партдокументы вследствие трудности в связи с приближением фронта».

Страх охватил даже аппарат Центрального комитета партии, который требовал от всей страны и от армии самопожертвования: ни шагу назад! Умереть, но не отступить!.. Запрещали сдаваться в плен даже в безвыходной ситуации — требовали застрелиться! Так должны были поступить все остальные. Только не они сами.

Заместитель начальника 1-го отдела НКВД (охрана руководителей партии и правительства) старший майор госбезопасности Дмитрий Николаевич Шадрин доложил заместителю наркома внутренних дел Всеволоду Николаевичу Меркулову, что обнаружили чекисты в брошенном здании ЦК:

«После эвакуации аппарата ЦК ВКП(б) охрана 1-го Отдела НКВД произвела осмотр всего здания ЦК. В результате осмотра помещений обнаружено:

1. Ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было.

2. Все хозяйство: отопительная система, телефонная станция, холодильные установки, электрооборудование и т. п. — оставлено без всякого присмотра.

3. Пожарная команда также полностью вывезена. Все противопожарное оборудование было разбросано.

4. Все противохимическое имущество, в том числе больше сотни противогазов «БС», валялись на полу в комнатах.

5. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП(б) и другие документы.

6. Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен.

7. Оставлено больше сотни пишущих машинок разных систем, 128 пар валенок, тулупы, 22 мешка с обувью и носильными вещами, несколько тонн мяса, картофеля, несколько бочек сельдей, мяса и других продуктов.

8. В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов...»

Старший майор госбезопасности Дмитрий Шадрин служил в органах с 1929 года. В 1939 году окончил Военную академию механизации и моторизации РККА имени Сталина. Заместитель наркома Меркулов рас-

порядился переправить его рапорт секретарю ЦК Маленкову.

Начальники без оглядки бежали из Москвы, считая, что война проиграна. Поразительно, какими трусливыми они все оказались.

Ревностное служение режиму, следование всем, даже самым нелепым, догмам почти всегда имели весьма циничное объяснение.

«Одна из замечательных особенностей советской системы в том, что в ней была масса маленьких начальников, — отмечает известный социолог Владимир Эммануилович Шляпентох. — Она культивировала маленьких начальников, вручая огромному количеству людей какой-либо элемент власти над другими людьми. Пусть человек даже будет агитатором — он уже приобретал какой-то маленький рычаг воздействия на других людей. Это было мощным цементирующим фактором системы».

Партийные чиновники служили не потому, что верили в идеалы и правоту своего дела, а потому, что высокое место в системе наделяло их привилегиями. Как только советская власть зашаталась, система стала рассыпаться.

21 октября бюро московского обкома постановило:

«За дезертирство со своих постов в момент угрозы захвата района немецкими фашистами снять с работы и исключить из партии секретаря Шаховского РК ВКП(б) Мухина М.В. и председателя исполкома райсовета Родионова В.Е.

Глебова А.С. за преступление, выразившееся в том, что он важнейшие партийные документы, порученные ему для доставки по назначению, бросил и сам убежал — с работы заместителя заведующего оргинструкторского отдела МК ВКП(б) снять, исключить из партии, и дело передать в военный трибунал...

За трусость и дезертирство со своих постов в момент захвата района немецкими фашистами секретаря

ря Малоярославецкого РК ВКП(б) Денисова М.Ф. и председателя исполкома райсовета Панченко А.С. с работы снять, исключить из партии и предать суду военного трибунала».

29 ноября партколлегия московского обкома исключила из партии сорок два человека за трусость и дезертирство. В первую неделю декабря исключили больше двухсот семидесяти человек.

В городе, чтобы навести порядок, провели чистки и облавы.

«Сводка военной комендатуры

21 октября 1941 г.

Секретно

Лит. «А»

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Доношу, что за истекшие сутки с 20.00 19 октября до 20.00 20 октября задержано 1530 чел., из них

Провокаторов 14 чел.

Дезертиров 26 чел.

Нарушителей порядка 15 чел.

Прочих нарушителей 33 чел.

Отставших от частей 1442 чел.

Отправлены в маршевые части через Московский пересыльный пункт — 1375 чел.

Осуждено:

К тюремному заключению на разные сроки — 7 чел.

К высшей мере наказания — расстрелу — 12 чел.

Комендант гарнизона г. Москвы
Генерал-майор *Синилов*».

Город, по-прежнему не понимая, что происходит, пребывал в страхе.

«В Москву я прибыл 20 октября, — вспоминал генерал-лейтенант Николай Александрович Брусни-

цын, — и был поражен беспорядками, паническим настроением жителей города... Над Москвой висели аэростаты воздушного ограждения. Некоторые улицы были перегорожены противотанковыми бетонными надолбами и стальными «ежами». Буквы «М» над входами в московское метро светились маскировочным синим огнем».

**«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР**

**НАЧАЛЬНИКУ ГАРНИЗОНА ГОРОДА МОСКВЫ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ т. АРТЕМЬЕВУ**

С 21 часа до 24 часов 20 октября с. г. произведена оперативная проверка домовладений, вокзалов, ресторанов, гостиниц и других мест концентрации граждан города.

В обходах и облавах участвовало 2500 бойцов и командиров войсковых частей, 3017 чел. работников милиции. Всего 5517 человек с общим количеством групп 278.

В результате операции по городу задержано 283 чел.
Из них:

дезертиров 26 чел.

нарушителей паспортного закона 244 чел.

за проституцию 13 чел.

Все задержанные проверяются

**Комендант гарнизона г. Москвы
Генерал-майор *Синилов*».**

Партийный аппарат спешил оправдаться. Чиновники наперебой докладывали начальству о своей стойкости. Заведующая отделом пропаганды и агитации Первомайского райкома ВКП(б) Жидкова составила докладную записку:

«О массово-политической работе в Первомайском районе за период с 15 октября по 20 ноября 1941 г.

Отдел пропаганды и агитации Первомайского РК ВКП(б) не прекращал своей работы ни на один день.

Состав отдела следующий:

зав. отделом пропаганды и агитации

зав. агитпунктом

лектор.

В особо напряженные дни 15, 16, 17, 18 октября, когда у магазинов скапливались большие очереди, распространялись всевозможные лживые и провокационные слухи, проявлялись антисемитские настроения и так далее, все внимание отдела пропаганды и агитации было сосредоточено на том, чтобы навести революционный порядок как на предприятиях, так и на улицах.

Тут же был создан специальный отряд агитаторов-коммунистов в составе сорока пяти человек, на которых возлагалась задача вести массовую разъяснительную работу в очередях, бомбоубежищах, у трамвайных остановок, разбивать ложные провокационные слухи и вылавливать провокаторов, паникеров, хулиганов...»

Высокопоставленные партийные работники отвергали обвинения в трусости и пытались отстаять свою честь. Второй секретарь московского обкома партии Борис Николаевич Черноусов обратился к высшему руководству:

«Товарищу СТАЛИНУ

Товарищу МАЛЕНКОВУ

Товарищу БЕРИЯ

В разосланном вам сообщении начальника Можайского сектора охраны Московской зоны указывалось, что «в Рузском районе первый секретарь райкома и председатель Райисполкома выехали из района, оставив свои посты», а также что «все руководящие партийные и советские работники Звенигородского района разбежались в панике».

МК ВКП(б) считает необходимым заявить, что это сообщение является совершенно неправильным и клеветническим. Первый секретарь Рузского райкома партии тов. Ткачев выполняет специальное задание по организации партизанского движения. Председатель исполкома Райсовета тов. Белов также выполнял спецзадание райкома партии.

В Звенигородском районе руководящие работники района никуда не разбежались, а остаются в партизанских отрядах, за исключением первого секретаря райкома тов. Степанова, который отпущен по болезни.

Это уже не первый случай, когда отдельные работники НКВД дают неправильные сведения о положении в районах. Так, был пущен слух, что Перовский горком на замке, а секретари разбежались. На самом деле все руководящие работники на месте».

Все пытались свалить ответственность за панику на других, партаппарат на НКВД, чекисты — на аппаратчиков.

Борис Николаевич Черноусов окончил Московский энергетический институт, работал на заводе, потом в комсомоле, в 1938 году его утвердили секретарем Сталинского райкома, в январе 1939 года — вторым секретарем обкома, избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Его ждала стремительная карьера.

Летом 1948 года Сталин поставил его во главе важнейшего отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК. Фактически возложил на Черноусова руководство всем партийным аппаратом страны. Но, видимо, в этой роли Борис Николаевич его не устроил. Меньше чем через год, в марте 1949-го, вождь назначил его председателем Совета министров РСФСР. При наличии союзного правительства республиканское было безвластным. В порядке компенсации Сталин ввел его в состав оргбюро ЦК ВКП(б), ведавшего руководящими кадрами — центральными и мест-

ными — и вообще всеми текущими партийными делами.

Когда в Москву впервые приехал вождь китайской революции Мао Цзэдун, Сталин представил ему Черноусова (невысокого ростом) со словами:

— Самый маленький руководитель самой большой республики.

Но его карьера оказалась недолгой. Сталин окончательно в нем разочаровался и в октябре 1952 года, сразу после XIX съезда партии, отправил Черноусова директором Московского прожекторного завода. Последние годы жизни он работал советником в Совете экономической взаимопомощи.

Небольшое отступление. Свою трудовую деятельность я начинал в еженедельнике «Новое время» под руководством сына Черноусова. Михаил Борисович, способный журналист с язвительным умом, внешне был очень похож на отца — просто копия. Отца он почитал, опубликовал в журнале его воспоминания о военной Москве. Старался ему подражать. Снимая телефонную трубку, звучным голосом назывался:

— Черноусов.

И подпись его не отличалась от отцовской. Когда впоследствии разбирал в московском архиве документы обкома партии военного времени, то в глаза бросилась знакомая подпись, и мне не надо было выяснять, кто в октябрьские дни подписывал решение бюро или обращение в ЦК...

ТАЙНЫЕ РАССТРЕЛЫ

В сорок первом, по мере приближения немецких войск чекисты эвакуировали из тюрем и лагерей заключенных — не уголовных, а политических. В первые дни войны, если не успевали вывезти, расстреливали.

Начиная с июля большую часть заключенных московских тюрем эвакуировали из столицы. Сталин исходил из того, что Москву не удержать. Не хотел, чтобы те, кого он считал врагами, оказались в руках немцев. В страхе, что собственные сограждане повернут оружие против советской власти, Сталин велел Берии уничтожить «наиболее опасных врагов», сидевших в тюрьмах.

6 сентября Берия составил соответствующую бумагу:

«В связи с военными действиями между СССР и Германией некоторая — наиболее озлобленная — часть содержащихся в местах заключения НКВД государственных преступников ведет среди заключенных пораженческую агитацию и пытается подготовить побеги для возобновления подрывной работы.

Представляя при этом список на 170 заключенных, одновременно осужденных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД считает необходимым применить к ним высшую меру наказания — расстрел».

Приговоры оформила Военная коллегия Верховного суда СССР.

Сейчас появилась целая литература, оправдывающая Берию: он не палач, а эффективный менеджер. Эти утверждения не имеют отношения к реальности.

Люди, которые интересовались судьбой Лаврентия Павловича Берии, говорят, что это был разносторонне одаренный человек, любил музыку, пел, увлекался архитектурой. Но быструю карьеру в те времена можно было сделать только в политике. В апреле 1921 года он оказался на работе в ЧК. Грамотный, обладавший быстрой реакцией и незаурядным умом, он стал делать карьеру. Но путь Берии наверх не был простым и легким. Партийная элита жила в мире интриг, где все друг друга ненавидели и объединялись против удачли-

вого соратника. Берия понравился Сталину. Но он был не единственным любимчиком генерального секретаря. Сталин многих выдвигал и окружал заботой. Когда надобность в них миновала, без сожаления отказывался от их услуг. Часто за этим следовал арест и расстрел. Ради одобрительного слова Сталина Лаврентий Павлович был готов на все. Жизнь невинных людей не имела никакого значения.

Приговоры приводились в исполнение в Медведевском лесу, это в десяти километрах от Орла в направлении Мценска. 11 сентября 1941 года сто пятьдесят семь заключенных Орловского централа вывезли за город в Медведевский лес и расстреляли. Среди них были известные люди — лидер левых эсеров Мария Спиридонова, ее муж, тоже левый эсер, Илья Майоров, бывший глава правительства Советской Украины Христиан Раковский, профессор медицины Дмитрий Плетнев, Ольга Каменева (жена бывшего члена политбюро Льва Каменева и сестра Троцкого), а также несколько десятков немцев-коммунистов и других политэмигрантов.

Уже в наше время, в 1990 году прокуратура выяснила, как шли расстрелы. Допросили тогдашнего начальника управления НКВД Орловской области Кондратия Филипповича Фирсанова. Он рассказал: «Заключенные препровождались в особую комнату, где специально подобранные лица из числа личного состава тюрьмы вкладывали в рот осужденному матерчатый кляп, завязывали его тряпкой, чтобы он не мог его вытолкнуть, и после этого объявляли о том, что он приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. После этого приговоренного под руки выводили во двор тюрьмы и сажали в крытую машину с пуленепробиваемыми бортами».

Руководивший расстрелами начальник областного управления Фирсанов получил орден Красного Зна-

мени, стал генералом и благополучно прожил девяносто с лишним лет.

16 октября по приказу Берии были уничтожены сто тридцать восемь заключенных Бутырской тюрьмы, среди них видные в прошлом чекисты, например начальник личной охраны Ленина в 1919—1924 годах Абрам Яковлевич Беленький. Майор госбезопасности Беленький служил особоуполномоченным при наркомате внутренних дел. В мае 1938 года его арестовали, через год приговорили к пяти годам лишения свободы «за антисоветскую агитацию», а 7 июля 1941 года вновь судили и на сей раз приговорили к смертной казни.

17 октября расстреляли бывшего члена коллегии ВЧК Михаила Сергеевича Кедрова. В июле он был оправдан Военной коллегией Верховного суда, но приказ наркомата Берии значил больше, чем вердикт Верховного суда.

Берия, составляя списки тех, кого следовало уничтожить, распорядился: «Следствие прекратить, суду не предавать, немедленно расстрелять». Когда его самого — после смерти Сталина — посадят на скамью подсудимых, Лаврентий Павлович признается: «Это была настоящая мясорубка»...

Сохранился документ, подписанный наркомом внутренних дел и датированный 18 октября:

«Сотруднику особых поручений
спец. Группы НКВД СССР
старшему лейтенанту госбезопасности
Семенихину Д.Э.

С получением сего предлагается вам выехать в город Куйбышев и привести в исполнение приговор — к высшей мере наказания — расстрелять следующих заключенных...

Об исполнении донести».

28 октября в поселке Барбыш под Куйбышевом (Самара) по указанию Берии расстреляли двадцать

осужденных. Некоторых вместе с женами. Среди них были восемь Героев Советского Союза и один дважды Герой — бывший генерал-инспектор военно-воздушных сил генерал-лейтенант Яков Владимирович Смушкевич.

В Испании он был старшим советником по авиации, воевал под псевдонимом генерал Дуглас. За бои в небе Испании получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. На Халхин-Голе он командовал действиями авиации, за что удостоился второй «Золотой Звезды» и возглавил всю военную авиацию.

«Среди многих авиационных командиров высоких рангов, с которыми сводила судьба, — писал нарком авиапромышленности Алексей Шахурин, — я не встречал человека такой отваги, такой смелости суждений, такого обаяния, какими обладал Смушкевич. Видел я его и во время встреч со Сталиным. Свое мнение Яков Владимирович всегда отстаивал смело и настойчиво».

Смушкевич попал в авиакатастрофу, выжил, но во время аварийной посадки ему перебило ноги. Чекисты забрали его с больничной койки.

15 ноября 1941 года Берия обратился к Сталину с просьбой разрешить ему немедленно привести в исполнение уже вынесенные смертные приговоры, а также наделить особое совещание НКВД правом приговаривать к высшей мере наказания.

По существовавшему тогда порядку расстрельные приговоры военнослужащим утверждались Военной коллегией Верховного суда, а затем комиссией политбюро. Это требовало времени, а Берия не хотел ждать. Случалось, что судьи или комиссия политбюро пересматривали приговор. Через день просьба Лаврентия Павловича была оформлена решением Государственного Комитета Обороны. Приговоренные к смерти лишились последнего шанса уцелеть — иногда в Москве все-таки отменяли липовые приговоры. А НКВД

получил право расстреливать людей без суда и следствия, просто оформляя дело решением особого совещания.

Аресты военных по выдуманным обвинениям продолжались, несмотря на то что шла жестокая война и каждый кадровый военный был нужен на фронте. В первый год войны чекисты арестовали большую группу генералов. Тех, кого не расстреляли в октябре сорок первого, уничтожили на следующий год. Масштабы арестов среди генеральского состава свидетельствовали о том, каким большим осведомительским аппаратом была пронизана военная среда. Особисты держали под подозрением всю армию и огромное число людей заставляли доносить на боевых товарищей и сослуживцев.

Обвинительные заключения по делам арестованных генералов свидетельствуют о том, что немалое число военачальников в своем кругу откровенно говорили о причинах катастрофы лета сорок первого и о роли самого Сталина в подрыве обороноспособности страны. Значит, в офицерской среде понимали, почему армия отступила до Москвы. Но большинство из осторожности держало подобные мысли при себе.

ВОКРУГ ОДНИ ШПИОНЫ

Настроения москвичей беспокоили власть и чекистов с первого дня войны.

Еще 22 июня, в первые часы войны, ведомство госбезопасности подготовило план агентурно-оперативных мер. Среди них — решение немедленно провести в городе аресты по признакам: «терроризм, диверсия, вредительство, шпионаж германский, итальянский, японский, шпионаж другой, бактериологическая диверсия, троцкисты, бывшие участники антисоветских

политических партий, сектанты-антивоенники, разные антисоветские элементы». За несколько часов по самым нелепым обвинениям — превентивно — арестовали более тысячи человек.

Для обширной агентурно-осведомительской сети чекисты определили основные направления деятельности:

1) вскрытие контрреволюционного подполья и деятельности иностранных разведок;

2) выявление антисоветской и уголовно-преступной деятельности контрреволюционного элемента, авторов контрреволюционных листовок, лиц, проявляющих пораженческие настроения;

3) изъятие незаконно хранящегося у населения оружия, боеприпасов, взрывчатки;

освещение политических настроений среди населения.

Московское управление внутренних дел возглавлял Михаил Журавлев, а управление госбезопасности — старший майор госбезопасности Петр Николаевич Кубаткин.

Карьера Кубаткина, окончившего четырехклассную сельскую школу и пять месяцев проучившегося в Центральной школе НКВД, началась с организации убийства.

Бывший член ЦК партии, один из руководителей Коминтерна Карл Радек, известный всему миру борец за мировую революцию, был перед войной приговорен к десяти годам тюремного заключения по мнимому делу «антисоветского троцкистского центра». Поскольку инкриминировать ему было вовсе нечего, не удалось вынести смертный приговор. Но вождь не хотел оставлять Радека в живых. В тюрьме чекисты его зверски убили.

В 1961 году генерал-лейтенант госбезопасности Павел Васильевич Федотов, вызванный для объяснений

в ЦК, рассказал, что материалы, относившиеся к бывшим руководящим работникам, Берия докладывал лично Сталину, который и решал их судьбу.

— Убийство Радека, — сообщил генерал Федотов, — было совершено по указанию Сталина.

Павел Федотов служил в главном управлении государственной безопасности НКВД заместителем начальника 2-го (оперативного) отдела. Вместе с ним служил Кубаткин, который в мае 1939 года лично руководил убийством Карла Радека, содержащегося в Верхне-Уральской тюрьме.

«Первый раз, — установила комиссия под руководством председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Николая Михайловича Шверника, — он возил с собой некоего Мартынова, якобы заключенного (личность не установлена), который был помещен в одну камеру с Радеком, преднамеренно учинил с ним драку, но убить Радека не смог и был увезен Кубаткиным из тюрьмы.

Через несколько дней Кубаткин вновь приехал в тюрьму с другим заключенным по фамилии Варезников. Этого заключенного также поместили в камеру к Радеку. На следующий день, 19 мая, Варезников, спровоцировав драку, убил Радека...

Под фамилией Варезников был зашифрован Степанов И.И., бывший комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР, арестованный в феврале 1939 года за серьезные должностные преступления. В ноябре того же года по указанию Берии Степанов освобожден из-под стражи. В постановлении о прекращении дела указано, что он выполнил «специальное задание», имеющее важное государственное значение».

Старший оперативный уполномоченный Петр Кубаткин, организатор мерзкого убийства, то есть фактически уголовник, сразу стал секретарем партийного комитета главного управления госбезопасности, а вско-

ре — начальником московского областного управления НКВД. Под руководством Кубаткина чекисты принялись очищать столицу от тех, кто считался неблагонадежным. Затем его перевели в Ленинград.

6 сентября ГКО принял секретное постановление «О переселении немцев из г. Москвы и Московской области и из Ростовской области».

НКВД получил задание: с 10 по 15 сентября выселить из Москвы и Подмоскovie 8617 немцев в Казахстан. Какие в столице могли быть немцы? Те, кто жил в России поколениями, то есть давно обрусевшие люди, или же недавние антифашисты, бежавшие в Советский Союз от гестапо...

Берия приказал попутно «состоящий на учете НКВД антисоветский и сомнительный элемент арестовать, а членов их семей переселить в общем порядке». Арестовали 1242 человека. Чекисты обнаружили больше немцев, чем предполагалось. Всем давали сутки на сборы. С собой можно было взять двести килограммов имущества. Несколько человек, считая, что жизнь закончилась, совершили самоубийство. Поразительно, что «скрылись от переселения» всего десять человек. Люди не смели противиться воле государства.

По городу ходили невероятные слухи о шпионах, которые наводят на город вражеские самолеты. Врач скорой помощи Александр Дрейцер записывал в дневнике:

«Один из старших врачей рассказал интересный случай.

На Моховой, в верхнем этаже, жила глухая и подслеповатая старушка лет семидесяти пяти. Никак не могла усвоить правил светомаскировки. По вечерам всегда зажигала свет. Ни управдом, ни милиция не могли сладить с глухой. Поздно вечером во время воздушной тревоги в ее окне снова появился свет.

Выстрел в окно. Шальная пуля, или часовой для остротки выстрелил. Пуля попала в голову старушке. Старушка мертва. Везут в приемный покой. Раздели. Под гримом «старушки» оказался сорокалетний мужчина».

История — совершенно невероятная. Если бы немецкой разведке удалось внедрить в Москве такого ценного агента, глупо было бы использовать его для нарушения светомаскировки при авианалетах. Немецкие бомбардировщики сбрасывали свой груз с большой высоты, и одно-единственное освещенное окно летчики бы просто не заметили.

Совершенно фантастическую историю поведал на пленуме горкома Щербаков:

— В Кашире, в одной из деревень, обнаружена одна кладовщица, незаметная, казалось бы, серая, замызганная личность. Но оказалось, она фашистская шпионка, знает даже не один язык, а несколько, чего нельзя было подозревать. Если такие люди могут быть обнаружены где-то в деревне, под Каширой, то, конечно, в еще большей степени они могут быть обнаружены здесь, в Москве...

Чем могла в глухой деревне заниматься немецкая шпионка, Щербаков не объяснил. Неужели он сам верил в эту нелепую байку? Руководитель столичного региона, человек, входящий в состав политбюро?..

Статьи в прессе о шпионах и диверсантах были нацелены на усиление бдительности, а в реальности способствовали разрастанию слухов и паники. Иногда расстреливали невинных людей, приняв их за диверсантов.

А вот еще одна столь же безумная история, свидетельствующая об умонастроениях москвичей. Врач московской скорой помощи записывал в дневнике: «Двенадцать часов ночи. Тихо. Пьем чай. Коллега рассказывает, как его друг, старый артист, обнаружил

шпиона. Человек этот отмеривал шагами расстояние от станции метро до углов улиц. Проделал он это несколько раз. Артист с помощью милиции его задержал и привел в комендатуру, где шпиона разоблачили».

Приведу еще одно, очень достоверное свидетельство моей мамы, Ирины Владимировны Млечиной. Память заботливо хранит детские впечатления. Она рассказала о них в воспоминаниях «Игрушка времени и страха», изданных совсем недавно. По профессии она критик, доктор филологических наук, работала в академическом Институте мировой литературы, то есть оценивала то, что пишут другие. Думаю, ей надо было самой писать прозу, эссеистику. Книга у моей замечательной мамы получилась очень искренняя.

«Все в классе были охвачены шпиономанией, — вспоминает Ирина Млечина. — Возвращаясь домой, иногда уже в сумерках или даже в темноте (несколько лет училась во вторую смену), девчонки гурьбой бежали по Сретенке и иногда, заметив где-нибудь на углу нетвердо державшегося на ногах мужчину или вообще какого-нибудь человека, разглядывавшего витрину продмага, они немедленно приходили к выводу, что это подозрительная личность, и бежали к ближайшему постовому, наперебой уговаривая его, что возле такого-то переулка только что засекли шпиона. Уж больно странно он выглядит. То оглядывается по сторонам, то слишком пристально изучает содержимое витрины.

Милиционеры с каменными лицами принимали к сведению нашу информацию, иногда улыбались, отдавали честь и говорили, что немедленно примут меры, а чаще и улыбнуться-то не решались (вдруг девчонки донесут, что он отнесся легкомысленно к их сообщению, тогда несдобровать).

Иногда я рассказывала дома, что сегодня мы видели шпиона, ну явного шпиона. Отец с изумлением смотрел на меня, долго молчал и потом говорил:

— Ну, с чего ты взяла? Если бы это был в самом деле шпион, он бы сделал все, чтобы не привлечь твоего внимания.

Я иногда задумывалась над словами отца, но потом все начиналось сначала. Ведь в школе призывали к бдительности. Хорошо, что тогда я еще не читала газет, а радио у нас не было. Играли мы с девочками тоже почти исключительно в военные игры, в немцев и русских, в фашистов и «наших».

Невероятной бдительностью, похоже, отличались все московские школьники и особенно школьницы.

«За день до начала войны мне «стукнуло» одиннадцать лет, — вспоминает историк Наталия Викторовна Щербань. — Мы дежурили на крышах, тушили зажигалки, ловили шпионов. Однажды я «сдала» в милицию очередного «шпиона». Худой иностранец плохо говорил по-русски и приставал ко мне на улице с вопросом: «Где твой пап и где твой мам?» А мама тогда готовила для фронта пенициллин, который ежедневно забирали наши летчики, и этот вопрос усилил мои подозрения. Дома я рассказала о случившемся, но отец насторожился: «Давай подробнее». Я нарисовала портрет незнакомца, и отец воскликнул: «Это же Дерманетто!» (папин друг, итальянский журналист-антифашист, которому по приказу Гитлера переломали все кости). Из милиции отец его вызволил, а надо мной после этого долго смеялись».

«Москва и ее окрестности были полностью затемнены, и все граждане усердно следили за светомаскировкой, — рассказывал член-корреспондент Академии наук математик Лев Семенович Понтрягин. — Их усердие приводило к анекдотическим происшествиям. Так, однажды ночью к нам в квартиру позвонили соседи и сказали, что у нас на балконе стоит прожектор. В действительности же на балконе стоял чемодан, и свет луны падал на металлический замок, который блестел.

Нелепое происшествие произошло с Андреем Николаевичем Колмогоровым (академик-математик, будущий лауреат Сталинской и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда. — *Авт.*), который возвращался к себе на дачу в белом костюме. Кто-то пристал к нему с тем, что он нарушает светомаскировку своим белым костюмом. Тогда он разделся до трусиков и пошел в таком виде, положив одежду в рюкзак. Но тут же попался какому-то военному патрулю. Его голый вид вызвал подозрение. Оно усилилось, когда Колмогоров заявил, что он академик, но не смог предъявить никаких документов. Он был задержан до утра в милиции, пока не выяснили по телефону его личность».

На заседании бюро обкома партии от 20 августа обсуждался вопрос об областной прокуратуре:

«Бюро МК ВКП(б) устанавливает, что областная прокуратура (прокурор т. Апеннин) не перестроила своей работы в условиях военного времени. Дела на распространителей провокационных слухов, виновников возникновения пожаров и нарушителей военной дисциплины расследуются крайне медленно и в ряде случаев необоснованно прекращаются. Тов. Апеннин не знает действительного положения дел в районах и совершенно неудовлетворительно осуществляет руководство районной и городской прокуратурой.

Бюро МК ВКП(б) постановляет:

За либеральную практику на работе и медлительность в расследовании дел в условиях военного времени прокурору Московской области т. Апеннину П.Я. объявить строгий выговор. Предупредить тов. Апеннина, что, если он не устранил указанных недостатков в работе, будет поставлен вопрос о снятии его с работы прокурора Московской области».

Меньше всего в те годы прокуратуру можно было обвинить в либерализме. Партийные руководители были недовольны тем, что прокуроры и судьи соблю-

дали элементарные юридические процедуры. А Павла Яковлевича Апеннина скоро уберут из Москвы...

11 сентября секретариат горкома постановил:

«Ряд партийных и хозяйственных руководителей в военной обстановке не только не усилили борьбы за реализацию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, а наоборот, ослабили ее, в результате чего количество прогулов и опозданий значительно возросло...

Секретариат МГК ВКП(б) отмечает, что большинство народных судов гор. Москвы ослабили карательную политику, либеральничают с прогульщиками и дезорганизаторами производства, затягивают сроки рассмотрения дел и приведения приговоров в исполнение...»

Указ Верховного Совета запретил уходить по собственному желанию с работы или переходить на другое предприятие. Самовольный уход карался тюремным заключением на срок от двух до четырех месяцев. Вводилась уголовная ответственность за прогул: исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев с удержанием части зарплаты. Судам предписывалось рассматривать такие дела в пятидневный срок и приговоры приводить в исполнение немедленно. Если директор не отдавал прогульщика под суд, он сам подлежал уголовной ответственности. Если он принимал самовольно ушедшего с другой работы, тоже шел под суд...

Сразу после начала войны, еще 6 июля 1941 года, приняли указ президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Виновных ждало тюремное заключение на срок от двух до пяти лет, «если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания».

15 июля подчиненные доложили второму секретарю московского обкома Черноусову: «В отдельных районах области крайне медленно реализуется Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения. В Шатурском районе из двадцати трех дел, поступивших в управление госбезопасности на нарушителей Указа от 6 июля, привлечено к ответственности только шесть человек...»

Все радиоприемники было приказано сдать. Исключение было сделано для чекистов и милиционеров. Но партийный аппарат сигнализировал об отсутствии бдительности в самих карательных органах: «Отдельные работники милиции организуют слушание немецких радиопередач. Оперуполномоченный районного отделения УНКВД Звенигородского района тов. Евтеев организовал слушание радиопередач немецких радиостанций, где присутствовали беспартийные сотрудники и после рассказывали содержание передач другим сотрудникам. Парторганизация райотдела УНКВД либерально подошла к обсуждению поведения члена ВКП(б) Евтеева, ограничившись объявлением ему выговора с выводом из состава партбюро...»

Враждебным слухом могли посчитать любые естественные слова о бедственном положении на фронте, неодобрительные оценки командования армии и тем более партийного руководства. Арестовали известного киноактера, любимца публики Бориса Федоровича Андреева. Его обвинили в том, что во время налета на Москву немецкой авиации он вел «контрреволюционную агитацию» и высказывал «террористические намерения». Борису Андрееву повезло — через несколько дней его отпустили. Видимо, Сталин к нему хорошо относился.

6 октября, в разгар боев за Москву, начальник столичного управления НКВД Михаил Журавлев распоря-

дился: «Все агентурные донесения, отражающие как патриотические, так и отрицательные настроения в различных слоях населения (интеллигенция, рабочие, служащие, колхозники и другие), представлять в секретно-политический отдел управления НКВД Московской области. Начальнику секретно-политического отдела майору государственной безопасности тов. Акиндину получаемые материалы направлять в 5-й отдел 3-го управления НКВД СССР».

Третье управление Наркомата внутренних дел — секретно-политическое, то есть политическая полиция. Пятый отдел занимался розыском авторов и распространителей антисоветских листовок, а также составлял для начальства информационные материалы о настроениях граждан.

20 октября в постановлении ГКО о введении осадного положения говорилось:

«Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

23 октября приказом военного трибунала Московского военного округа на базе городского суда и районных народных судов организовали военный трибунал. Он начал действовать с 27 октября. К 1 декабря через трибунал прошли 3528 обвиняемых, 3338 были осуждены.

От райкомов требовали мобилизовывать население на борьбу с внутренним врагом, помогать органам выявлять шпионов и антисоветчиков. Опасались беспорядков среди горожан, волнений, мятежа.

На пятый день войны в каждом районе Москвы начали формировать истребительные батальоны. Задача — борьба с немецкими парашютистами и диверсантами и «возможными контрреволюционными

выступлениями», то есть боялись, что собственный народ выйдет из повиновения...

Бюро обкома и горкома партии 27 июня постановило:

«Обязать первых секретарей горкомов и райкомов партии в трехдневный срок отобрать из проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием, бойцов для укомплектования истребительных батальонов».

Иначе говоря, зачисляли в батальоны гражданских людей, не имевших военной подготовки. Чтобы привлечь добровольцев, их освобождали от призыва в народное ополчение. Но в результате они остались без красноармейского пайка.

Начальник управления НКВД Журавлев докладывал своему начальству: «Питание бойцов организовано в столовых нарпита по месту расположения батальонов за отпускаемые восемь рублей в сутки на бойца, но из-за отсутствия фондов красноармейского пайка столовые вынуждены питать бойцов тем, что у них найдется. Вещевым довольствием в плановом порядке бойцы не удовлетворяются. Принятыми мерами удалось обеспечить теплой одеждой тридцать процентов бойцов. Обувью же бойцы совсем не удовлетворены....»

Командирами батальонов назначались чекисты и сотрудники милиции. На райотделы НКВД возлагалась задача обучения вступивших в батальон. В райисполкомах выделили специальное помещение для дежурной группы бойцов истребительного батальона, которой придавался автотранспорт. Истребительные батальоны формировались и в области.

22 октября, в отчаянной ситуации истребительные батальоны передали в подчинение армейского командования, которое должно было взять на себя снабжение их боеприпасами и продовольствием. Всего в городе и области сформировали 87 истребительных баталь-

онов — общей численностью 28 500 человек. Вооружение — винтовки, ручные пулеметы, гранаты, бутылки с горючей смесью.

4 ноября 1941 года комендант Москвы генерал-майор Кузьма Романович Синилов (только что назначенный на этот пост с должности командира 2-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД) докладывал наркому внутренних дел Берии:

«В городе проживает много враждебного, антисоветского элемента, деятельность которого все больше активизируется по мере приближения фашистской армии к столице. За период с 20 октября по 2 ноября 1941 года расстреляно на месте — 7 человек, расстреляно по приговорам Военных трибуналов — 98 человек. Осуждено к тюремному заключению на разные сроки — 602 человека.

Ежедневно получают анонимные контрреволюционные письма. Имели место случаи разбрасывания и расклеивания по городу такого же содержания листовок. Все это свидетельствует о нахождении в городе разрозненных и, может быть, организованных враждебных сил.

Исходя из изложенного, считаю необходимым провести следующие мероприятия:

1. Оперативным порядком органов НКВД в течение 2—3 дней провести очистку города от всего враждебного и неблагонадежного элемента.

2. Изъять у всего гражданского населения, не находящегося в отрядах по обороне города, огнестрельное нарезное и гладкоствольное оружие.

3. Принять более радикальные меры по ликвидации еще имеющихся очередей.

Прошу Ваших указаний».

Для контроля над городом помимо управления коменданта города развернули еще двадцать пять районных комендатур. Каждому районному коменданту вы-

делили стрелковую роту, в его распоряжение перешла местная милиция. На основных направлениях въезда в город развернули двадцать три заставы.

На партийном собрании столичной комендатуры с докладом выступил заместитель коменданта Москвы по политической части бригадный комиссар Федор Гаврилович Филинов:

— Какие основные задачи стоят перед нами? Всей системой своей работы обеспечить надлежащий общественный революционный порядок в городе. Революционный порядок должен выразиться в том, чтобы очистить нашу столицу от чуждых нам элементов, могущих так или иначе повлиять на ослабление общественного и революционного порядка... Есть у нас сигналы о том, что в связи с некоторой активизацией наступления немцев кое-кто уже начинает психовать... Скажу больше, не только среди некоторой части гражданского населения, но и среди наших военных есть такие трусливые настроения, и среди нас, к сожалению, коммунистов.

Мы должны правильно построить взаимоотношения с местными партийными, советскими организациями и общественностью, которые могут дать тот или иной сигнал. Там, где это хорошо поставлено, мы имеем такие заявления граждан в райкомендатуру: мать родная заявила на сына, что он дезертир, брат о брате сообщает, сосед о соседе и вообще информируют о положении дел в их доме и дворе.

Это и есть не что иное, как величайшее патриотическое чувство...

На пленуме горкома партии член военного совета Московского военного округа дивизионной комиссар Константин Федорович Телегин призвал столичных руководителей:

— Необходимо очистить Москву от тех людей, которые не должны быть здесь. По данным, которые мы

имеем от комендатуры города, каждый день в Москве обнаруживаются сотни людей, которые живут без прописки, без права проживания в Москве. Около сотни человек ежедневно задерживается дезертиров, среди которых попадают и люди, завербованные немецкой разведкой. Очищать Москву надо быстро. Хочу подчеркнуть еще одну мысль: политическую работу среди населения надо вести таким образом, чтобы были созданы условия, при которых никто не стал бы держать у себя родственника-дезертира. К сожалению, в судебной практике мы имеем за это время только три случая, когда родственники выдали дезертиров...

Справка управления коменданта города Москвы за октябрь 1941 — июль 1942 года:

«К 20 октября прошлого года были созданы 25 районных военных комендатур в Москве и 9 комендатур в пригородных районах.

На месте расстреляно за антисоветскую агитацию 13 человек...

За распространение контрреволюционных слухов задержано 906 человек...

Приговорены к высшей мере наказания — расстрелу — 887.

Осуждены на разные сроки военными трибуналами — 44 168 человек».

Будущего известного актера Петра Сергеевича Вельяминова, игравшего в кинофильмах «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень», арестовали за участие в мифической антисоветской организации «Возрождение России». Знакомый отца девушки, с которой он дружил, не сдал радиоприемник и слушал немецкие радиопередачи. Всех, с кем этот человек был связан, арестовали. Вельяминову было шестнадцать лет.

Петр Вельяминов провел в ГУЛАГе девять лет. Вышел на свободу в 1952 году. Ему уже исполнилось двадцать пять лет, учиться его не брали. Но разрешили

поступить в местный театр. Так началась его актерская карьера. Заявление о реабилитации он рискнул подать только в 1984 году. Получил справку, и ему сразу же присвоили звание народного артиста России...

«Ночью происшествие очень странного и страшноватого свойства, — вспоминал Николай Амосов, тогда военный хирург полевого подвижного госпиталя № 2266, — арестовали Татьяну Ивановну, нашу старшую операционную сестру. Она была из Череповца, работала в гинекологии.

Начальник полевого госпиталя военврач 3-го ранга Борис Прокопьевич Хаминов комментировал скупое: — За язык.

Так и было — много разговоров вели по время переездов. Татьяна высказывалась резко, порочила Сталина, НКВД. Мне это импонировало, но я осторожничал. И вот, пожалуйста. Теперь обнаружилось, что представитель особого отдела периодически появляется в госпитале. А я-то думал: отступились на время войны, дадут вздохнуть. Оказалось, даже за нами следят. Кто-то Татьяну продал».

На пленуме горкома Александр Щербаков рассказал, что органы НКВД обнаружили «антисоветскую группу» в топливно-энергетическом управлении Моссовета:

— Один из организаторов группы был старый троцкист, двурушник. Ему нужно было иметь ответственную работу, так удобнее ему было вредить и гадить в условиях войны. Он сплотил вокруг себя работников управления. Группа собиралась для контрреволюционных разговоров, рассказывали контрреволюционные анекдоты. На этой стадии их и застукали. Можно себе представить, что бы они делали дальше, когда бы они перешли к другим стадиям. Целое важнейшее управление оказалось в руках мерзавцев! Этот факт лишний раз подтверждает лишь то, что всегда нужно беспощадно разоблачать врагов...

В реальности люди возмущались трусливой и негодной властью, допустившей немцев до Москвы. Москвичи как раз проявили редкое мужество, оказались смелее своих начальников.

В ОЖИДАНИИ ГИТЛЕРА

Принято считать, что паника в Москве продолжалась одни сутки — 16 октября. Потом пустили метро, вновь открыли магазины, выступил по радио Щербаков, и все наладилось.

В реальности все было иначе. Немцы ближе и ближе подступали к городу. И не было никакой уверенности в том, что столицу не сдадут.

«Слухи мрачные, — отмечал в дневнике 27 октября профессор Леонид Тимофеев. — Судя по газетам, даже начался распад армии, дезертирство, бегство. Говорят, что на квартиру артистки Марецкой приехали семь командиров (и в том числе ее муж) на грузовике и в ночь уехали, оставив в квартире свое оружие и обмундирование. Судя по тому, что сегодня в газете цитируется обращение командования Западного фронта, где говорится о том, что надо уничтожать шкурников, этот эпизод характерен...

Говорят, что мы ввели в бой наши «чудо-пушки», что ими вооружены самолеты, что они действуют на четыре квадратных километра, все сжигая, что их конструкция опровергла многие законы физики, что команда пушки сорок человек и ее специально подбирает нарком обороны из особо проверенных людей и что немцы все-таки захватили эти пушки под Ельней...»

Судя по дневнику профессора Тимофеева, его и по прошествии времени не отпускали воспоминания о том, что в те дни происходило в столице.

«Знакомый, ночью бродивший по Москве, говорил, что он побывал на десятке больших заводов: они были пусты, охраны не было, он свободно входил и выходил, все было брошено. Интересны причины этой паники, несомненно шедшей сверху. Говорят, что на фронте совершенно не было снарядов, и войска побежали в ночь на 16-е, все бросив. Отсюда паника в Москве. Что спасло положение — неизвестно.

Начались суды над бежавшими и расстрелы. Владимирское шоссе закрыто для частного транспорта. Снова поднимают на крыши зенитки, на бульвары вернулись аэростаты, которые было увезли. Все это знак того, что Москву хотели оставить, а потом раздумали. Интересно, узнаем ли мы, в чем дело. В эти дни всюду сожгли архивы, на горе будущим историкам».

Иван Андреевич Харкевич в годы войны работал инженером-теплотехником на горьковском заводе «Красная Этна», производившем мины. Он тоже вел дневник:

«19 октября 1941 года

По московскому шоссе в четыре ряда идут автомашины с наркоманами и всяким начальством. Везут барахло, собачек. Вереницей идут пешеходы с рюкзаками за плечами. Шофер, привезший Лизу, рассказывал, что в Москве хаос, громят мясокомбинат и магазины. Совнарком выпустил постановление о выдаче расчета всем рабочим. Правда ли это? Часть правительства съехала, все дипломатические корпуса и т. д., неужели Москву готовят к сдаче?

Пошел на разведку узнать, что делается на вокзале и пристанях. Погода мрачная, весь день мокрый снег. От московского шоссе идут вереницы машин со всяким скарбом и беженцами. На узлах сидят, покрывшись одеялами, высшие чины из НКВД с ромбами и шпалами, на простых грузовиках — бедные замерзшие

ребятишки с посинелыми личиками среди наспех набросанных узлов и разного скарба. Тихий ужас! Неужели это полное падение СССР? Неужели возможно, чтобы все наше рухнуло, культура, наш строй?! Как болит все время душа от тех ужасов, что видишь.

На пристани что-то ужасное. Народа тьма, у касс идет рукопашная. Крики, брань, истерические вопли и бедные, бедные несчастные дети! Счастьем считают, что получают билет на верхней палубе на пароход, идущий вниз по Волге...»

А на заводе, когда шло совещание с высоким начальством, в голову молодому инженеру пришли совсем другие мысли:

«Характерная особенность бросается в глаза: за столом сидит замнаркома Кучумов — тучный (обрюзгший), хотя и сравнительно молодой, с двумя орденами, рядом упитанный директор завода (Романов), главный инженер неплохой упитанности, секретарь парткома (Новиков), розовый, как поросенок, и совсем упитанный секретарь обкома по промышленности (Кочетков). А напротив, через стол, — руководители цехов и отделов: бледные, с обтянутыми скулами и провалившимися глазами. Весь народ сильно сдал телом. Трудно и очень трудно, особенно для некоторых рабочих. Питание очень и очень слабоватое...

Слаба наша экономика была до войны, а к войне и вовсе не приспособлена. Старая царская Россия четыре года воевала, а экономика в стране держалась сносно — в смысле снабжения населения продовольствием. И условия тогда не идут ни в какое сравнение с тяжелыми теперешними, даже если для сравнения взять конец 1916 года. В чем же дело? Где причины?»

И никто ничего не знал!

Анатолий Григорьевич Лысенко, мэтр отечественного телевидения, в войну был ребенком. Его с матерью эвакуировали. Отец, начальник главка в Нарко-

мате путей сообщения, остался в Москве — он был включен в группу, которой предстояло взрывать город, когда его возьмут немцы. «Однажды к нам приехали какие-то люди, — вспоминает Анатолий Лысенко, — и сообщили, что немцы заняли Москву и кто-то видел, как папу расстреляли». И только через пару недель выяснилось, что это ошибка.

У многих москвичей было ощущение конца света. Ожидали краха и распада России. Или, во всяком случае, падения советской власти.

По существу город был брошен на произвол судьбы: спасайся, кто может.

«Я видел Москву 16 октября, — вспоминал уходивший на фронт поэт Давид Самойлов, тогда студент Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского. — Это был день безвластия. Я покидал Москву с болью и горечью в сердце. В трамваях открыто ругали советскую власть. В военкоматах никого не было. Власти молчали. Толпы людей ходили по улицам. Заводы не работали. Говорили, что ночью немцы будут в городе. Была тяжелая атмосфера ненависти. Не к кому было обратиться. В комитетах советовали уходить...»

Советский человек превратился вовсе не в носителя высокой морали, самоотверженного и бескорыстного труженика. Жизнь толкала его в противоположном направлении. О революционных идеалах твердили с утра до вечера. Но люди видели, что никакого равенства нет и в помине.

— У нас за последнее время, — рассказывал за закрытыми дверями Александр Щербаков, — имеются случаи, что рабочие бросали работу. Был случай на одной небольшой фабрике в Ивановской области. В чем дело? Три дня хлеб в магазин не привозили. У нас в Москве до этого дело не доходило. Но должен сказать, что в первые дни бомбардировки у нас в три дня

разложилась торговля. Магазины стали грязные, мух немислимое количество, душно, дышать нечем. И женщины — после того, как ночью посидят с ребенком где-нибудь в подвале, должны стоять в этом магазине и нервничать. В три дня разложилась торговля.

Профессор Леонид Тимофеев запечатлел приметы тех дней:

«15 октября. На фронте была такая каша, перед которой русско-японская война — верх организованности. Такова система, суть которой в том, чтобы сажать на все ответственные места, посты не просто безграмотных людей, но еще и обязательно дураков. Ведь я, простой обыватель, был уверен, что на границе каждую ночь напряженно сторожат готовые к бою части, а они ничего не подозревали и ни к чему не были готовы...

16 октября. Утро. Итак, крах. Газет еще нет. Не знаю, будут ли. Говорят, по радио объявлено, что фронт прорван, что поезда уже вообще не ходят, что всем рабочим выдают зарплату на месяц и отпускают, и уже ломают станки. По улицам все время идут люди с мешками за спиной. Слушают очередные рассказы о невероятной неразберихе на фронте. Очевидно, что все кончается. Говорят, что выступила Япония.

Разгром, должно быть, такой, что подыматься будет трудно. Думать, что где-то сумеют организовать сопротивление, не приходится. Таким образом, мир, должно быть, станет единым под эгидой Гитлера...

Метро не работает. Всюду та же картина. Унылые люди с поклажей, разрозненные военные части, мотоциклы, танки. По Ленинградскому шоссе проехали три тяжелые пушки. Теперь смотришь на них, как на «осколки разбитого вдребезги»...

Получили на эвакуационное свидетельство хлеб на десять дней. В очередях и в городе вообще резко враждебное настроение по отношению к старому ре-

жиму: предали, бросили, оставили. Уже жгут портреты вождей...

Национальный позор велик. Еще нельзя осознать горечь еще одного и грандиозного поражения не строя, конечно, а страны. Опять бездарная власть, в который раз. Неужели народ заслуживает правительства? Новые рассказы о позорном провале в июне...»

Революция, Гражданская война, многолетние репрессии болезненно сказались на качестве управленческого аппарата. Армия не очень грамотных и бескультурных чиновников десятилетиями принимала ключевые решения и определяла политический и экономический курс страны.

Еще до начала войны выдающийся ученый академик Владимир Иванович Вернадский писал в дневнике о «бездарности государственной машины»:

«Люди страдают — и на каждом шагу растет их недовольство. Полицейский коммунизм растет и фактически разъедает государственную структуру. Все пронизано шпионажем... Колхозы все более утверждаются как форма второго крепостного права — с партийцами во главе... Нет чувства прочности режима через двадцать с лишком лет после революции...»

Через месяц, 20 февраля 1941 года, новая запись: «Газеты переполнены бездарной болтовней XVIII конференции партии. Ни одной живой речи. Поражает убогость и отсутствие живой мысли и одаренности выступающих большевиков. Сильно пала их умственная сила. Собрались чиновники — боящиеся сказать правду. Показывает, мне кажется, большое понижение их умственного и нравственного уровня по сравнению с реальной силой нации. Ни одной живой мысли... Жизнь идет — сколько это возможно при диктатуре — вне их».

Эти слова, как правило, произносились в тиши кабинета или заносились в дневник, не предназначенный

для чужих глаз. Высказать даже малую толику того, что чувствовали и ощущали думающие люди, было смертельно опасно. Интеллектуальное пространство советской жизни было сужено до невозможности.

Потрясенный паникой в Москве, академик Владимир Вернадский записал в дневнике: «Глубокое разочарование и тревога... И ясно для всех выступает причина — бездарность центральной власти, с одной стороны, и власть партийных коммунистов-бюрократов, столь хорошо нам известная на каждом шагу, с другой... Бездарные генералы... Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке, и казнены лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях — в финляндской войне и сейчас сказывается катастрофически... Цвет страны заслонен дельцами и лакеями-карьеристами...»

Страну превратили в полицейское государство. Немалому числу людей служба в ГУЛАГе и на Лубянке создавала привилегированный образ жизни. В этой системе служил примерно миллион человек, вместе с семьями это несколько миллионов. А если еще учесть партийный и государственный аппарат и их семьи?

На огромное число людей завели досье. Все структуры общества были пронизаны сотрудниками госбезопасности. Развратили людей, добились того, что приличные, казалось бы, граждане доносили на родных, соседей и сослуживцев. Страх и недоверие сделали в советском обществе главными движущими силами. Результатом явился паралич всякой инициативы и нежелание брать на себя ответственность.

11 сентября бюро горкома — «как двурушника» — сняло с должности одного из лекторов горкома партии

и исключило его из партии. На собрании партийного актива Щербаков пояснил:

— Оказывается, что с политикой партии он давно не согласен, особенно с международной политикой. Договорился до того, что зачем мы позволили фашистам усиливаться... Потом, мол, не надо было в Польшу заходить, надо было вступать в войну еще тогда, когда Чехословакию забирали. Явно контрреволюционные разговоры.

Лектор горкома отчетливо сознавал гибельность сталинской внешней политики и имел несчастье с кем-то поделиться своим мнением. Большинство же предпочитало ничего не замечать и лишнего не говорить: главное не попасть под подозрение. Такая жизнь формировала привычку к двоемыслию и полнейшее равнодушие ко всему, что тебя лично не касается.

Аркадий Первенцев записал в дневнике:

«Рушилось все... Неужели так бездарно падет столица нашего государства? Неужели через пару часов раздадутся взрывы и в воздух взлетят заводы, тэцы, электростанции и метро?.. Ночью немцы не были в городе. Но этой ночью весь партийный актив и все власти позорно оставили город. Позор истории падет на головы предателей и паникеров. После будет расстреляна группа директоров предприятий, но главные виновники паники будут только судьями, а не ответчиками. В руках правительства было радио. Неужели не нашелся единственный голос, который сказал бы населению: «Город надо защищать?»

Этот голос летел на «паккарде» по шоссе Энтузиастов, спасая свою шкуру, по шоссе, по которому когда-то брели вдохновенные колодники.

16 октября не было никаких разговоров об обороне. Город был брошен, все бежали.

Я утверждаю, что Москва была панически оставлена высшими представителями партии, или же комитет

обороны был слеп и, сидя за кремлевской стеной, ничего не видел, что делается в городе...

В ночь под 16 октября город Москва был накануне падения. Если бы немцы знали, что происходит в Москве, они бы 16 октября взяли город десантом в пятьсот человек.

16 октября брошенный город грабился. Я видел, как грабили фабрику «Большевик» и дорога была усеяна печеньем. Я слышал, как грабили мясокомбинат имени Микояна. Сотни тысяч распущенных рабочих, нередко оставленных без копейки денег сбежавшими директорами, сотни тысяч жен рабочих и их детей, оборванных и нищих, были тем взрывным элементом, который мог уничтожить Москву раньше, чем первый танк противника прорвался бы к заставе. Армия и гарнизон не могли справиться с напором стихийного негодования брошенного на произвол судьбы населения.

Дикие инстинкты родились в том самом рабочем классе, который героически построил промышленность огромной Москвы. Рабочий класс вдруг понял, что труд рук его и кровь его детей никому не нужны, брошены, и он вознегодовал и, подоженный умелым факелом врага, готов был вспыхнуть и зажечь Москву пламенем народного восстания... Да, Москва находилась на пути восстания! И 16 октября ни один голос не призвал народ к порядку. Народ начал разнуздываться. Еще немного, и все было бы кончено...»

Слухи ходили самые невероятные. Что Москву объявят открытым городом, то есть не станут его защищать, поэтому всем советуют бежать...

Морально-политическое единство советского народа оказалось мифом.

Как воспитывался советский человек?

Он сидел на партсобрании, слушал радио, читал газеты — и что он видел? Лицемерие и откровенное

вранье. И что он делал? Он приспособливался. Советский человек постоянно ходил в маске. Иногда маска прирастала к лицу. А под маской скрывались цинизм, голый расчет и равнодушие. Когда показалось, что советская власть рухнула, маска мигом слетела.

Щербаков потребовал активизировать идеологическую работу, неустанно разоблачать провокаторов и паникеров. 29 сентября на собрании городского идеологического актива московский хозяин говорил:

— Есть такие вопросы, по которым в печати не выскажешься. Вот, например, бросали немцы всякого рода листовки. У нас отношение такое — поскорее собрать и сжечь. А все-таки из крестьян кое-кто прочел. Как же здесь быть: в газетах не будешь полемизировать с этими листовками, они глупые, бездарные, а у малосознательных людей они что-то заронили. И вот здесь живое слово должно прийти на помощь... А у нас перестали выступать секретари райкомов. А ведь они на предприятиях бывают очень часто. Занимаются разными вопросами — как там то, другое, как пушки, как снаряды. Идут к директору, сидят. А чтобы пойти к рабочим побеседовать, выступить на собрании, на митинге — ничего подобного. А я вам скажу такой секрет — многие не хотят идти, потому что боятся: зададут им неприятный вопрос, спросят, почему город оставили. Ведь отвечать надо... Но если мы не дадим ответа на вопрос, стало быть, даст ответ кто-нибудь другой, да еще добавит кое-что, особенно в деревне.

Возникли серьезные проблемы в идеологической сфере.

— Давайте, товарищи, — призывал Щербаков, — возьмем быка за рога и постараемся ответить на вопросы, которые ставят часто перед нашей агитацией. Основной вопрос — собирались воевать на чужой земле, а воюем на своей, да еще и города отдаем...

Первый секретарь Егорьевского горкома Аркадий Гаврилович Белов делился удачным опытом:

— Разговор пошел так, что «коммунисты агитируют, а сами все здесь, отсиживаются, а наши мужья на фронте». Делал доклад второй секретарь горкома товарищ Маркешев — по внешности высокий, здоровый. Ему задают вопрос:

— А вы здоровы?

Он, поняв, к чему идет разговор, отвечает:

— Абсолютно здоров.

— Военное обучение проходили?

— Проходил и в летнее, и в зимнее время. Будучи совершенно физически здоровым, хоть сейчас могу идти воевать.

— Почему же не на фронте?

— Я, как и большинство коммунистов, в первый день войны подал заявление о том, чтобы в качестве добровольца идти на фронт. Мне разъяснили, что пока я обязан оставаться здесь и обеспечивать работу в тылу, чтобы фронт нормально работал.

«При этом он зачитал несколько статей, что для нормальной боевой деятельности летчика нужны двадцать человек, танкиста — четырнадцать и так далее, — рассказывал первый секретарь Егорьевского горкома. — Были попытки посеять недоверие к руководству, и если бы ему не пришлось идти самому с докладом, то очевидно, некоторое время такие разговоры и слухи могли иметь место...»

Москвичей утешали бедственным положением немцев и их союзников, обещали скорый крах Третьего рейха.

— В тылу врага непрестанно ухудшается положение рабочих, крестьян и интеллигенции, — рассказывал Щербаков, — растет ненависть к фашизму и в самой Германии. Ведь, товарищи, жрать все-таки нечего, хлеба ведь не получили. Не знаю, опубликовано сего-

дня в газетах или нет, — вчера пришло известие, что в Италии дают хлеба двести граммов. Это Муссолини декретом подписал. На двести граммов, как хотите, много не проживешь. У немцев тоже хлеб граммами измеряется. Люди терпят, терпят — насколько этого терпения хватит? В Германии растет недовольство. Повторяю, жрать надо, но жрать нечего. Это грубо, жестко, но именно к этому сводится вопрос — жрать нечего, и не получишь.

16 октября утром, вспоминал один из сотрудников московского партийного аппарата Дмитрий Квок, работавший тогда на заводе «Красный факел», поступило распоряжение: станки разобрать, все, что удастся, уничтожить и вечером уйти из города:

«Москва представляла собой в тот день незавидное зрелище — словно неистовая агония охватила всех и вся — и город, в котором еще не было ни одного вражеского солдата, где никто не стрелял, вдруг решил в одночасье сам покончить с собой, принявшись делать это неистово, отчаянно, хаотично. Толпы, кто в чем, со скарбом, беспорядочно двигались на восток. Появились мародеры, грабившие магазины, банки, сберкассы. Из некоторых окон на проезжую часть выбрасывали сочинения классиков марксизма-ленинизма и другую политическую литературу».

«Когда паника была, во дворе сжигали книги Ленина, Сталина, — рассказывала Антонина Александровна Котлярова. В сорок первом она окончила восемь классов и поступила токарем на станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе. — Паника была ужасной. Видела, как по мосту везут на санках мешками сахар, конфеты. Всю фабрику «Красный Октябрь» обокрали. Мы ходили на Калужскую заставу, кидались камнями в машины, на которых начальники уезжали. Возмущались, что они оставляли Москву. Безобразие, может быть, но мы так поступали...»

Вот эти рассказы — самое поразительное свидетельство реальных чувств и настроений многих людей. В стране победившего социализма, где, казалось, нет места инакомыслию, где толпы ходили под красными знаменами и восторженно приветствовали вождей, в одночасье — и с невероятной легкостью! — расставались с советской жизнью.

Вот и цена показному. Конечно, в ревущей от счастья толпе страшно отойти демонстративно в сторону. Отстраниться. Сохранить хладнокровие. Промолчать. Кто не жил в тоталитарном обществе, тот не поймет, как это невыносимо трудно — сохранять самостоятельность, оставаться иным, чем остальные. А как только показалось, что советской власти конец, стало ясно, что не существует никакого монолитного единства советского народа.

Вечером 16 и весь день 17 октября во многих дворах рвали и жгли труды Ленина, Маркса и Сталина, выбрасывали портреты и бюсты вождя в мусор.

Корней Чуковский отметил в дневнике: «Очевидно, каждому солдату во время войны выдавалась, кроме ружья и шинели, книга Сталина «Основы ленинизма». У нас в Переделкине в моей усадьбе стояли солдаты. Потом они ушли на фронт, и каждый из них кинул эту книгу в угол моей комнаты. Было экземпляров шестьдесят. Я предложил конторе городка писателей взять у меня эти книги. Там обещали, но надули. Тогда я ночью, сознавая, что совершаю политическое преступление, засыпал этими бездарными книгами небольшой ров в лесочке и засыпал их глиной. Там они мирно гниют — эти священные творения».

Сталин словно растворился. А с ним — партийный аппарат. Куда-то пропали чекисты, попрятались милиционеры. Режим разваливался на глазах. Он представлялся жестким, а оказался просто жестоким. Вы-

яснилось, что система держится не на волеизъявлении народа, а на страхе. Исчез страх, а с ним — и советская власть.

Картину дополняет историк литературы Эмма Герштейн:

«Кругом летали, разносимые ветром, клочья рваных документов и марксистских политических брошюр. В женских парикмахерских не хватало места для клиенток, «дамы» выстраивали очередь на тротуарах. Немцы идут — надо прически делать».

Журналист Николай Вержбицкий записал в дневнике:

«17 октября. В овощных магазинах только картошка (очереди) и салат (без очереди). Есть еще уксусная эссенция. В газетах сообщения о богатом завозе овощей в Москву».

«18 октября. С четырех часов ночи стоял за хлебом. Получил его в девять часов... Слышны разговоры, за которые три дня назад привлекли бы к трибуналу».

Областное управление НКВД докладывало:

«17 октября в Бронницком районе в деревнях Никулино и Торопово на некоторых домах колхозников в 14 часов были вывешены белые флаги. На место послан оперативный работник. В деревнях Петровское, Никулино, Свободино и Зеленое наблюдаются попытки отдельных колхозников разобрать колхозный скот, подготовленный к эвакуации».

Страх, вспоминали очевидцы, овладел москвичами: «Выходя утром на улицу, они с тревогой всматривались, стоит ли на посту на площади наш советский милиционер или уже немецкий солдат».

Далеко не все москвичи боялись прихода немцев.

Эмма Герштейн вспоминает, как соседи в доме обсуждали вопрос — уезжать из Москвы или оставаться? Собрались друзья и соседи и уговаривали друг друга никуда не бежать.

«Языки развязались, соседка считала, что после ужасов 1937-го уже ничего хуже быть не может. Актриса Малого театра, родом с Волги, красавица с прекрасной русской речью, ее поддержала.

— А какво будет унижение, когда в Москве будут хозяйничать немцы? — сомневаюсь я.

— Ну, так что? Будем унижаться вместе со всей Европой, — невозмутимо ответила волжанка».

«Вечерняя Москва» напечатала (уже в наше время) воспоминания Зои Михайловны Волоцкой, которая с семьей жила в большой коммунальной квартире на Софийской набережной, рядом с Домом правительства. Она не могла забыть бомбежки:

«Бомбили крепко — рядом, через Москву-реку, Кремль! Прятаться было некуда, нарыли во дворе каких-то ям или траншей. До убежища в метро «Библиотека Ленина» далеко, да и Каменный мост под ударом. А бомбы падали неподалеку, и дом трясло непрерывно. С потолка штукатурка обваливалась целыми кусками, стекла в окошках, крест-накрест заклеенных полосками бумаги, звенели, а иногда и вылетали.

Вокруг было много разрушенных домов. Из них часть людей переселили в закрытую церковь неподалеку от Москворецкого моста. Наспех соорудили в ней какие-то перекрытия, перегородки, и получилось нечто вроде каморок. На свалках люди раздобывали примусы, коптилки, рваные одеяла...»

Но самое поразительное другое: «В середине октября, когда в Москве началась паника, управдом Ульянова принесла в квартиру фотографии Гитлера и сказала, что у кого будет висеть такой портрет, того немцы не тронут. Никто не захотел брать Гитлера, и только Матрена Прокофьевна, которая торговала на улице водой с сиропом, взяла портретик и стыдливо спрятала его под передник — на всякий случай».

«Только один раз за весь этот страшный отрезок времени у меня полились слезы, и я зарыдала от злости, — вспоминала Елена Александровна Кузьмина. — Я встретила полотера, который когда-то натирал у нас полы. Он спешил со всей своей полотерной снастью, когда мы столкнулись с ним нос к носу. Я спросила его, уж не натирать ли полы он спешит?

— А как же... Сейчас самые заработки. Немцев ждут. Готовятся.

— Кто это ждет немцев? Да что это за люди?

— А может, они всю жизнь этого ждали...

— А вы что же?

— А мне что? Деньги платят, и хорошо...

Увидев мое лицо, полотер понесся дальше, и не успела я опомниться, как он исчез за углом. То, что есть в Москве такие люди, вернее, нелюди, которые собираются встречать немцев, повергло меня в ужас.

Придя домой, я дала волю слезам. В это страшное время из всех щелей вылезли какие-то мерзкие твари. Те, которые могли спокойно смотреть на голодного ребенка. Те, которые спокойно зарабатывали на смерти и несчастье ближнего. Всколыхнулась всякая дрянь, которая осела где-то глубоко на дне...»

Молодая женщина, чей муж сгорел в танке под Смоленском, решила идти на фронт. Написала заявление. Ее вызвали в ЦК комсомола и направили в Рязанское пехотное училище. Вот что она увидела у здания Московского университета 16 октября:

«Возле памятника Ломоносову полыхал огромный костер, в который из окон библиотеки летели тома Ленина, Сталина, куча других книг. В ужасе я отправилась в райком комсомола, зашла к одному из секретарей, который тоже жег какие-то бумаги.

— Что мне делать? — спросила я.

— Немедленно уезжать!»

Руководитель московской партийной организации поражался:

— У нас сейчас участились случаи проявления антисемитизма. Ведь это же факт, на это тоже закрывать глаза нельзя. Между тем у нас как-то совершенно стыдливо эти вопросы обходят. Как так, у нас антисемитизм, откуда, помилуйте! Надо вести борьбу с этими явлениями...

Выяснилось, что советские люди несут в себе огромный запас заблуждений, фобий, предрассудков, сохраняемых в неприкосновенности внушенной им уверенностью в собственной правоте. Интернационализм, братство народов и многое другое оказалось не более чем красивыми лозунгами.

До того скрытый антисемитизм вспыхнул — в ожидании прихода Гитлера. Люди с откровенно фашистскими взглядами в те октябрьские дни перестали стесняться.

«Я чувствовал, как эти люди вдруг начали стремительно преображаться на моих глазах, — вспоминал Первенцев. — У них начинали вырастать клыки, появляться бешеная слюна. Я видел, что здесь уже зреет страшная организация черносотенцев, кровожадных и безрассудных, которые выпрыгнут из своих нор с гирьками — еще до подхода регулярной немецкой мотоколонны. Мерзавцы... Самое страшное, что встало перед моим взором, — это люди смрадного подполья, поднимавшиеся и отряхнувшие с себя паутину... На Россию надвигались новые политические охотнорядцы. Шли бандиты под стон немецких стальных гусениц!»

О фашистских зверствах мало что было известно. Не было еще чувства ненависти к врагу. Александр Щербаков говорил:

— У нас в Москве арестовано немало людей, которых засылают немцы. Люди разные. Есть крестьяне полуграмотные, есть женщины, иногда очень грамот-

ные. Особенно используют уголовников, используют бывших кулаков. Одним дают задания по диверсиям, мы таких переловили немало. Но значительной части дают одну установку — идите и расскажите, что мы вас не били, никого не бьем, не режем. Наоборот, вас напоили водкой, накормили, хлеба дали на дорогу. Вот, товарищи, какова механика, ясная, простая и очень коварная. И этой механики многие не видели, не разгадали. И находятся и среди партийных люди, которые наслушаются и говорят: немцы не трогают русских людей... Ничего подобного, товарищи, мерзости творят невероятные! И нет таких преступлений, которых бы не творили в отношении прежде всего коммунистов, в отношении трудящихся. Как могло произойти, товарищи, такое ослабление партийно-политической работы, какое у нас произошло?

Но партийная пропаганда в октябре сорок первого действовала слабо.

«Мы встречали крестьян, которые ругали советскую власть открыто и говорили нам, что лучше жить сытым рабом, чем голодным свободным, — записывал в дневнике выехавший из Москвы Аркадий Первенцев. — Мы видели колхозников, открыто ждущих прихода Гитлера, мечтающих о смене режима... Из ста человек — сто не верило в благополучный исход войны... Но власти сидели крепко на своих местах, и защита столицы заставила притихнуть эти настроения. Город гудел, особенно окраины. Рабочие крупнейших заводов ругали власть и угрожали».

Задолго до октябрьских событий в Москве, в конце августа, заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК партии Михаил Абрамович Шамберг отправил записку секретарям ЦК Андрееву, Маленкову и Щербакову. Отдел был главным получателем информационных материалов местных партийных органов.

«Особо следует сказать о деревне, — докладывал Шамберг. — По материалам Архангельского, Марийского, Крымского, Курского, Сумского и Челябинского обкомов партии видно, что вражеские элементы в деревне сеют панические слухи, стремясь внушить населению, что у Советского Союза отсутствуют достаточные силы к сопротивлению: «провоевали несколько дней, а оружия уже нет». «Говорили, что мы сильны, а немец бьет и занимает наши территории».

В Афанасьевском сельсовете Верхне-Тоемского района Архангельской области единоличник Пикулин говорил колхозникам: «Теперь надо обращать внимание на свое хозяйство, так как неизвестно, чем кончится война. Она может кончиться тем, что не будет советской власти». В Судакском районе Крымской АССР распространялся слух о том что «когда придет Гитлер, земля будет возвращена крестьянам»... Два колхозника из колхоза «Красный боевик» Белгородского района Курской области потребовали, чтобы председатель забил часть скота для питания колхозников, так как: «Красная армия все равно не победит и Гитлер все заберет». Слухи эти распространяются как во время индивидуальных и групповых разговоров, так и во время митингов и бесед, посвященных текущим политическим событиям...

Материалы из разных партийных организаций показывают, что в рядах нашей партии имеются отдельные трусы, шкурники, которых надо беспощадно гнать из партии... Партийные руководители либерально относятся к «коммунистам», уже успевшим показать себя трусами, нытиками, маловерами... В ряде мест руководящие работники райкомов, горкомов партии и советских организаций оказались не на должной высоте, сами сеяли панику, а в ряде случаев первыми бежали из районов прифронтовой полосы, в то время как военные действия проходили на большом расстоянии от района».

Неужели и в самом деле ждали Гитлера? И сколько было таких людей?

В сорок первом году торжественную встречу немецких войск в украинских и русских деревнях и городах радостно снимали немецкие кинодокументалисты. Как правило, кадры постановочные. Но были те, кто искренне приветствовал немцев. Люди, ненавидевшие советскую систему, рассчитывали, что их неприятности закончились; были обиженные советской властью, они надеялись сделать карьеру, наверстать упущенное, а заодно и сквитаться с обидчиками. А были и люди, вовсе не отвергнутые системой, но пожелавшие связать свою жизнь с оккупационной властью.

На той части советской земли, которая была оккупирована немцами, до войны жило около сорока процентов населения нашей страны. Сколько из них так или иначе связали себя с оккупационным режимом? Я не знаю точных цифр. Жизнь на оккупированной территории была запретной темой в советские времена, поэтому она еще недостаточно изучена. Но на всей территории существовала назначенная немцами местная администрация и вспомогательная полиция, которые служили оккупантам.

2 ноября академик Владимир Вернадский записал в дневнике:

«Сейчас мы не знаем всего происходящего. Информация делается так, чтобы население не могло понять положения. Слухи вскрывают иное, чем слова и правительственные толкования.

Все время думаю о том, что выясняется на Украине, — если верна молва, что там сейчас национальная антирусская власть. Будто бы во главе правительства Винниченко — фигура не крупная. Но вся Украина в руках немцев, и, может быть, этот огромный успех германской армии резко изменит положение?.. Видна рас-

терянность, так как информация официальная скрывала от населения происходящее».

Владимир Кириллович Винниченко — один из первых руководителей самостоятельной Украины, которая возникла после революции. Вернадский тоже принимал участие в создании украинской республики, стал первым президентом национальной Академии наук. Независимая Украина не сумела устоять на политической карте мира. После Гражданской войны Винниченко эмигрировал. Но Вернадский ошибся. В годы Второй мировой Владимир Винниченко сотрудничать с нацистами не пожелал и был отправлен в концлагерь.

Профессор Леонид Тимофеев: «Настроение подавленное и критическое. Киев, говорят, наутро после вступления немцев уже имел правительство, в котором оказались и члены Верховного Совета. Вероятно, то же будет и в Москве... Говорят о либерализме немцев в занятых областях. В украинском правительстве профессор Филатов и артист Донец. Говорят, что во главе московского правительства значится профессор Ильин, знакомый москвичам и в свое время высланный в Германию... Меня некоторые знакомые пугали, что, если я останусь, то должен буду войти в правительство — это нелепая идея. Очевидно, что курс взят на интеллигенцию русскую и даже здешнюю».

Профессор Тимофеев тоже ошибался. Никакого правительства украинцам создать не позволили. И «либерализмом» в немецкой оккупационной политике не пахло. Но недостатка желающих служить оккупационной администрации не ощущалось.

Почему же немалое число наших сограждан так или иначе взялись помогать немецким войскам воевать с Россией?

На девятом съезде эмигрантского Союза борьбы за освобождение народов России, который состоялся в Канаде в 1982 году, докладчик говорил:

— Это было продолжение Освободительного движения, это был ответ нашего народа на узурпацию народной власти, на кровавое подавление всех народных восстаний, на принудительную коллективизацию, на великие и малые чистки, на тысячи тюрем и концлагерей, на миллионы расстрелянных и замученных, на попрание всех человеческих свобод и обречение всех народов России на нищенское, полуголодное существование. Народ не желал защищать все эти «блага» советской власти. Русский народ пошел воевать против ненавистой советской власти.

Относительно любви к советской власти заблуждаться не следует. Особенно среди крестьян, которые прошли через ограбление деревни, насильственную коллективизацию, которую называют вторым крепостным правом, и страшный голод начала тридцатых годов. А крестьянские дети работали в городах и служили в Красной армии.

В немецком плену оказались миллионы советских солдат. Из них абсолютное большинство — в первые месяцы войны. Не все попавшие в окружение бойцы и командиры пытались прорваться к своим. Те, чьи родные места были уже оккупированы немцами, думали, что Красная армия разгромлена, война закончилась, и они пробирались к своим семьям, в родные места. Мобилизованные из республик Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, недавно присоединенной части Молдавии не горели желанием служить в Красной армии и защищать советскую власть.

Начальник политуправления Западного фронта дивизионный комиссар Дмитрий Александрович Лестев доложил в Москву:

«Среди красноармейцев — уроженцев западных областей Украины и Белоруссии — с первых дней боев вскрыты довольно распространенные пораженческие и антисоветские настроения... Все эти факты требуют,

чтобы по отношению к этой неблагонадежной прослойке красноармейцев принимались организационные меры заранее, не выводя таких красноармейцев на фронт. Правильным решением будет: отправка их на службу в глубокий тыл, а по отношению к наиболее активной антисоветской части — решительные репрессивные меры».

То же докладывали командующий 30-й армией генерал-майор Василий Афанасьевич Хоменко и член военного совета бригадный комиссар Николай Васильевич Абрамов:

«Военный Совет армии, анализируя факты позорных для армии явлений — сдачи наших красноармейцев в плен к немцам, установил, что значительная часть сдавшихся в плен принадлежит к красноармейцам по национальности белорусам, семьи которых находятся в оккупированных немцами областях. Имеют место факты переходов к немцам из этой категории красноармейцев не только отдельных лиц, но за последнее время есть случаи, когда этот переход совершали организованно целые группы...»

Первый секретарь ЦК Белоруссии, член военного совета Брянского фронта Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко писал Сталину о ситуации с пополнением, идущим на фронт: «При первой бомбежке эшелоны разбегаются, многие потом не собираются и оседают в лесах, все леса прифронтовых областей полны такими беглецами. Многие, сбывая оружие, уходят домой... В Орловском округе из ста десяти тысяч человек призвано сорок пять тысяч, остальных не могут собрать...»

Официальные данные таковы: в Великую Отечественную органы госбезопасности задержали один миллион четыреста восемьдесят семь тысяч дезертиров. Иначе говоря, почти полтора миллиона человек бежали, чтобы не служить в Красной армии.

Писатель Виктор Платонович Некрасов, участник войны и автор незабываемой книги «В окопах Сталинграда», оказавшись в эмиграции в семидесятых годах, спрашивал себя: «Раскулаченные родители, голод, нищета, вранье. Стоит ли так уж всем из кожи лезть, чтоб защищать все это?»

И вот, казалось бы, подтверждение его слов.

Служить немцам пошел попавший в плен генерал-майор Василий Федорович Малышкин, который перед войной стал жертвой сталинских репрессий против офицерского корпуса Красной армии.

Комбриг Малышкин, начальник штаба 57-го особого корпуса, в августе 1938 года был арестован как участник мнимого «военного заговора». Ему повезло. В октябре 1939 года дело прекратили. Его выпустили и назначили старшим преподавателем Академии Генерального штаба. После начала войны, в июле сорок первого, Малышкина утвердили начальником штаба 19-й армии. Он все еще оставался комбригом и даже не успел узнать, что его аттестовали генерал-майором.

Но Василий Малышкин поначалу вовсе не собирался переходить на сторону немцев и мстить за свой арест. В плену он пытался выдать себя за рядового солдата. Когда это не удалось, решил не гнить на нарах, а извлечь какие-то дивиденды из своего высокого звания и изъявил готовность сотрудничать с оккупантами. Так что руководила им вовсе не обида на советскую власть. Генерала отправили на курсы пропагандистов, потом перевели в Берлин, где офицеры вермахта использовали его для работы по разложению советских войск. Здесь вместе с Власовым они подготовили первое обращение «Русского комитета».

В плен, как и Малышкин, попал командующий его армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин. Он был ранен в правую руку.

«Окружающие меня командиры штаба, — писал потом с горечью Лукин своей сестре, — в панике разбежались, оставив меня, истекающего кровью, одного. Кровь лилась ручьем, остановить ее не могу, а приближаются немцы... Пытаюсь достать левой рукой револьвер из кобуры, думаю, живой не дамся, последнюю пулю себе. Все попытки вынуть револьвер не удаются. Правая рука повисла как плеть».

Генерала Лукина спасли две девушки-санитарки, которые его перевязали и повели. Но не успели сделать несколько шагов, разрыв снаряда, и два осколка впились Лукину в ногу. Девушки все равно его не оставили, потащили дальше. Встретили группу из своей же армии. Но опять столкнулись с немцами. Лукин получил еще и две пули в правую же ногу; ее ампутировали.

В немецком полевом госпитале генерал-лейтенанта Красной армии допрашивали сотрудники отдела 1-Ц (разведка и контрразведка) штаба группы армий «Центр».

Михаил Лукин высказывался очень откровенно и демонстрировал презрение к советскому режиму. Он даже рассуждал и на тему о возможности создания нового русского — антикоммунистического — правительства (подробнее см. «Военно-исторический архив», № 6/2002).

Кто мог бы войти в такое правительство, спросили его немецкие разведчики, интересовавшиеся мнением русского генерала.

— Есть только два человека, являющиеся одновременно и популярными, и достаточно сильными, чтобы изменить существующий порядок, — это Буденный и Тимошенко, — ответил генерал Лукин. — Буденный — это человек из народа, но достаточно культурный и обстоятельный. Но им еще, пожалуй, не забыта опала у Сталина, в которую он попал в 1938 году! Если бы вам

удалось заполучить этих людей, то удалось бы избежать большого кровопролития в будущем. Поэтому создание русского альтернативного правительства возможно. Ни Буденный, ни Тимошенко не являются апологетами коммунистических принципов. Конечно, они смогли высоко подняться, но они были бы за иную Россию, если бы им представилась такая возможность...

Характерно, что сам Лукин, не сильно любивший советскую власть, в услужение к немцам не пошел, хотя ему первому предлагали играть ту роль, которую взял на себя другой генерал-лейтенант Красной армии, Андрей Андреевич Власов. Он, кстати, уговаривал искалеченного Лукина действовать вместе.

— Из моего опыта в немецком плену, — ответил Михаил Федорович Лукин, — я не верю, что у немцев есть хоть малейшее желание освободить русский народ. Они не изменят свою политику. Поэтому всякое сотрудничество с немцами пойдет на пользу Германии, а не нашей родине...

Тем не менее повсюду на оккупированных территориях нацисты полагались на местное население. И везде находились предатели и пособники. Соседи выдавали немцам антифашистов, подпольщиков, евреев, охраняли арестованных, участвовали в казнях, рыли могилы для расстрелянных и вообще делали всю грязную работу. Если бы не эти многочисленные помощники нацистов, сотни тысяч, а может, и миллионы остались бы живы. Немцы не успели бы убить такое количество людей без помощи местных жителей. Без поддержки местного населения оккупационный режим был бы невозможен.

Вот мы и утыкаемся в вопрос, который не хочется задавать. Вопрос: почему? Почему они убивали? Почему служили немцам?

Одни просто хотели выжить, но другие-то служили нацистам по собственной воле. Карателями в поли-

цейский батальон или охранниками в концлагерь шли добровольно — только те, кто этого хотел. Они не только выслуживались перед немцами, но и в своем садизме выходили далеко за рамки приказов. А в концлагерях на одного немца приходился десяток местных помощников. Особенно много было украинцев. Поначалу их использовали для охраны. Потом отправили «очищать» гетто во Львове и в Люблине. Они проявили себя неустанными тружениками на ниве уничтожения людей. И наконец, они сменами по восемь часов трудились в лагерях уничтожения. Немцы не могли нарадоваться на своих украинских помощников, которые работали как часы.

Объяснений может быть множество. Наслаждались абсолютной властью над заключенными? Надеялись нажиться? Охранники концлагерей продавали крестьянам вещи, которые принадлежали убитым узникам, расплачивались ими с проститутками в окрестных селах. Преступников по натуре, от рождения, по призванию не так уж много. А что же остальные? В их грехопадении виноваты обстоятельства? Война?

В сорок первом году немецкие войска еще не успевали вступить в прибалтийские города, а местные жители уже убивали коммунистов и устраивали еврейские погромы.

27 июня 1941 года немецкий полковник проезжал по литовскому городу Каунасу. Он увидел огромную толпу. Люди хлопали и кричали «браво». Матери поднимали детей повыше, чтобы они все видели. Полковник подошел поближе. Потом он описал, что именно предстало его взору: «На асфальте стоял молодой светловолосый парень лет двадцати пяти. Он отдыхал, опираясь на деревянную дубину. У его ног на асфальте лежали полтора или два десятка мертвых или умирающих людей. По земле сочилась кровь. Рядом — под охраной — стояли будущие жертвы. Одного за другим

этих людей убивали дубиной, и каждый удар толпа встречала радостными возгласами».

Когда убийство закончилось, главный убийца сменил дубину на аккордеон. Толпа затянула литовский национальный гимн.

Холокост организовали Гитлер и Гиммлер. Но сами немцы не успели бы убить такое количество людей без чужой помощи. Выжившие нисколько в этом не сомневались. Немногие уцелевшие литовские евреи собрались в Мюнхене в 1947 году и приняли резолюцию, которая называлась «О вине значительной части литовского населения в убийстве евреев».

Все затхлое, тупое и мерзкое словно ждало прихода вермахта. Как бы СС и немецкая полиция определили, кто еврей, если бы им не помогало местное население? На оккупированных территориях евреев выдавали соседи — за вознаграждение, которое платили немцы. Или даже получали от этого удовольствие.

— Евреи сами во всем виноваты. Разве они не были богатыми? Разве они не контролировали весь капитал? Разве они не эксплуатировали нас?

Нет единого типа убийцы, который можно было бы легко выявить. Этот неприятный вывод уже сделан историками. Никакой патологии не требовалось. Пятьдесят литовцев служили под началом оберштурмбаннфюрера СС Иоахима Хаманна. Несколько раз в неделю они объезжали окрестные села в поисках евреев, которых убивали на месте. Так они убили шестьдесят тысяч человек. Выяснилось, что им требовалось всего несколько стопок водки, чтобы прийти в боевое настроение. Вечером они возвращались в Каунас и отмечали успешную работу в унтер-офицерской столовой. Никто из них не имел криминального прошлого. Они казались вполне нормальными людьми. Сразу после войны вернулись к прежней жизни, как будто ничего и не произошло.

Что заставляло людей участвовать в убийствах?

В первую очередь национализм и антисемитизм.

На оккупированных территориях обвиняли евреев в том, что они нация-паразит. В школах заставляли детей изучать «Протоколы сионских мудрецов». Антисемитские лекции читались в лагерях для военнопленных.

Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) 4 октября 1941 года предупредил московскую паству:

— Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших православных пастырей лица, готовые идти в служение ко врагам нашей Родины и Церкви — вместо святого креста осеняться языческой свастикой. Не хочется этому верить, но если бы вопреки всему нашлись такие пастыри, я им напомню, что Святой нашей Церкви, кроме слова увещания, вручен Господом и духовный меч, карающий нарушителей присяги.

Но нашлись и верующие, набожные люди, которые увидели в нацистах инструмент, избавивший мир от «народа, распявшего Христа». Вполголоса говорили друг другу:

— После войны поставим памятник Адольфу за то, что он нас избавил от евреев.

Помогали немцам не только потому, что ненавидели советскую власть. Мучили беззащитных людей те, кто получал от этого удовольствие и материальную выгоду. Те, кто служил немцам, в какой-то степени ощущали духовное и идеологическое родство с германскими нацистами, их объединяла общность целей и идеалов. Приличные люди немцам не служили. Нигде! Ни в одной стране! Как бы тяжело им ни приходилось.

К счастью для нашего города, столицу немцам не сдали. Так что осталось неизвестным, кто бы из мо-

сквичей пошел на службу оккупантам. Но среди тех, кто перешел к нацистам, одним из самых заметных был видный московский партийный работник Георгий Николаевич Жиленков. Он был одним из двадцати пяти первых секретарей московских обкомов. Крупная должность с немалой перспективой.

Георгий Жиленков начинал в Воронеже на машиностроительном заводе, из слесарей стал секретарем райкома комсомола. В 1930 году он переехал в Москву и поступил в индустриально-технический техникум, закончив, стал директором фабрично-заводского училища, секретарем парткома завода «Калибр».

Партийным работником он был, надо понимать, умелым. В январе 1940 года Жиленкова утвердили вторым секретарем Ростокинского райкома. Ростокинский район — на северо-востоке столицы — вошел в состав Москвы в 1935 году. 31 декабря 1940 года Жиленкова утвердили первым секретарем райкома.

В протоколах секретариата МГК ВКП(б) сохранился листок с типографской надпечаткой: «Секретно. На голосование вкруговую». Это значит, что Жиленкова на заседание не приглашали, а вопрос решили заочно. Отцы города его прекрасно знали. Результаты голосования — «за» подписи всех секретарей горкома. Против никого.

Через неделю, 7 января 1941 года, бюро горкома во главе со Щербаковым утвердило решение секретариата. Пункт 66-й гласил:

«О первом секретаре Ростокинского РК ВКП(б):

Утвердить первым секретарем РК т. Жиленкова Г.Н., члена ВКП(б) с 1929 года, освободив его от обязанностей второго секретаря Ростокинского РК ВКП(б).

Просить ЦК ВКП(б) утвердить настоящее решение».

Первый секретарь московского райкома партии — номенклатура ЦК.

После начала войны Георгий Жиленков, как и многие партработники, ушел в армию. Ему присвоили сразу звание бригадного комиссара и утвердили членом военного совета 32-й армии. Члены военного совета в первую очередь призваны были контролировать военачальников. Без их подписи приказы командующего были недействительны.

Надо отметить, что первые секретари столичных райкомов котировались высоко. Секретаря Днепропетровского обкома Леонида Ильича Брежнева тоже произвели в бригадные комиссары, но должность дали поскромнее.

В 32-й армии за несколько первых месяцев войны трижды меняли командующего! Когда Жиленков прибыл в армию, ею командовал генерал-лейтенант Николай Кузьмич Клыкков. В августе его перебросили в другую армию. 32-ю принял генерал-майор Иван Иванович Федюнинский, но в сентябре и он получил новое назначение. Армию возглавил генерал-майор Сергей Владимирович Вишневский. В тяжелейшие летние месяцы сорок первого командармы даже не успевали освоиться на новом месте.

В октябре сорок первого 32-я армия Резервного фронта попала в окружение под Вязьмой и погибла. Ее заново сформируют в марте 1942 года... А Георгий Николаевич Жиленков считался пропавшим без вести. В реальности 14 октября он оказался в плену вместе с офицерами штаба (командарм Вишневский тоже был пленен).

Жиленков, вероятно, самый высокопоставленный политработник Красной армии, пожелавший служить немцам.

— Это парадоксально, — говорил своим новым соратникам бывший первый секретарь райкома партии, — но в чужом, враждебном мире, в плену я впервые почувствовал себя свободным человеком. Я, партийный

работник, имевший все шансы стать членом Центрального комитета партии! Что же должны были чувствовать простые люди? То, что они думали и чувствовали, я узнал за те дни, когда скитался с ними по лесам и потом работал у немцев. Я даже не подозревал, как сильно простой человек, рабочий или крестьянин, ненавидит партию. Только теперь я узнал все, потому что впервые за мою жизнь мы могли свободно говорить и говорили — и где? В плену! И еще одно — у меня нет никакого желания провести остаток моей жизни в концлагере, в Сибири. А для этого достаточно провести только несколько часов у немцев — вот как нам доверяет партия, даже тем, кто отдал ей все силы.

У Власова Жиленков занимался знакомым делом. Он возглавлял главное управление пропаганды. В его подчинении были редакции газет «Воля народа» и «Доброволец» и радиостанция. Газеты проходили через строжайшую цензуру немецкого министерства по делам восточных оккупированных территорий, а потом еще и главного управления войск СС.

Жиленков обзавелся красивой виллой, адъютантом, хорошенькой секретаршей, чья истинная роль ни у кого не вызвала сомнений. Даже в окружении Власова, где собрались не ахти какие моралисты, бывшего первого секретаря столичного райкома партии считали абсолютно беспринципным человеком.

«КТО МНЕ В ЗАТЫЛОК ВЫСТРЕЛИТ?»

А что же Сталин? Вот в те дни, когда очень многих охватывали отчаяние и страх, когда люди, как никогда, нуждались в поддержке, мысли москвичей точно обращались к Сталину. Где он? Почему молчит?

После войны маршал Жуков рассказывал военному историку Виктору Александровичу Анфилову, как в

октябрьские дни его привезли к Сталину на ближнюю дачу. Георгий Константинович вошел в комнату и невольно стал свидетелем разговора Сталина и Берии.

Вождь, не замечая появления Жукова, продолжал говорить наркому внутренних дел, ведавшему внешней разведкой, чтобы тот, используя свою агентуру, прозондировал возможность заключения мира с немцами в обмен на территориальные уступки.

В свое время Ленин, чтобы остаться у власти, пошел на заключение Брестского мира, отдал немцам чуть не полстраны, да еще и заплатил Германии огромную контрибуцию золотом. Так что Сталин вполне мог повторить стратегию Ленина.

Другое дело — нужен ли был мир Гитлеру? В октябре сорок первого он пребывал в уверенности, что с Красной армией покончено. Зачем ему соглашаться на часть советской территории, если он может оккупировать всю страну?

Генерал-лейтенант госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов рассказывал впоследствии, что это он получил от Берии указание связаться с немцами. В качестве посредника был избран болгарский посол в Москве Иван Стаменов. Болгария была союзником Гитлера, но болгарский посол являлся давним агентом НКВД.

Судоплатов встретился с послом в специально оборудованном кабинете в ресторане «Арагви» и сообщил, что Москва хотела бы вступить в секретные переговоры с немецким правительством. На этом, кажется, все закончилось.

Болгарский посол не спешил связываться с немцами. А тем временем контрнаступление советских войск под Москвой наполнило Сталина уверенностью, что он выиграет эту войну, разгромит Германию и накажет Гитлера. Теперь уже два вождя думали только о том, как уничтожить друг друга...

А в те октябрьские дни Сталин молчал. Его голос москвичи и вся страна слышали только 6 ноября, когда он выступил на праздновании очередной годовщины октябрьской революции, а на следующий день произнес краткое слово на параде.

Аркадий Первенцев: «Загадочный и решительный человек всегда уверял страну, что мы в состоянии разбить любого противника. Но пока эти слова расходились с практикой борьбы... Если это бахвальство, не основанное на разуме и трезвом расчете, то зачем тогда было неверно информировать и тем разоружать страну?..»

Услышав оба выступления Сталина, Первенцев записал в дневнике:

«Страна неминуемо катится к гибели! Так думают даже военные. Что может говорить этот шестидесяти-трехлетний грузин из далекого местечка Гори? Он, полководец полков, оставивших цветущую часть России, полководец, которому изменили многие его командиры и продали свою шпагу врагу! Как отчитается он в крови и страданиях, в обманутых надеждах?

И вот я слышу твердые и беспощадные слова: «Гитлеровской Германии осталось жить полгода, ну максимум год».

Россия находилась пока под гипнозом Сталина, и это было хорошо. Если бы распался этот гипноз, полки бы побежали, партбилеты полетели в печи, расцвели бы предательство и дезертирство...»

Многие и по сей день уверены, что страна выстояла только благодаря Сталину, что, если бы не вождь, проиграли бы войну. Многие вообще верят в мудрость и прозорливость Сталина.

Принято считать, что заключенный им договор с Гитлером помог избежать гитлеровского нападения уже осенью 1939 года, оттянуть войну насколько возможно и лучше к ней подготовиться. В реальности отказ подписать договор с Германией в августе 1939 года

нисколько бы не повредил безопасности Советского Союза.

Конечно, Гитлер всегда ненавидел нашу страну и намеревался ее уничтожить. Но в 1939 году, как свидетельствуют документы Третьего рейха, ни с военной, ни с экономической, ни с внешнеполитической точки зрения Германия не была готова к войне с Советским Союзом! Столкновение с Германией закончилось бы победой Красной армии. Да и не решился бы Гитлер на большую войну с СССР, имея в тылу враждебную Францию. А вот к лету 1941 года противников у Гитлера в Европе не останется, и вермахт окрепнет...

Сталин помог Гитлеру ликвидировать Польшу, которая была буфером между двумя странами, а затем позволил уничтожить французскую армию, отвлекавшую вермахт на западе. Неспособность Сталина здраво оценивать внешнеполитическую ситуацию обошлась России в десятки миллионов жизней.

Сближение с нацистской Германией не было ситуативным, продиктованным тогдашней политической необходимостью, а основывалось на фундаментальных представлениях советского военного и политического истеблишмента, который презирал Польшу и ненавидел Запад, но увидел в нацистской Германии подходящего партнера.

1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Выполняя свои обязательства, Франция и Англия объявили Германии войну. Началась Вторая мировая. Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров 5 сентября попросил Сталина о встрече, чтобы выяснить, какой должна быть позиция коммунистических партий. 7 сентября Сталин его принял.

— Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром! — объяснил Сталин. — Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга.

Польшу Сталин назвал фашистской:

— Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы — одним буржуазным фашистским государством меньше! Что, плохо было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население?

Указание Сталина было оформлено в виде директивы секретариата Исполкома Коминтерна всем компартиям: «Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу...» Коммунистам, которые собрались в Польшу, чтобы, как и в Испании, сражаться против фашистов, запретили это делать.

Не было у нацистской Германии в ту пору лучшего друга и защитника, чем глава советского правительства и нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Его раздраженные слова о «близоруких антифашистах» потрясли советских людей, которые привыкли считать фашистов врагами. А Молотов с трибуны Верховного Совета распекал соотечественников, не успевших вовремя переориентироваться:

— В нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали о провокаторской роли наших врагов.

Говоря о врагах, он имел в виду Англию и Францию, которые считались агрессорами.

Москва и Берлин сделали совместное заявление относительно начавшейся мировой войны. Сталин продиктовал такой текст: «Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Германия и СССР будут поддерживать контакт и консультироваться друг с другом о необходимых мерах для того, чтобы добиться мира».

Немецкое военное командование получило согласие Москвы заправлять топливом подводные лодки и

боевые корабли военно-морского флота Германии на советских базах.

Сталинское видение событий сформулировал его преданный помощник — начальник политуправления Красной армии армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис, выступая 10 ноября 1939 года перед советскими писателями:

— Главный враг — это, конечно, Англия. А Германия делает в общем полезное дело, расшатывая Британскую империю. Разрушение ее поведет к общему краху империализма...

Коммунистические партии получили из Москвы распоряжение прекратить антифашистскую пропаганду. Секретариат Исполкома Коминтерна констатировал: «Англия и Франция стали агрессорами — они развязали войну против Германии и стараются расширить военный фронт с тем, чтобы превратить начатую ими войну в антисоветскую войну».

Европейским коммунистическим партиям было велено сотрудничать с немецкими оккупационными властями. Журнал голландской компартии «Политика и культура» опубликовал редакционную статью с призывом к населению «корректно относиться к немецким войскам». И это говорилось о нацистских оккупантах!.. Когда немецкие войска входили в Париж, некоторые сотрудники советского полпредства приветственно махали им руками. Французские коммунисты обратились к немцам с просьбой разрешить выпуск газеты «Юманите». Но от позора французских коммунистов спасли сами немцы, которые отказались иметь с ними дело...

Сталин и Молотов разорвали дипломатические отношения с правительствами оккупированных европейских стран в изгнании. И признали марионеточные правительства, которые были созданы немцами в оккупированных странах. Это было признание и фактическое одобрение всех завоеваний Гитлера.

Немецкая военная экономика существовала за счет импортных поставок. Сама Германия в избытке имела только уголь. Но в 1939 году Третий рейх фактически обанкротился. Дефицит платежного баланса покрывался с помощью печатного станка. Объем бумажных денег перед войной увеличился вдвое. Руководство имперского банка сообщило Гитлеру, что золотовалютные запасы рейха больше не существуют. Нет валюты — нет закупок, которых требует вермахт.

15 апреля 1939 года главнокомандующий сухопутными войсками генерал Вальтер фон Браухич представил доклад Гитлеру:

«Сегодняшняя нехватка высококачественной стали напоминает ситуацию Первой мировой войны... Армия лишена стали, которая необходима для оснащения вооруженных сил современным наступательным оружием».

Через несколько месяцев Браухич вновь обратился к Гитлеру за помощью — исчезла медь, а собственной меди в Германии не было, ее закупали за границей. Из-за отсутствия меди прекратился выпуск мин и упал выпуск артиллерийских снарядов. Вполовину сократился выпуск 105-миллиметровых гаубиц, составлявших основу немецкой артиллерии. Остановилось производство армейских карабинов — главного оружия пехоты.

24 мая 1939 года генерал-майор Георг Томас, начальник экономического управления вермахта, представил командованию свои расчеты: Германия выделяет двадцать три процента национального дохода на нужды вооруженных сил, Франция — семнадцать процентов, Англия — двенадцать, США — всего два. Иначе говоря: западные державы обладают большими резервами для наращивания военных усилий, а Германия уже почти достигла пределов своих возможностей. Но экономический потенциал врагов нацист-

ского государства уже превышает возможности Германии.

Осенью 1939 года боевые возможности вермахта и состояние военной экономики Германии позволяли вести только короткую войну с более слабым противником — Польшей. Новые танки и автоматическое оружие поступали в вермахт с большим опозданием. Боеприпасов могло хватить всего на несколько недель. Генералы недоумевали: как действовать, если Франция сразу нанесет удар на западе? Вступление в войну западных держав и СССР грозило Германии катастрофой.

Вот почему Гитлер решил напасть на Польшу, только получив согласие Сталина поделить страну и поддержать Германию. Как бы Гитлер воевал без советских поставок стратегически важного сырья и продовольствия?

Польская кампания выявила серьезные недостатки вермахта и военной промышленности, о чем знали немногие. Авиация исчерпала запас бомб и не была готова к продолжению военных действий. Выявилась недостаточная выучка пехотных подразделений. Проблемы возникли и с танковыми частями. Меньше чем за месяц четверть боевых машин были либо повреждены в бою, либо вышли из строя. Легкие танки Т-I и Т-II вообще не годились для современной войны, требовали замены. Но именно в этот критический для Германии период между октябрём 1939 и октябрём 1940 года выпуск танков наполовину сократился. Больше всего Гитлера, помнившего Первую мировую, беспокоила нехватка боеприпасов.

В 1939 году массовая переброска войск сначала на восток (к польской границе), потом на запад оказалась непосильной для транспортной системы. Железные дороги не справлялись с потребностями вермахта. Имперские железные дороги не получили и половины

потребного им количества стали, чтобы поддерживать пути в рабочем состоянии. Прекращение пассажирских перевозок не спасло от того, что десятки тысяч вагонов и платформ застряли в пробках.

Немецкая экономика полностью зависела от угля. Но его залежи находились в западных и восточных приграничных районах — в Руре и Силезии. Транспортировка угля в промышленные районы съедала треть возможностей немецких железных дорог. С декабря 1939 года шахтеры не могли отправлять добытый уголь потребителям.

Главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Браухич и начальник Генерального штаба Франц Гальдер потребовали серьезной передышки для подготовки войны на Западе: нужно пополнить технический парк и арсеналы, подготовить еще миллион призывников. Гитлер не хотел ждать, но вынужден был согласиться. Операция против Франции была перенесена на май 1940 года. Так что воевать с Красной армией осенью тридцать девятого вермахту было не под силу.

Германия оказалась в экономической изоляции. Вступление в войну Франции и Англии отрезало ее от поставок из-за рубежа. Импорт важнейших видов сырья — нефти, железной руды, меди — упал до кризисно низкого уровня. Экономика, полностью зависящая от импортных поставок, была на грани полного развала. Немецкую военную экономику спасало только экономическое соглашение с Москвой.

В сентябре 1939 года британское правительство информировало СССР о введении против Германии морской блокады и намерении досматривать и задерживать суда, которые будут перевозить грузы, усиливающие немецкий военный потенциал. Англичане не без оснований полагали, что морская блокада станет для нацистов чувствительным ударом. Но Гитлер успокоил своих генералов:

— Нам нечего бояться британской блокады. Восток поставит нам зерно, скот, уголь, свинец, цинк.

Фюрер оказался прав.

В газете «Известия» появилась статья «Война на море», в которой содержалось обещание, несмотря на войну, снабжать нацистскую Германию сырьем. Ответ советского правительства на британскую ноту был составлен в крайне жестких выражениях. Немцы остались довольны. Министр пропаганды Йозеф Геббельс распорядился сообщить о советской позиции на первых полосах всех газет.

В середине ноября 1939 года на переговорах в Берлине глава большой советской экономической делегации нарком судостроительной промышленности Иван Федорович Тевосян со значением заметил:

— Советское правительство не любой стране согласилось бы отпускать в таких больших количествах и такие виды сырья, которые оно будет поставлять Германии.

Сталин объяснил немецкой хозяйственной делегации, что не считает торговлю с Германией чисто коммерческим делом:

— Это помощь Германии. В этом легко убедиться. Советская сторона, продавая хлеб Германии, безусловно оказывает помощь, так как тот хлеб можно было бы продать кому-то другому за золото... Нигде Германия не получит сейчас за марки нефти, зерна, хлопка, руды, цветных материалов. Оцените это и признайте экономической помощью. Советский Союз нажил себе из-за этого немало врагов. Но я хочу, чтобы вы поняли — ни Англия, ни Франция не смогут столкнуть Советский Союз с пути дружбы с Германией.

7 января 1940 года Молотов многозначительно сказал немецкому послу в Москве:

— Мы даем Германии сырье, которое не является для нас излишним, а делаем это за счет урезывания нужд обороны и хозяйственного плана.

В 1940 году больше половины советского экспорта уходило в Германию. В общей сложности Гитлер получил от Сталина восемьсот с лишним тысяч тонн нефти, полтора миллиона тонн зерна, а также медь, никель, олово, молибден, вольфрам и кобальт — стратегически важные материалы для военной промышленности Германии, без которых она обречена была замереть. Ни в одной другой стране нацисты бы этого не купили.

Некоторые виды сырья, нужного немецкой военной промышленности, Советский Союз специально покупал в других странах и поставлял Германии. Это в первую очередь редкие металлы и каучук, без которого моторизованные части вермахта через несколько недель бы остановились.

6 марта 1941 года посол Шуленбург передал Молотову просьбу Берлина ускорить поставки каучука и ряда цветных металлов. Молотов обещал помочь. А 10 марта сообщил послу, что обещание будет исполнено. До нападения на Советский Союз оставалось два с половиной месяца...

Столь же жизненно важными были для Германии поставки советского продовольствия. Почти треть населения работала в сельском хозяйстве, но страна не могла себя прокормить. Германия начала Вторую мировую войну, имея меньше девяти миллионов тонн зерна. Через год войны остался миллион. Военные победы 1940 года не уменьшили зависимости Германии от Советского Союза. Немцы попросили удвоить поставки зерна, которые уже достигли миллиона тонн в год. И получили согласие — Сталин и Молотов проводили политику умиротворения Гитлера и шли на серьезные уступки в торгово-экономических делах. Они изъявили готовность распечатать стратегические запасы зерна, чтобы удовлетворить просьбу Германии.

Весной 1941 года немцы жаловались, что цена на пшеницу и рожь для них непомерно высока. Москва скинула цену на четверть.

3 июня 1941 года особо секретным решением политбюро разрешило «из особых запасов» дополнительно отправить в Германию тысячи тонн стратегического сырья, необходимого военной промышленности, — медь, никель, олово, молибден и вольфрам.

Военно-экономический потенциал Германии не позволял ей воевать со всем миром.

Герман Геринг сказал своим подчиненным в министерстве авиации, что для победы ему нужен воздушный флот в двадцать одну тысячу самолетов. В реальности максимум, что имело люфтваффе, — это пять тысяч самолетов (в декабре 1944 года).

В 1940 году Соединенные Штаты выпустили шесть тысяч самолетов, из них две тысячи получила Англия. В сорок первом американцы выпустили девятнадцать с лишним тысяч самолетов, из них пять тысяч отправили в Англию. В сорок втором они произвели сорок восемь тысяч машин, из них Англия получила семь с лишним тысяч. Красная армия в апреле 1945 года имела семнадцать тысяч самолетов...

Для Германии выпуск двадцати одной тысячи самолетов был недостижимой целью. Германия не имела таких средств и такого количества топлива. Авиационные заводы получали на треть меньше алюминия, чем требовалось, и лишь половину необходимой им меди. Чтобы продолжить выпуск бомбардировщиков «Юнкерс-88», пришлось пожертвовать более старой моделью — пикирующим бомбардировщиком «Юнкерс-87», хотя машина хорошо себя показала в Испании. Между тем «Юнкерс-88» летчики признали неудачным: невысокая скорость и слабое вооружение. Во время битвы за Англию в одном из рапортов начальству говорилось: «Экипажи боятся не врага, они боятся летать на Ю-88».

В 1940—1941 годах в Германии наблюдалась стагнация военного производства и катастрофическое падение производительности труда. В 1940 году, когда Германия потратила на оружие шесть миллиардов долларов, а Великобритания всего три с половиной миллиарда, британская промышленность выпустила в двенадцать раз больше бронированных автомобилей, больше боевых кораблей, танков и артиллерийских орудий.

Обострилась проблема с топливом. Германия импортировала нефть — в основном из Румынии. Кроме того, немецкие заводы выпускали синтетический бензин: четыре миллиона тонн в сороковом году, шесть с половиной миллионов тонн (это был максимум) в сорок третьем. Эти цифры не обеспечивали потребности вермахта.

В конце мая 1941 года генерал Адольф фон Шелль доложил командованию, что вермахту придется отказываться от моторов из-за нехватки топлива. Страдала подготовка военных летчиков. Водителей в вермахте сажали за руль после того, как они проедут всего пятнадцать километров, то есть неопытных новичков. В ноябре сорок первого остановилась работа на заводе компании «Опель», где выпускали грузовики для вермахта: не осталось ни капли бензина, чтобы грузовики могли выехать из сборочного цеха.

Германия оккупировала большую часть Западной Европы, но это не решило ее проблем. Помощь Соединенных Штатов помогла Англии выжить и продолжить борьбу. Гитлер решил, что если он не захватит ресурсы Советского Союза, то мировой войны ему не выиграть. Репутация Красной армии после сталинских репрессий и неудачной финской войны была такова, что Гитлер не сомневался в быстрой и легкой победе.

Если бы не череда ошибок и преступлений сталинского руководства, Гитлер или вовсе не решился бы

напасть на нашу страну, или вермахт был бы разгромлен далеко от Москвы. Это к вопросу о мудрости и дальновидности Сталина.

Почему же в октябрьские дни сорок первого он все-таки не улетел из Москвы?

Ответ надо искать не в сводках с линии фронта, а в особенностях его характера и представлений об окружающем мире.

Если бы он покинул Москву, это произвело бы на страну тягостное впечатление. Многие бы решили: раз сдали Москву, значит, проиграли войну... Нет смысла сражаться.

А что подумают в мире? Союзники, Соединенные Штаты и Англия, на помощь которых он теперь очень рассчитывал, поставят на нем крест.

27 июня в Москву срочно вернулся британский посол Стаффорд Криппс, с которым еще недавно советские руководители и разговаривать не желали. Теперь с ним прилетели военная и экономическая делегации — их с нетерпением ждали в советской столице. Англичане, которые только что были главными врагами и предметом насмешек в Кремле, превратились в главных союзников. Посла Криппса принял Сталин, разговор шел о поставке военной техники и снаряжения, необходимых Красной армии.

3 июля 1941 года Сталин, обращаясь к стране, произнес слова, прежде немыслимые:

— В этой освободительной войне мы не будем одиночками. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки.

12 июля в Москве было подписано «Соглашение о совместных действиях Правительства Советского Союза и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии».

Восстановили дипломатические отношения с Бельгией, Норвегией, Польшей, аккредитовали посла при

их правительствах, находившихся в изгнании. 18 июля подписали соглашение с правительством оккупированной и расчлененной немцами Чехословакии о взаимопомощи в борьбе против гитлеровской Германии. 26 сентября Москва признала генерала Шарля де Голля, главу Французского национального комитета, представителем сражающейся Франции.

Соединенные Штаты еще не находились в состоянии войны с Германией, но президент Франклин Делано Рузвельт тоже сказал, что поможет Советской России, которая стала жертвой агрессии. 29 июля в кабинет Сталина вошел Гарри Гопкинс, личный представитель президента Рузвельта.

1 октября в Москве закончилась конференция представителей СССР, США и Великобритании, подписали секретный протокол о поставках Советскому Союзу вооружения, техники и других материалов, а также пшеницы.

Резко изменились настроения в мире, поддержавшем борьбу советского народа против немецких захватчиков. Посол в Лондоне Иван Михайлович Майский сообщал в Наркомат иностранных дел о восторженном отношении англичан и даже белой эмиграции. В те октябрьские дни он записал в дневнике: «Были с Агнией на «Сорочинской ярмарке» в театре «Савой». Поставлена она группой «белых». Весь сбор с представления предназначен в Красный Крест для нужд СССР... Вместе с нами в ложе была жена Черчилля и лорд Илиф со своей половиной. Перед началом представления исполнили «Боже, храни короля» и «Интернационал». Все стояли... Как война все перепутала! Советский посол на представлении белой труппы, а белая труппа собирает деньги для Красной армии, причем жена британского премьера благословляет это начинание».

Сталин дал новые указания Коминтерну: срочно перестроить всю работу и забыть о болтовне насчет

мировой революции. Коммунистические партии не должны ставить вопрос о социалистической революции в своих странах, их задача — помогать советскому народу.

25 июня генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров информировал Сталина об указаниях, данных британской компартии, которая не успела так быстро перестроиться:

«Во-первых, не надо изображать вероломное нападение германского фашизма на СССР как войну между двумя системами — капитализмом и социализмом. Так характеризовать германо-советскую войну — это значит помогать Гитлеру в деле сплочения вокруг себя антисоветских элементов в капиталистических странах...

Во-вторых, надо учитывать, что продолжение Англией войны против Германии является поддержкой справедливой войны советского народа. Поэтому неправильны ваши нападки на Черчилля... Требовать в нынешней обстановке замены правительства Черчилля народным правительством — значит лить воду на мельницу прогитлеровским антисоветским элементам в Англии».

«Не знаешь, кого любить, — меланхолически записал в дневнике Аркадий Первенцев. — То меня убеждали, что Гитлер — сволочь, то начали кричать, что враги хотят поссорить Россию с Германией и мы связаны узами совместно пролитой крови, то приказали кричать «людоед Гитлер», то убеждали, что англичане сволочи и загребают жар чужими руками, то англичане друзья и никакого жара не загребают... Ну, я понимаю, но ведь очень трудно перестроить народ, ведь была дезориентирована даже армия...»

Вовсе переменять отношение к англичанам не собирались, но всю подрывную работу разведки и Коминтерна тщательно маскировали.

2 октября 1941 года отдел кадров Исполкома Коминтерна отправил генеральному секретарю ИККИ Георгию Димитрову секретную записку:

«Органы НКВД Таджикистана по своей инициативе поставили перед нами вопрос о возможности переброски в Индию находящихся в настоящее время в Сталинабаде индийцев — бывших студентов Коммунистического университета трудящихся Востока — и предложили выделить для этой цели первых двух человек. Отдел кадров считает, что индийцев необходимо постепенно перебросить на их родину, где они могут принести пользу национально-освободительному движению, так как в СССР они нам совершенно бесполезны.

Перед эвакуацией индийцев из Москвы с ними неоднократно была проведена беседа об изменении характера нынешней войны и тактики национально-освободительной борьбы в Индии в связи с нападением фашистской Германии на СССР. Они поняли новые задачи, стоящие перед индийским народом... Но необходимо им дать ряд практических указаний о том, как они должны объяснить свое прибытие в страну, с кем связаться, и еще раз напомнить их основную тактическую линию на современном этапе движения.

Отдел кадров просит Вашего заключения по вопросу об отправке и в случае положительного решения — Вашего распоряжения о передаче отправляемым кратких инструктивных указаний по прямому проводу или радио».

Идея засылки индийцев была местной инициативой. Наркоматом внутренних дел Таджикистана руководил капитан госбезопасности Алексей Васильевич Коротков. Он окончил семилетку в родном селе Шишкино Костромского уезда и Центральные пионерские курсы в Москве, работал в комсомоле, пока его не взяли в НКВД. Он стремительно делал карьеру и в на-

чале 1939 года был отправлен наркомом в Армению, а после начала войны был переведен в Таджикистан.

Советский Союз всячески поддерживал индийцев, которые выступали против британского правления в Индии. Ситуация изменилась, и в инструкции говорилось:

«Без победы над германским фашизмом не может быть достигнута свобода Индии. Поддерживать военные усилия английского правительства в Индии, направленные на разгром фашистской Германии, надо, однако не забывая борьбу за насущные требования индийского народа. Укреплять и развивать в индийском народе симпатии к СССР как единственно последовательному борцу против германского фашизма.

Ни на пути в Индию, ни в самой Индии ни слова не говорить о том, кем посланы и как отправлены. Держаться легенды, которая будет выработана на месте. Ни слова не говорить о путях и связях, использованных для переброски».

6 октября Георгий Димитров ответил: «Можно отправлять только в том случае, если бы переброска была сделана таким образом, чтобы английские власти не могли узнать, что они приезжают из СССР. Если это нельзя обеспечить, то придется еще на некоторое время задержать у нас».

Решили индийцев не отправлять.

Главным было получение военной помощи от США и Великобритании.

Отступление Красной армии рождало тревогу и разочарование среди иностранных дипломатов, работающих в Советском Союзе. Готовность союзников помогать зависела от уверенности в том, что Москва держится.

Но главное — другое. Покинув Москву, Сталин вообще мог утратить власть над страной. Пока он в Кремле, он — вождь великой страны. Как только ся-

дет в поезд, превратится в изгнанника. Не поддастся ли кто-то из его ближнего круга соблазну устранить Сталина и самому взять власть? Или просто выдать вождя Гитлеру, сговориться с фюрером и получить от него, как уже бывало в русской истории, ярлык на княжение в России?..

Маршал Иван Степанович Конев на склоне жизни вспоминал, что Сталин тогда растерялся. В один из октябрьских дней вождь позвонил в штаб Западного фронта Коневу, находившемуся под Вязьмой. И вдруг стал оправдываться, говоря о себе в третьем лице:

— Товарищ Сталин — не предатель, товарищ Сталин — не изменник, товарищ Сталин — честный человек. Вся его ошибка в том, что он слишком доверился конникам. Товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение.

У Конева возникло ощущение, что Сталин не соответствует представлению о нем как о человеке бесконечно сильном и волевом. С ним разговаривал сильно растерявшийся и ощущавший свою вину человек.

Под «конниками» вождь имел в виду своих любимцев, свою главную опору среди военных — выходцев из Первой конной армии, которых он поставил во главе вооруженных сил. Он испугался, что теперь его самого назовут предателем, как он назвал предателями командующего Западным фронтом генерала Дмитрия Григорьевича Павлова и других, и что его тоже могут арестовать и расстрелять.

Он никогда не верил ни своим подручным, ни личной охране.

Адмирал Иван Степанович Исаков рассказывал Константину Симонову, как однажды удостоился чести ужинать у Сталина в Кремле:

«Шли по коридорам, на каждом повороте охранник, деликатно отступающий в проем, как бы упуская

из глаз проходящих, но на самом деле передающий их за поворотом глазам другого охранника, который стоит у другого поворота и в свою очередь... Не по себе мне стало, я возьми и брякни:

— Скучно тут у вас...

— Почему скучно?

— Да вот — за каждым углом...

— Это вам скучно, а мне не скучно: я иду и думаю, кто из них мне в затылок выстрелит...»

Вождь сам жил в постоянном страхе. Сталин существовал в мире уголовных преступников. Если он убивал, то почему же его не могли убить? Вот Сталин и боялся покушений.

Тогда, в октябре он вновь испытал все то, что уже пережил в первые дни после внезапного — для него! — начала войны...

НА ДАЧЕ, В ПОЛНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

На самом деле, о чем размышлял и что ощущал Сталин, твердо ответить не может никто. Воспоминаний он не оставил, своими эмоциями и чувствами не делился. С определенного времени вообще едва ли с кем разговаривал откровенно, даже с ближайшими соратниками.

Но точно известно одно: он испытывал приступы отчаяния. Так, после начала войны он выпустил из рук управление страной и перестал приезжать в Кремль.

Одни уверяют, что вождь заболел. Эта версия ничем не подтверждается. Другие утверждают, что Сталин впал в депрессию. На него словно столбняк нашел. Судя по словам очевидцев, он никак не мог собраться, чтобы исполнять свои обязанности руководителя страны.

27 июня Сталин приехал в Кремль к четырем часам дня. Около трех ночи отправился отдыхать на дачу и появился только в восьмом часу вечера. Принял довольно много посетителей. Последние — Берия и Микоян — ушли от него около часа ночи. А 29 июня вождь вообще не приехал в Кремль. Не появился он и 30 июня. Страницы «Журнала записи лиц, принятых И.В. Сталиным», пусты. А сталинские секретари отличались редкой пунктуальностью.

Что же случилось? Сталин впервые с начала войны осознал масштаб разразившейся катастрофы. Первые дни после 22 июня он еще пребывал в иллюзиях, верил, что Красная армия вот-вот перейдет в наступление и разгромит наступающего врага.

А 28 июня ударная сила вермахта, 2-я и 3-я танковые группы, соединились в районе Минска. Вечером советские войска оставили город. На следующий день об этом стало известно в Москве. Появление немцев в столице Белоруссии было шоком для Сталина. Сталин позвонил наркому обороны маршалу Семену Константиновичу Тимошенко:

— Что происходит под Минском?

Нарком, видимо, не решился сказать, что Минск потерян. Может быть, надеялся отбить город. Может, просто не нашел в себе силы признать свершившееся. Ответил уклончиво:

— Я не готов к докладу, товарищ Сталин. Нет связи с Западным фронтом.

Связи действительно не было. Офицеры оперативного управления Генштаба Красной армии обзванивали сельсоветы, спрашивали, нет ли в деревне немцев.

Тогда Сталин взял с собой своего заместителя в правительстве Вячеслава Молотова, секретаря ЦК по кадрам Георгия Маленкова и наркома внутренних дел Лаврентия Берия и приехал в здание Наркомата обороны на улице Фрунзе. Вождь в принципе не любил

одинокства. Но в тот момент еще и хотел, чтобы его окружали ключевые фигуры партийно-государственного аппарата. Высокопоставленные гости поднялись в кабинет наркома на втором этаже. У Тимошенко собрались начальник Генерального штаба Жуков, его первый заместитель генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин, офицеры главного оперативного управления.

Сталин находился во взвинченном состоянии.

Нарком, побледнев, доложил:

— Товарищ Сталин, руководство наркомата и Генштаба изучают обстановку, сложившуюся на фронтах.

Сталин остановился у карты Западного фронта. Все офицеры вышли. Остались Тимошенко, Жуков и Ватутин.

Сталин повернулся к ним:

— Мы ждем. Докладывайте обстановку.

Тимошенко так и не сумел собраться. Он заговорил, сильно волнуясь:

— Товарищ Сталин, мы не успели проанализировать все полученные от фронтов материалы. Много для нас пока что не ясно. Я не готов к докладу.

И вот после этих слов наркома обороны, по словам очевидцев, Сталин сорвался:

— Да вы просто боитесь доложить нам правду! Потеряли Белоруссию и хотите поставить нас перед совершившимся фактом?

Он повернулся к Жукову:

— Вы управляете фронтами? Или Генеральный штаб только регистрирует поступающую информацию?

— Нет связи с войсками, — вслед за наркомом повторил Георгий Константинович.

Сталин взорвался:

— Что это за Генеральный штаб? Что это за начальник штаба, который в первый день войны растерялся,

не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?

Гневные сталинские слова звучали так страшно, что Жуков буквально разрыдался и выбежал в соседнюю комнату. Воцарилось молчание. Молотов пошел вслед за ним. Минут через пять—десять Вячеслав Михайлович привел внешне спокойного Жукова. Но глаза у него были мокрые. Так, во всяком случае, рассказывал член политбюро Анастас Микоян...

Вождь не пожелал продолжать разговор. Бросил соратникам:

— Пойдемте. Мы, кажется, действительно приехали не вовремя.

«Когда вышли из наркомата, — вспоминал Микоян, — Сталин сказал: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы — его наследники — все это проср...ли». Мы были поражены этим высказыванием. Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта».

Сам Сталин только однажды признался, что ночь на 30 июня была самой тяжелой в жизни. Похоже, после падения Минска и разгрома Западного фронта Сталина охватил ужас. Вероятно, впервые за многие годы он ощутил полное бессилие. Его приказы не исполнялись. Наркомат обороны и Генеральный штаб потеряли управление фронтами. Красная армия отступала, остановить врага не удавалось.

«Сталин переживал тогда, — рассказывал на старости лет Молотов поэту Феликсу Чуеву. — Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен».

Он не мог прийти в себя с того самого дня, как началась война.

Немецкая авиация уже бомбила советские города, а наземные части перешли границу, но Сталин упрямо не хотел верить, что это война. Когда германский посол граф Фридрих фон Шуленбург попросил приема,

у Сталина, видимо, шевельнулась надежда: наверное, Гитлер решил пошуметь на границе, чтобы придать весомости своим требованиям.

Молотов был очень усталым. Шуленбург едва ли выглядел лучше. Помощник Молотова Семен Козырев рассказывал потом, что у немецкого посла дрожали руки и губы. Он трагически переживал то, что ему предстояло объявить.

Шуленбург зачитал меморандум министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа, который заканчивался такими словами: «Советское правительство нарушило договоры с Германией и намерено с тыла атаковать Германию в то время, как она борется за свое существование. Поэтому фюрер приказал германским вооруженным силам противостоять этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

Молотов спросил:

— Это объявление войны?

Шуленбург безмолвно воздел руки к небу. Риббентроп приказал послу «не вступать в обсуждение этого сообщения».

Вячеслав Михайлович был возмущен:

— Германия напала на страну, с которой подписала договор о дружбе. Такого в истории еще не было! Пребывание советских войск в пограничных районах обусловлено только летними маневрами. Если немецкое правительство было этим недовольно, достаточно было сообщить об этом советскому правительству, и были бы приняты соответствующие меры. Вместо этого Германия развязала войну...

Молотов закончил свою речь словами:

— Мы этого не заслужили!

Молотов и посол пожали друг другу руки и разошлись. Вячеслав Михайлович вернулся в кабинет Сталина. Вождь был уверен, что Шуленбург передаст Молотову

список политических, экономических и территориальных требований Гитлера и можно будет как-то договориться... Когда Молотов сказал, что Германия объявила войну, Сталин рухнул в кресло.

Он не нашел в себе силы обратиться к народу, и вместо него о начавшейся войне сообщил по радио Молотов. Голос его звучал сухо и монотонно.

«Мы сидели у приемника, — вспоминал писатель Илья Григорьевич Эренбург, — ждали, что выступит Сталин. Вместо него выступил Молотов, волновался. Меня удивили слова о вероломном нападении. Понятно, когда наивная девушка жалуется, что ее обманул любовник. Но что можно было ждать от фашистов?..»

Через два с лишним десятилетия, в июне 1964 года, заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов записал в дневнике разговор с Климентом Ефремовичем Ворошиловым на приеме в Кремле.

— Видите ли, — говорил маршал, — Сталин был очень оригинальный человек. Он привыкал к людям и верил им, если раз поверил. И Сталин поверил немцам. На него так подействовало вероломство немцев: нарушить договор спустя несколько месяцев после подписания!.. Это подло. Сталин так расстроился, что слег в постель... Только постепенно Сталин овладел собой и поднялся с кровати. И вот в это время Вячеслав Михайлович стал говорить, что надо прогнать Сталина, что он не может руководить партией и страной. Мы ему стали объяснять, что Сталин доверчив и у него такой характер. Но Молотов слышать не хотел, он не понимал особенности Сталина.

Ворошилов хорошо знал вождя, когда-то они почти дружили...

Вождь однажды пожурил начальника военной разведки Героя Советского Союза генерал-лейтенанта

Ивана Иосифовича Проскурова (которого потом расстрелял по липовому обвинению):

— У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем смысле этого слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить...

А сам, выходит, Гитлеру поверил...

Нам, конечно, не дано узнать, о чем, оставшись на даче один, размышлял в те июньские дни Сталин. Наверное, будущее рисовалось ему в самых мрачных тонах. Что он мог предположить? Если Красная армия не выдержит, немцы возьмут его в плен. Или его собственные генералы арестуют генерального секретаря ЦК ВКП(б) и выдадут Гитлеру в обмен на отдельный мир...

Вождь боялся своих генералов, не верил им, считал, что среди них полно скрытых врагов, способных предать его в любую минуту.

Во всяком случае, в те дни вождь выпустил из руки управления страной. Он никого не принимал и никому не звонил. Два дня его словно не существовало. А в стране и тем более в вооруженных силах ничего не решалось без его приказа! Он сам создал такую систему, где все и вся подчинялись ему одному. Без него ни нарком обороны Тимошенко, ни начальник Генштаба ничего не смели предпринять.

Члены политбюро растерялись: как действовать в условиях войны? А наступающий вермахт перемалывал советские дивизии. Линия фронта быстро придвигалась к Москве.

Сталин был кабинетным работником. Он и по собственной стране не ездил и потребности такой не ощущал. Редко выступал, общался с узким кругом доверенных лиц. Так что его мало кто видел. О жизни вождя народ судил по газетным сообщениям. А тут вождь словно исчез. Страна хотела слышать главу пра-

вительства, знать и видеть, что он делает в эти дни. Сталин молчал.

Лаврентий Павлович Берия, арестованный в июне 1953 года, напомнил товарищам по партийному руководству, как это происходило: «Вы прекрасно помните, Вячеслав Михайлович, было очень плохо и после нашего разговора с товарищем Сталиным у него на ближней даче вы вопрос поставили ребром у вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины. Я вас тогда целиком поддержал и предложил вам немедля вызвать на совещание товарища Маленкова, а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к товарищу Сталину и убедили его в немедленной организации Комитета обороны страны со всеми правами...»

Вот как это происходило.

В последний день июня, вечером, в кремлевском кабинете Молотова собрались встревоженные руководители страны — заместитель председателя Совнаркома и нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия, член оргбюро ЦК, кандидат в члены политбюро, секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков, заместитель председателя правительства Климент Ефремович Ворошилов, заместитель главы правительства и нарком внешней торговли Анастас Иванович Микоян, первый заместитель главы правительства и председатель Госплана Николай Алексеевич Вознесенский.

Расстроенные, они не знали, что предпринять. Как управлять государством, когда немцы наступают, армия не может их остановить, а Сталин находится в подавленном состоянии?

В отсутствие Сталина старшим в Кремле оставался Молотов, старейший член политбюро, работавший

еще с Лениным и воспринимавшийся в качестве очевидного наследника вождя. Вячеслав Михайлович откровенно заговорил о том, что Сталин последние два дня подавлен, находится в прострации. Он ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы. Как быть?

Вот тогда и прозвучала фраза первого заместителя главы правительства Николая Вознесенского:

— Вячеслав, иди вперед, мы пойдем за тобой.

Все поняли это в том смысле, что если Сталин не способен руководить страной в критический момент, то его должен сменить Молотов. В глазах всего народа он второй человек в стране.

Берия с его быстрым умом и необузданным темпераментом предложил создать чрезвычайный орган управления — Государственный Комитет Оборона и передать ему все права ЦК партии, правительства и Верховного Совета. Единый центр власти будет управлять и армией, и промышленностью, и всей жизнью страны.

Члены политбюро согласились. Сразу возник следующий вопрос — кто станет во главе ГКО? Ответ напрашивался — разумеется, Сталин. Возникла идея тут же вновь поехать к нему на ближнюю дачу.

Все вместе поехали на дачу к Сталину. Он сидел в кресле в малой столовой. Увидев членов политбюро, явившихся без приглашения, он как бы вжался в кресло и недовольно спросил:

— Зачем приехали?

«Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос, — вспоминал Микоян. — Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать».

Во всяком случае, будь среди членов политбюро человек сталинского характера, он бы, наверное, так

и поступил, объявил бы генсека виновным во всех неудачах первой недели войны и взял власть в свои руки.

Но Молотову не достало решительности. Или, напротив, ему хватило осторожности не претендовать на место первого человека. Берия, которому характера и даже авантюризма было не занимать, состоял на вторых ролях. Он еще даже не вошел в политбюро. В стране его мало знали.

Молотов успокаивающе объяснил Сталину, что они приехали с новой идеей:

— В ситуации войны необходимо сконцентрировать власть в одних руках и создать для этого Государственный Комитет Обороны.

Вождь удивленно посмотрел на него, выдавил из себя:

— Кто во главе?

— Сталин, — хором сказали все члены политбюро.

— Хорошо, — только и ответил Сталин.

Этот эпизод навсегда врезался в память всем, кто ездил в тот день к вождю на ближнюю дачу.

«Сталин верил Гитлеру, и то, что Гитлер напал на СССР, стало для Сталина сильнейшим ударом, — подтверждает директор Российского государственного архива профессор, доктор исторических наук Сергей Владимирович Мироненко. — И два с половиной дня Сталин не показывался в Кремле. Ворошилов, Молотов, Булганин, Вознесенский, его соратники были в растерянности: что делать?»

В Государственном архиве хранятся воспоминания управляющего делами Совета народных комиссаров, потом — управляющего делами Государственного Комитета Обороны Чадаева. Он сталинист абсолютный, для него Сталин идеал. Он бы не стал сочинять во вред образу Сталина. Но он не мог написать то, чего не было.

Чадаев сидел в приемной. Приходят люди. Где Сталин? Нет Сталина. В конце концов отправились к Сталину, который решил, что приехали его арестовать. И тогда он произнес эти знаменитые слова: «Ленин нам оставил великую империю, а мы ее потеряли». И только когда Ворошилов сказал: «Коба, как ты можешь? Ты должен нас возглавить! Мы без тебя никто!» — Сталин немного приободрился...

Это миф, что Сталин все знал, все понимал, все мог... И не надо думать, что Сталин боролся за социализм. Он боролся за свою личную власть».

На следующий день, 1 июля, Сталин, наконец, приехал в Кремль и вызвал все тех же Молотова, Микояна, Маленкова, Берию, Тимошенко и Жукова. Увидев, что никто не собирается его свергать и что армия отступает, но упорно обороняется, вождь понемногу пришел в себя...

Впрочем, осторожность никогда не покидала Сталина. Он фактически отстранил Молотова от ключевых дел, но постоянно держал при себе. Вячеслав Михайлович часами сидел в кабинете Сталина и присутствовал при всех беседах.

«Внешне это создавало ему особый престиж, — писал Микоян, — а на деле Сталин изолировал его от работы, видимо, он ему не совсем доверял: как бы второе лицо в стране, русский, не стал у него отбирать власть».

Опасные слова Вознесенского «веди нас, Вячеслав», видимо, не прошли бесследно...

19 июля Сталин назначил себя наркомом обороны, 8 августа еще и Верховным главнокомандующим. Он занял все высшие посты в советской иерархии. И сам определял, какой орган управления оформит отданный им приказ — Государственный Комитет Обороны, политбюро, правительство, Ставка. Все равно — решения принимал он один.

Сталин был очень не уверен в себе, совсем не подходил на себя прежнего. 22 июня, когда страна, ошеломленная известием о войне, ждала его слова, не смог даже обратиться к согражданам по радио, поручил это Молотову. Собрался с силами только 3 июля и, наконец, решился выступить по радио.

Вот свидетельство того времени.

«И вдруг речь Сталина по радио: «Братья и сестры...» — вспоминала Елена Кузьмина. — Мы привыкли к волевому голосу этого человека. Мы привыкли к тому, что каждое его слово был твердый приказ или новый закон. И вдруг немного старческий, чуть дрожащий голос обращался к нам не то с просьбой, не то за помощью».

«Скорбная речь: будто даже зубы о стакан стучат, — отметил хирург Николай Амосов. — «Братья и сестры». Я подумал злорадно: «Ишь, испугался». Не люблю Сталина».

Вождь сильно волновался, но сообщил, что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты...» Это была чистой воды пропаганда. А что еще мог сказать Сталин своим согражданам? Признать, что его предвоенная политика потерпела крах, что он совершил множество чудовищных ошибок и Красная армия в том виде, в каком она существовала до 22 июня, фактически разгромлена и вооруженные силы приходится формировать заново?..

Сталин оправдывал заключение в 1939 году пакта Молотова—Риббентропа. Придумал, что договор с нацистской Германией позволил отсрочить войну почти на два года, и эта формула десятилетиями повторялась советскими историками.

А танковые колонны вермахта катились по дорогам России и Украины. Советские люди недоумевали: происходит что-то неладное, почему Красная армия отстывает? Немецкие генералы прикидывали, сколько

им осталось до Москвы и когда именно Советский Союз капитулирует. 4 июля, на следующий день после выступления Сталина, Адольф Гитлер самоуверенно заявил своим генералам:

— Я уже давно пытаюсь поставить себя в положение противника. Практически он уже проиграл войну. Очень хорошо, что нам в самом начале удалось уничтожить русские бронетанковые дивизии и авиацию. Русские не смогут восполнить эти потери...

Вот в этом Гитлер и ошибся.

Красная армия отступила до Москвы. Важнейшие экономические районы оказались оккупированными врагом. Но война не была проиграна.

Правда, пока что Красная армия сдавала один город за другим.

За первую неделю войны было мобилизовано пять с лишним миллионов человек. Хозяйственный и военный механизм не в состоянии был одеть и вооружить столько людей, свести их в боевые части, обучить и слаженно отправить на фронт. Призванные в армию ходили в своей одежде. Стала ясна слабость системы, в которой все делалось по приказу, а когда не было прямого приказа, ничего и не делалось... Люди утратили навык разумной самоорганизации, да это им и не позволялось.

Часть вторая

ВОЛКИ У ВОРОТ

Личное. Заявление ТАСС

«22 июня 1941 года я увидела утром поникшее лицо мамы, — вспоминает Ирина Млечина. — Папа, несмотря на воскресенье, с утра пораньше уехал на работу. На недоуменные вопросы мама ответила:

— Папа оказался прав. Сегодня ночью началась война».

Оказался прав? Что она имела в виду?

«Отец, Владимир Михайлович Млечин, был тогда директором Театра революции (ныне Театр имени Маяковского), и весной сорок первого труппа отправилась на гастроли в Сочи, — пишет Ирина Млечина. — Я впервые увидела бескрайнее море, сверкающее на солнце, широкие пляжи, покрытые галькой и песком, множество веселых загорелых людей... Гастроли театра закончились, и труппа уехала в Москву, а с ней, конечно, и отец. Семью он оставил на юге: пусть еще подышат морским воздухом. И вдруг пришла телеграмма-«молния» — от папы. В ней говорилось: «Срочно возвращайтесь Москву».

У мамы телеграмма вызвала шок. Что могло случиться? Папа заболел? Или что-то с бабушкой? Побежали на междугороднюю телефонную станцию — звонить, но дозвониться не удалось, не откладывая,

отправились покупать железнодорожные билеты. Через два дня были дома. На вопросы дочери отец отвечал с улыбкой:

— По тебе соскучился, вот и вызвал вас.

Но вечером она услышала разговор родителей, из которого поняла только, что отец прочитал в газете какое-то «опровержение ТАСС», в котором говорилось, что слухи о готовящейся войне с Германией являются ложью и провокацией, и сразу понял, что война будет, и очень скоро. Испугавшись за семью (если война действительно начнется, нерасторопная мама не сможет купить билеты), он решил немедленно вернуть их в Москву. Так он спас свою дочь и жену».

Речь идет о печально знаменитом заявлении ТАСС от 14 июня 1941 года — за неделю до нападения Германии. Сталин и Молотов до последней минуты были уверены, что Гитлер блефует и просто пытается заставить их пойти на территориальные и экономические уступки. Они подготовили заявление ТАСС, в котором говорилось, что слухи о якобы готовящейся войне между Германией и Россией — это маневры враждебных сил. У Германии нет претензий к Советскому Союзу, обе страны неукоснительно соблюдают свои обязательства...

Сталин и Молотов рассчитывали на ответную реакцию Гитлера, надеялись, что и он подтвердит, что у него нет претензий к Советскому Союзу, и это снимет напряжение. Обнадеживающей реакции фюрера они так и не дождались. А вот в собственной стране это заявление ТАСС сыграло роковую роль. Большинство советских людей приняли заявление за чистую монету и уверились в том, что войны точно не будет. И армия тоже была дезориентирована...

«В коридоре было почти пусто, все сидели по комнатам и слушали радио, — вспоминает первый день войны Ирина Млечина. — У нас тоже был приемник.

Спереди он был обит серой тканью, а с боков — деревянный. Мы с мамой стали крутить какую-то штучку, в надежде получше все услышать, но из приемника доносилось только сипение и нечленораздельные звуки. Зато было все прекрасно слышно из соседней комнаты, где висела обыкновенная «тарелка». Между «детской» и комнатой соседей проходила труба парового отопления, вокруг которой была изрядная дыра. Почему-то ее никто не заделал. Оттуда часто доносились то крики двух ссорящихся пожилых сестер, то пьяненький голос Виктора, сына одной из них, то приятный голосок Зои — дочери младшей сестры.

В воскресенье 22-го соседских голосов слышно не было, но зато целый день бубнило радио, звучали знакомые песни про «бронепоезд», который «стоит на запасном пути», и многие другие, которые я хорошо знала. Вечером вернулся папа, и по его лицу я догадалась, что происходит что-то плохое».

Дочке он снова ничего рассказывать не стал, просто ответил:

— Ну, тебе это пока понять трудновато, да и мне не очень легко. Немцы наступают. Все как-то неясно.

И добавил:

— Обещаю, что как-нибудь попробую тебе объяснить, что такое война.

РЕСТОРАНЫ ДЛЯ КОМИССАРОВ

Секретарь московского горкома партии Георгий Михайлович Попов вспоминал, с чего он начал первый день войны: «Я вбежал в свой кабинет. Первые указания, которые дал горком, были: прекратить неограниченную продажу сахара, соли, спичек, мыла, хлеба; прекратить выдачу вкладов из сберегательных касс...»

В здании, которое занимали обком и горком партии, появилась дополнительная охрана. Ввели пропуска — прежде можно было войти, предъявив партбилет.

К концу дня 22 июня 1941 года организационно-инструкторский отдел московского горкома партии информировал руководителей города о реакции москвичей на выступление Молотова, сообщившего о вероломном нападении Германии:

«Среди части населения имеются панические настроения. Во многих магазинах образуются большие очереди за хлебом, крупами, макаронными изделиями, консервами, керосином, солью, сахаром и другими продуктами. В сберегательных кассах образовались большие очереди вкладчиков, которые забирают свои вклады и многие закладывают облигации госзаймов.

Так, в Ростокинском районе большие очереди наблюдаются в булочных, сберкассах и керосиновых лавках. В булочной № 10 по улице Кирова, дом № 23/1, большой наплыв людей. Выступления агитаторов не помогают, народ все время прибывает. По ул. Кирова, дом № 26 в керосиновой лавке очередь выстроилась в количестве двести шестьдесят пять человек. Встают в очередь по несколько раз...

В Свердловском районе в магазине ТЭЖЭ (ул. Горького) большая очередь за мылом, в магазине № 102 (ул. Горького) в продаже нет хозяйственного мыла, покупатели берут семейное мыло, которого раньше продавалось по пятьдесят кусков в день, а сегодня за два часа было продано пятьсот кусков...

В булочной № 5 Октябрьского райхлебторга в 14 час. 15 мин. директор магазина Дирябо закрыл магазин перед очередью сто—сто тридцать человек и объявил, что «Москва в угрожающем положении, а потому магазин закрывается». После вмешательства представителя Свердловского райторготдела т. Яковлевой магазин был открыт, и торговля продолжается...

В сберегательных кассах района большие очереди за получением вкладов и продажи займа 1938 года. Сберкассы все средства, полученные для нормальной работы на весь день, выдали до 16 часов. Район потребовал средств полтора миллиона рублей.

Как правило, вкладчики берут крупные вклады от трех до пятнадцати тысяч рублей, в таких же суммах продают и заем 1938 года. Проведенной проверкой установлено, что вклады берут в основном работники интеллигентного труда. Народная артистка СССР Тарасова (МХАТ) заказала приготовить средства, закрывает весь вклад — около 60 тысяч рублей. Райком партии послал девяносто человек агитаторов по магазинам и сорок пять человек по крупным жилым домам...»

Москвичи снимали деньги со счетов в сберкассах (у кого были), бежали в магазины, скупали, что могли. Понимали, что очень скоро полки опустеют.

Меньше чем через месяц после начала войны, 11 июля, в Москве и Ленинграде (раньше, чем в других городах) ввели карточки — на хлеб, крупу, сахар, кондитерские изделия, масло, мясо, рыбу, мыло, обувь и ткани. Существовало сто четырнадцать различных норм и видов снабжения — в зависимости от места работы и должности.

В Мосгорисполкоме и райисполкомах образовали бюро по выдаче продовольственных и промтоварных карточек, а также бюро по учету рабочей силы и топливные отделы. Продовольственные карточки выдавали каждый месяц, промтоварные — раз в полгода. Они были не именные и при утере не возобновлялись.

Восемьсот граммов хлеба выдавали по рабочей карточке, шестьсот граммов — по карточке служащего. Детям и иждивенцам (то есть пенсионерам и неработающим) полагалось всего четыреста граммов. Хлеб продавался ежедневно — с половины седьмого утра, свою пайку разрешалось выкупить на один день впе-

ред. Просроченные талоны не отоваривались. Жиры, мясо и рыбу продавали подекадно. Колбаса, сельдь, консервы засчитывались в норму отпуска рыбы или мяса. В столовых, которые обслуживали предприятия и учреждения, «за обед, изготовленный из 100 г мяса, сдается талон на 50 г мяса».

Рабочим и инженерам полагалось на месяц два с лишним килограмма мяса и мясопродуктов, килограмм рыбы, два килограмма крупы и макарон, полтора килограмма сахара и кондитерских изделий. Для остальных категорий нормы снабжения были значительно меньше. Неравенство состояло и в том, где и как карточки отоваривались, как тогда говорили. В закрытых распределителях выдавали настоящее мясо, в обычных магазинах — кости. Вместо мяса по карточкам часто приходилось брать яичный порошок. Вместо крупы — картофель. Вместо сахара — повидло.

На пленуме горкома директор крупного Электролампового завода жаловался:

— Такая система — литерному заводу для отпуска обедов давали мясо без карточек, а нелитерным заводам — по карточкам. В столовую являлась какая-нибудь табельщица с накрашенными ногтями и брала восемь котлет, потому что она работает на литерном заводе. А рабочие, проработавшие по одиннадцать часов на производстве боеприпасов, ничего не могли кушать. Такое положение могло повлечь за собой то, что рабочие могли бы разнести буфет. Большими усилиями я добился, чтобы обеспечить мясными обедами всех работающих на производстве боеприпасов.

Мяса не хватало в первую очередь. За ним выстраивались огромные очереди. Люди сбегали с работы, чтобы отovarить карточки. Это не устраивало городские власти.

Бюро горкома и обкома партии приняли постановление:

«О порядке отпуска мяса.

1. Считать неправильным порядок отпуска мяса, установленный наркоматом мясомолочной промышленности СССР, согласно которому наряды выдаются накануне в конце дня, что исключает своевременный завоз мяса в торговую сеть, в результате чего создаются очереди у магазинов.

2. Обязать начальника московской конторы Мясо-сбыта установить порядок выдачи нарядов накануне не позднее 11 часов утра для обеспечения торговой сети мясом на следующий день, а зав. Горторготделом Моссовета тов. Фадину обеспечить своевременный завоз мяса по магазинам».

Нехватки были порождены не только понятными трудностями военного времени, но в первую очередь самим механизмом командно-административной экономики.

За неделю до начала войны (!) руководители Московской области — второй секретарь МК Борис Николаевич Черноусов и председатель Мособлисполкома Павел Сергеевич Тарасов жаловались заместителю председателя Совнаркома Микояну:

«Наркомат заготовок систематически не выполняет план завоза муки в Московскую область. За апрель—май 1941 года недогружено 1994 тонны. Отгрузка муки в июне месяце, по существу, сорвана... Выданные наряды на отгрузку муки из Чкаловской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областей не выполняются.

Особенно тяжелое положение создалось с белой мукой. Остатки муки второго сорта в области не превышают двухдневного запаса, а в некоторых промышленных районах этого сорта муки нет совершенно... В связи с невыполнением плана отгрузки муки остатки ее в области резко сократились. МК ВКП(б) и Исполком Мособлсовета просят дать указание полностью выполнить июньский план завоза муки...»

Когда ввели карточки — мечта поклонников планового хозяйства, очереди не исчезли. Напротив, они удлинились. Если до войны можно было отложить покупку на следующий день, то теперь стояли до последнего.

Постановление секретариата МГК от 24 сентября:

«Секретариат МГК ВКП(б) отмечает, что в результате нераспорядительности директора Московского треста хлебопечения т. Селезнева и необеспечения хлебозаводов необходимыми переходящими запасами муки в первую очередь пшеничной 85-процентного помола, в последние дни 19—21 сентября с. г. в ряде районов (Киевский, Фрунзенский, Краснопресненский, Таганский и др.) имели место перебои в торговле хлебом и создание больших очередей...

Отсутствие в торговой сети необходимого переходящего полуторасуточного запаса хлеба, существующая практика в работе диспетчеров хлебозаводов, самовольно снижающих заказы на хлеб, еще больше усугубили перебои в торговле хлебом...»

В представленной секретариату МГК справке отдела торговли МГК говорилось: «Во всех булочных и продовольственных магазинах, где торгуют пшеничным 72-процентным хлебом, утром задолго до открытия магазина и в течение дня до привоза хлеба в торговую сеть собираются большие очереди (от ста до трехсот человек)...»

В нормально функционирующей рыночной экономике крестьянина не надо уговаривать (или, точнее, заставлять) собирать урожай, который он сможет с выгодой для себя продать. В военное время, когда не хватает продовольствия, работа на селе становится особенно выгодной. Но колхозная система начисто отбивала желание хозяйствовать. Весь урожай приходилось сдавать государству — так какой смысл крестьянину стараться?

Пришлось в военные годы, в катастрофической ситуации менять политику, искать способ заинтересовать крестьянина. Провели пленум обкома и горкома партии по вопросу «О заготовках и завозе картофеля в гор. Москве». 19 сентября оповестили о новой линии:

«1. Разрешить колхозам выдавать колхозникам, работающим на уборке картофеля, десять процентов от накопленного картофеля, то есть из десяти мешков — девять оставлять колхозу, а один мешок выдавать колхознику.

Половину картофеля, заработанного колхозниками, выдавать на руки немедленно, а другую половину выдавать при окончании копки и вывоза картофеля.

2. Колхозникам, занятым вывозкой картофеля на государственные заготовительные пункты, выдавать до десяти процентов от вывезенного картофеля — в зависимости от расстояния до заготовительного пункта...

3. Разрешить колхозам оплачивать натурой рабочих, служащих и других не членов колхоза, привлеченных на уборку картофеля, наравне с колхозниками...»

17 сентября появилось совместное постановление ЦК и Совнаркома о введении во всех университетах, педагогических и учительских институтах обучения студентов сельскому хозяйству. Имелось в виду, что к весне сорок второго студенты получают базовые сведения по агротехнике, смогут работать на тракторах и заменят ушедших на фронт крестьян.

Продовольствия в городе не доставало.

«Заходила Мария Владимировна, — записала в дневнике бывшая певица Мариинского театра Мария Андреевна Буковская, по мужу графиня Дулова. — Она уверяла меня, что напрасно боятся близости с Джеками и Мурзиками. Это предубеждение! Ее знакомые «употребляли» Джека и были довольны.

Ужасно! Как это можно? Ведь не блокада же! Хлеб выдают, что-то на что-то меняют. На летучем рынке все в ходу, даже детские веды... Трагедия ленинградской блокады заслонила горести москвичей. Но и в Москве умирали от истощения, от переохлаждения, от голода и отсутствия лекарства. И в Москве не брезговали в крайнем случае «употребить» Джека или Мурзика... А что делается, когда горожане приезжают в деревню менять мануфактуру на картошку? Одна мерзавка заявила: «Я только на бостон меняю или на граммофон»...

В городских столовых и буфетах не хватало посуды — не было ложек, вилок, посуды. Исчезли спички — выдавали по три коробка на месяц. Зато в каждом районе столицы открыли столовые для руководящих партийных и советских работников, где кормили совсем по другим нормам. На крупных предприятиях появились спецбуфеты для начальства, которые сразу окрестили «ресторанами для комиссаров».

Щербаков распекал подчиненных:

— На заводе имени Буденного не хватает посуды. За стаканами, чайными и столовыми ложками выстраиваются очереди. Обеды невкусные, к тому же они стоят дороже, чем в других столовых. Наиболее ходовые блюда — котлеты, гуляш — изготавливаются в недостаточном количестве. Ночью рабочие не получают горячей пищи. Такое же положение в столовой завода «Красный богатырь», завода № 6, на фабриках № 1 и № 2 в Орехове-Зуеве и на ряде других предприятий... Рабочие сейчас работают много, не жалеют ни сил, ни времени. Понятно, что им надо создать все условия спокойно и хорошо пообедать в столовой, выпить стакан чаю в буфете, надо обеспечить, чтобы был разнообразный ассортимент блюд, использованы овощи...

Позволю себе небольшое отступление. Призыв московского хозяина обеспечить рабочему человеку воз-

возможность выпить стакан чаю в буфете напомнил мне слова председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, сказанные почти четыре десятилетия спустя. На склоне лет глава правительства с воодушевлением рассказывал об успехах потребительской кооперации в годы нэпа:

— Вы представляете, как были обустроены сибирские тракты? На постоянных дворах чисто и уютно. В придорожных трактирах хорошо, сытно кормили. Человек должен иметь возможность каждый день попить пивка, чайку в недорогом кафе...

Похоже, к концу жизни глава советского правительства пришел к неутешительному выводу, что все им сделанное пошло прахом — раньше было лучше. Стакан чаю для рабочего человека так и остался неисполненной мечтой советских руководителей...

Некоторые продукты в сорок первом году оставались и в свободной торговле, но по удвоенным ценам. Вот свидетельство очевидца: «Мороженое еще продают везде. Изящные московские кафе превратились в трактиры: исчезли скатерти, появились оловянные ложки, подавальщицы стали грубее».

«В «Гастрономе», который ломился от товаров и людей, совершенно пусто, — отмечал один из москвичей. — Только несколько коробок крабов (консервы) по 7 рублей 60 копеек. Коробочки хватит, чтобы закусить одну рюмку водки. Крабы по карточкам. Спор с женой: по каким карточкам будут отпускать крабов — по мясным или рыбным? Вопрос сложный, ибо краб — ни рыба, ни мясо».

Сразу запретили только свободную продажу водки — перевели на талоны. Это сделали потому, что в первые дни мобилизации начались пьянки, призывников провожали в армию с обильной выпивкой.

Накануне войны население Москвы составляло четыре миллиона двести тысяч человек. Мобилизация (в

армию из Москвы ушли восемьсот пятьдесят тысяч человек) и эвакуация (как женщин и детей, так и рабочих промышленных предприятий) уменьшили население города на четверть. В октябре сорок первого, по данным карточного бюро, в Москве оставалось три миллиона сто сорок тысяч человек.

По Подмоскovie в направлении города катились волны беженцев из западных областей. Комендант Москвы получил приказ на дистанции в пятьдесят—сорок километров от города остановить беженцев и пустить их вокруг столицы обходными путями. Эвакуированных из Москвы назад не пускали. Если кто-то проникал в город, ему не выдавали продовольственных карточек. Но все равно еды в городе не хватало. 31 октября продажа по коммерческим ценам прекратилась.

Промышленные товары — ткани, швейные изделия, чулки и носки, обувь, мыло — тоже распределялись в зависимости от категории работников. К первой относились рабочие, инженеры и служащие оборонных отраслей, ко второй — остальные граждане.

Жили бедно даже в столице, плохо одевались. В войну это стало заметно.

5 сентября появилось постановление ЦК партии «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной армии». 7 сентября во исполнение этого решения секретариат МГК создал городскую комиссию. Но сбор теплых вещей шел плохо.

Второй секретарь МК Борис Николаевич Черноусов и председатель Мособлисполкома Павел Сергеевич Тарасов напомнили своим подчиненным: «Наряду со сбором денежных взносов и ценных предметов в фонд обороны страны обратить особое внимание на сбор теплой одежды, обуви и организацию подарков для Красной армии. МК ВКП(б) и исполком Мособлсовета рекомендуют также в колхозах и совхозах об-

ласти организовать сбор в фонд обороны страны (после выполнения госпоставок) овчин, шерсти, валенок, теплых носков, перчаток, портянок и принять все меры к расширению производства этих предметов для Красной армии».

17 сентября в протоколе заседания городской комиссии записали:

«В Таганском и Ленинском районах комиссии ограничивают свою работу только проведением организационных мероприятий и не приступили к приему теплых вещей от населения...

Запретить районным комиссиям принимать деньги вместо теплой одежды и белья. Обязать председателей районных комиссий в двухдневный срок взять на учет теплые вещи и белье, имеющиеся на складах предприятий и учреждений и могущих быть использованными для отправки в Красную армию».

Первый секретарь Сталинского райкома партии Александр Никитич Исаченко, инженер-энергетик по образованию, за два года до войны поставленный во главе района, на собрании актива 29 сентября признавался:

— У нас очень плохо обстоит дело со сбором теплых вещей. Мы не сумели довести до людей важность этого мероприятия. Вот на одном из совещаний секретарей партийных организаций и директоров предприятий прямо сказали, что актив не стоит во главе этого дела. К одному из секретарей обратились и прямо сказали: ты зимой ходишь в бурках, они у тебя хорошие, ты вот своим личным примером покажи — сдай эти бурки!

Секретариат горкома решением от 2 октября 1941 года «за незаконное распределение валенок среди аппарата Таганского РК ВКП(б)» первому секретарю райкома Николаю Васильевичу Володину объявил выговор. Районный прокурор сообщил о расхищении подарков и теплых вещей, собранных населением для Красной

армии. Володин окончил Всесоюзную промышленную академию имени Кагановича и работал директором завода «Подъемник». Секретарем райкома его сделали в январе сорок первого.

4 октября 1941 года секретарю горкома Владимиру Константиновичу Павлюкову принесли телеграмму, подписанную управляющим делами ЦК партии Дмитрием Васильевичем Крупиним:

«Указанию Секретариата ЦК ВКП(б) представление пятидневной телеграфной отчетности ЦК ВКП(б) ходе выполнения государственных планов изготовлению теплых вещей Красной армии продолжено на четвертый квартал тчк.

Сводках следует указывать общий нарастающий итог изготовления теплых вещей каждому предмету включая соответствующие данные союзной республиканской местной промышленности промкооперации других тчк. Первую сводку телеграфируйте не позже седьмого октября зпт следующие двенадцатого семнадцатого так далее».

Владимир Павлюков отвечал в горкоме за снабжение города. По его указанию завод «Красный пролетарий» разработал полевые пекарни-землянки, в каждой были заложены мешки с мукой, дрова и спички — на случай, если бы немецкая авиация разрушила московский хлебозавод.

«Идет кампания «зимней помощи», — пометил 6 октября в дневнике писатель Аркадий Первенцев. — Хотя она у нас не так называется».

«Зимняя помощь» — это организованная нацистской партией (сразу после прихода к власти) кампания сбора одежды и продовольствия для безработных немцев, а таких тогда в Германии были миллионы, их семьи жили в нищете...

«Сдача теплого для армии идет под знаком, конечно, принудительным, — записал Аркадий Первенцев. —

Почему? Теплых вещей нужно много, но их страна не имеет. Уже почти двадцать лет шерсть почти не выпускалась на внутренние рынки. Люди ходили в крайнем случае в бумазее, шелках, хлопчатке. Для армии нужны меха, шерстяные носки, меховые шапки-ушанки, теплые безрукавки, валенки, полушубки. Но этого нет. Сдают всякую рванину, но и той мало. Покупают байковые одеяла, шьют из них безрукавки, штаны и т. п.»

Личное. Посылка в лагерь

Почте запретили принимать посылки. Исключение делалось для тех, кто отправлял на фронт теплые вещи и продукты. Это решение стало губительным для многих людей, которым родственники больше не могли помочь. Среди них был мой двоюродный дядя, Николай Иванович Снитко, белорусский крестьянин.

Он рано присоединился к большевикам и стал героем Гражданской войны в Сибири. В тридцатых годах он работал на Украине — пока его не арестовали в годы Большого террора. По словам тех, кто его помнил, это был мягкий, добрый и обаятельный человек. Ему дали восемь лет — значит, чекисты совсем ничего не смогли ему предъявить.

В лагере он заболел. Жена посылала ему кое-какую еду. Вес посылки, предназначенной для заключенного, был жестко ограничен. Она клала больше. Понимая, кому это предназначено, девушки на почте ставили посылку на весы и отворачивались. Эта трогательная деталь о многом говорит. Идеологическое пространство, в котором десятилетиями разоблачали мифических врагов народа, не способно было развратить и погубить добрые души... Началась война, и отправку посылок запретили. Николай Иванович Снитко быстро погиб.

Его жена, моя тетя, в день ареста потеряла ребенка, которого носила. Храня память о Николае Ивановиче, замуж больше не вышла. Осталась одна — и без мужа, и без детей. Всю жизнь работала школьной учительницей, преподавала русский язык и литературу и даже — редкий для ее профессии случай — была награждена орденом. Прирожденный воспитатель и преподаватель, она пользовалась любовью своих многочисленных учеников. Но неудачно вышла на пенсию и, проработав в школе сорок лет, получала какие-то копейки.

ПРИВЫКНУТЬ К ЗВУКАМ СИРЕНЫ НЕВОЗМОЖНО

Тяжким испытанием для москвичей стали немецкие бомбежки. Только первый месяц войны столицу не бомбили. Все силы люфтваффе были брошены на поддержку наступающих сухопутных войск вермахта. Это позволило командованию Красной армии стянуть со всей страны к Москве максимальное количество средств противовоздушной обороны.

Сталин спросил зенитчиков, что им нужно. Они составили длинейший список: истребители, прожекторы, зенитные орудия, аэростаты... Сами они потом признавались, что им страшно было просить это у Государственного Комитета Обороны, понимая ограниченные возможности промышленности и отчаянное положение на фронтах. Но Сталин легко утвердил заявку. Речь шла о его собственной жизни, а это было поважнее очевидного соображения, что боевая техника в первую очередь нужна фронту.

9 июля 1941 года приняли постановление «О противовоздушной обороне Москвы». На вооружении 1-го корпуса ПВО, которым командовал генерал-майор

артиллерии Даниил Арсентьевич Журавлев, находилось 1044 зенитных орудия среднего и малого калибра, 336 зенитных пулеметных установок, 303 аэростата заграждения, 618 прожекторных станций и 585 постов ВНОС.

В сформированном накануне войны 6-м истребительном авиационном корпусе ПВО (одиннадцать, затем тридцать полков) было примерно 400 самолетов, командовал корпусом полковник Иван Дмитриевич Климов.

Для сравнения — небо Лондона (а ожесточенные бомбежки британской столицы продолжались несколько лет) защищали всего 452 орудия. И огонь британских зенитчиков был малоэффективным, пока не начали действовать радиолокаторы. В сентябре сорокового на один сбитый самолет уходило тридцать тысяч снарядов, в октябре — одиннадцать тысяч, а в январе сорок первого — всего четыре тысячи.

Московская система противовоздушной обороны радиолокаторами не располагала. Поддержавшего работы по созданию радиолокационной техники маршала Тухачевского Сталин расстрелял. После Тухачевского денег на радиолокацию не давали, и войну встретили без локаторов... Поэтому вокруг столицы сконцентрировали все силы зенитной артиллерии и авиации.

Командный пункт 1-го корпуса ПВО устроили в бункере — на глубине пятидесяти метров — под многоэтажным домом на улице Кирова, дом 33. Здесь разместились командование московской зоной противовоздушной обороны, главный пост воздушного наблюдения, оповещения и связи, узел связи, который позволял связаться со всеми частями, правительственными и городскими организациями. Рядом — комната оперативной группы начальника зенитной артиллерии и комната командующего 6-м истреби-

тельным авиационным корпусом с пультами управления. Все комнаты были оборудованы самыми современными на тот момент средствами электросвязи.

К бомбежкам в городе готовились загодя.

«Поступил приказ затемнить окна, — вспоминали москвичи. — Чтобы ни один лучик света не пробивался наружу. В один-два дня все окна крест-накрест были заклеены светлыми полосками. Москва стала напоминать великана, израненного и заклеенного пластырем. Витрины магазинов оделись в деревянные щиты, и снаружи их заложили мешками с песком...»

За сохранностью стекол и светомаскировкой тщательно следили.

Поздно вечером 24 июня служба наблюдения и оповещения приняла собственные самолеты, сбившиеся с курса, за бомбардировщики врага. Зенитная артиллерия открыла огонь. Из Генштаба позвонили генерал-майору Михаилу Степановичу Громадину, которого в мае назначили начальником Московской зоны противовоздушной обороны:

— Нечего лупить по своим бомбардировщикам, которые возвращаются через Москву с боевого задания.

Причем зенитчики приняли разрывы собственных снарядов за куполы парашютов, то есть им показалось, что немцы еще и десант выбросили...

Такое случалось не раз. При стрельбе зенитными снарядами старого образца в воздухе образовывались белые облачка, которые в горячке боя принимали за раскрывшиеся парашюты. Немецких парашютистов боялись смертельно, хотя боевое десантирование командованием вермахта практически не использовалось. Сообщения о немецких парашютистах были порождением слепого страха.

Во время первого авианалета поступил приказ объявить воздушную тревогу. И в этот момент у работника штаба МПВО от волнения пропал голос. Вместо

него тревогу объявил дежурный техник. На следующий день председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при Совнаркоме Дмитрий Алексеевич Поликарпов откомандировал в штаб противовоздушной обороны двух профессиональных дикторов. Начальник штаба МПВО по телефону отдавал приказ, и по общегородской трансляции объявлялось:

— Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!

Потом включали сирену. После окончания налета сообщали:

— Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!

Первый массированный налет на столицу произошел через месяц после начала войны, 21 июля. Он начался в десять вечера и продолжался пять часов. Налета ожидали. Солдат-зенитчиков покормили заранее.

Небо было очень чистым. Немецкие летчики ориентировались по железным дорогам и асфальтовым шоссе, которые отражали свет. В налете участвовало двести пятьдесят немецких бомбардировщиков. Москвичи впервые ощутили леденящее дыхание войны.

Генерал Михаил Громадин доложил Сталину:

— Десять немецких самолетов сбили истребители на подлете к городу, еще десять подбили огнем зенитной артиллерии и пулеметов.

Сталин остался доволен:

— Двадцать уничтоженных самолетов — это десять процентов от числа участвовавших в налете. Для ночного времени нормально. Надо еще иметь в виду, что значительная часть немецких бомбардировщиков получила серьезные повреждения. Мне сейчас звонил маршал Тимошенко. Сказал, что наблюдал за самолетами противника, идущими от Москвы. Некоторые из них горят и падают за линией фронта.

Опубликовали сообщение ТАСС: «В 22 часа 10 минут 21 июля немецкие самолеты в количестве более двухсот сделали попытку массированного налета на Москву. Налет надо считать провалившимся... Через заградительные отряды прорвались к Москве лишь отдельные самолеты противника. В городе возникло несколько пожаров жилых зданий... Ни один из военных объектов не пострадал...»

На следующий день Сталин подписал приказ № 0241 — первый с начала войны приказ наркома обороны с выражением благодарности:

«За проявленное мужество и умение в отражении налета вражеской авиации объявляю благодарность:

1. Ночным летчикам-истребителям Московской зоны ПВО.

2. Артиллеристам-зенитчикам, прожектористам, аэростатикам и всему личному составу службы воздушного наблюдения (ВНОС).

3. Личному составу пожарных команд и милиции г. Москвы...

Генерал-майору Громадину представить к правительственной награде наиболее отличившихся».

В ноябре Громадин возглавит ПВО страны.

Генерал-майор Даниил Журавлев информировал вождя о потерях:

— В Москве возникло несколько очагов пожара, и довольно сильных. Сгорели деревянные бараки на одной из окраин, железнодорожный эшелон с горючим, стоявший на запасных путях около Белорусского вокзала. Вражескими бомбами было разрушено несколько домов...

Начальник столичного управления НКВД Журавлев (однофамилец генерала из ПВО) сообщил наркому внутренних дел Берии реальные цифры: по предварительным данным, в ходе налета немецкой авиации на столицу пострадало семьсот девяносто два человека

(убиты — сто тридцать), разрушено тридцать семь зданий, возникло больше тысячи пожаров... На площади Белорусского вокзала фугасной бомбой большой мощности была повреждена магистральная водопроводная труба. Вода затопила вестибюль станции метро «Белорусская», проникла в машинный зал эскалаторов, прорвалась в торец станции, но ее откачали. Бомба пробила туннель на перегоне между станциями «Смоленская» и «Арбатская», одновременно разрушилась магистраль городского водопровода, и вода хлынула в метро. Людей успели вывести.

«Это один налет, — вспоминал командующий авиацией Московского военного округа полковник Николай Александрович Сбытов, — а всего их было сто двадцать два. Простое перемножение этих цифр легко покажет, что Москва стала могилой тысяч и тысяч погибших мирных жителей».

Но следующей ночью последовал новый налет — сто восемьдесят немецких самолетов. Сбили четыре. Появление бомбардировщиков в небе столицы означало, что части вермахта неудержимо приближаются к Москве.

Выяснилось, что больше половины оборонявших столицу советских истребителей устарели, вооружены только пулеметами. Плохо работала радиосвязь. Мало кто из летчиков имел опыт ночных полетов. Мобилизовали опытных летчиков-испытателей, сформировали из них две отдельные эскадрильи ночных истребителей. В первом же бою Марк Лазаревич Галлай (будущий Герой Советского Союза и наставник отряда космонавтов) сбил немецкий бомбардировщик.

«В одну из ночей самолеты прорвались, — вспоминала москвичка. — Это было настолько ужасно, что я даже почти ничего не помню. И ужасны не сами разрывы бомб, а сознание того, что «они прорвались»... У людей появилось какое-то новое выражение лиц.

Какая-то жестокость и в то же время отчаяние во взгляде.

С этой ночи началось. Каждый вечер, приблизительно часов в семь, поднимались в небо аэростаты, напоминающие покачивающихся заснувших рыб. В районе десяти часов, когда серость окутывала землю, раздавалась воздушная тревога.

По улицам бежали люди, спешащие укрыться в убежища. По небу метались лучи прожекторов, выискивая врага. Воздух заполнял лопающийся звук зениток, страшные разрывы падающих бомб и душераздирающий вой пожарных машин...»

Спасения от налетов искали в метро, где ночью укрывалось двести—триста тысяч москвичей. Еще в июне мобилизовали молодежь на подготовку бомбоубежищ.

«Две или три ночи подряд, — вспоминал экономист Леонид Исидорович Лопатников, в ту пору вчерашний школьник, — чистили мы туннели метро. Это была нелегкая работа: грязь там не выскребали, наверное, со времен строительства. Мы приводили туннели в порядок, потом к нам подвозили деревянные щиты, которые мы укладывали по обе стороны рельсов. Во время воздушных тревог на них лежали тысячи людей, спасаясь от бомбежек.

Ночью ходить по городу без пропуска было невозможно. Поэтому, окончив работу около площади Революции, мы должны были ждать утра в вестибюле. Чтобы сэкономить время, я вместе с одной симпатичной девушкой однажды прошел весь путь до площади Маяковского по туннелю».

Не ожидая сигнала воздушной тревоги, люди заранее с вещами собирались у вестибюлей. Постоянные бомбежки изматывали.

Самыми опасными точками считались вентиляционные киоски. Там выставлялись посты, чтобы пред-

упредить пожары вблизи воздухозаборников. В туннелях находились железнодорожные электростанции — на случай, если электроэнергия перестанет поступать из города. Но они не понадобились.

5 сентября 1941 года сотрудники ЦК комсомола отправили секретарям ЦК партии Андрееву и Щербакову записку:

«Женщины с грудными детьми и больными (коклюш, грипп, корь и др.) размещаются в вагонах поездов. Женщины с детьми до двухлетнего возраста, как правило, размещаются на станционных платформах прямо на мраморном холодном полу. Остальные женщины с детьми размещаются в туннелях...

В туннелях сыро, температура 10—12 градусов. Дезинфекция нар и скамеек не производится, в результате на станциях «Парк культуры и отдыха», «Красные ворота» появились вши, клопы, тараканы. Вентиляция на станциях «Смоленская», «Арбат», «Коминтерн» неудовлетворительная, воздух тяжелый и спертый... Уборных на станциях и туннелях недостаточно. Многие уборные находятся в антисанитарном состоянии. Нет питьевой кипяченой воды. В медицинских пунктах нет акушеров, хотя ежедневно в метро имеют место 8—10 случаев родов...»

В метро навели порядок, условия стали лучше. В срок первом году во время воздушных налетов на станциях столичного метро родилось двести семнадцать детей. Множество москвичей пытались там укрыться во время бомбежек, но далеко не всех пускали.

«Воздушных налетов ожидали обычно к ночи, поэтому движение поездов метрополитена прекращалось с 8 часов вечера до 5 часов 30 минут утра. В половине девятого вечера двери метро открывались для детей и женщин с детьми. С собой можно было проносить одеяло, постельные принадлежности, детское питье. Для детей до двух лет в вагонах поездов ставились кровати.

Работали буфеты, на каждой станции была вода. Остальных в метро пускали лишь после сигнала воздушной тревоги, если оставались свободные места...»

«В Москве по ночам тяжело, — писал дочери в августе Корней Чуковский. — Немцы появляются с наступлением темноты и бросают бомбы до рассвета. Уже попали бомбы в гостиницу «Москва» (во двор), в американское посольство, во многие близлежащие здания... К счастью, каждый дом охраняется бригадами смелых самоотверженных людей... Во всем этом для меня самое тягостное — не спать. Во мне нет никакого страха, смерть меня не страшит, но сердце устало от бессониц».

Молодой тогда актер Ростислав Янович Плятт работал на радио и вечерами читал антифашистскую публицистику. Он бежал в Дом звукозаписи на улицу Качалова, когда в городе уже объявляли воздушную тревогу.

«Когда пришло время вспоминать, все происходившее тогда представилось мне в каком-то нереальном свете: по пустым улицам большого города, в темноте, озаряемой вспышками зенитного огня, бежит длинный человек, шарящий перед собой палкой, чтобы не споткнуться... Однажды мне показалось, что объектом стрельбы являюсь я — в нескольких метрах впереди меня из двора рядом с Домом звукозаписи грохнула в небо невидимая мне огневая точка, и на секунду я ослеп и оглох, ощутив себя уже в мире ином.

Не могу забыть еще один грохот, уже фашистской фугаски, той, что выкосила часть Старой площади. Я в это время находился в доме по улице Немировича-Данченко, но удар был такой силы, что казался совсем рядом. Я выбежал на улицу, думая, что мой дом уже разваливается».

Будущий академик и вице-президент ВАСХНИЛ Ираклий Иванович Синягин работал во Всесоюзном

научно-исследовательском институте свекловичного полеводства. Ночами дежурил на крыше.

«Я увидел, что на чердаке светится синим зажига-
тельная бомба, — вспоминал Синягин. — Мы знали,
как надо тушить зажигалки. Было известно, что нем-
цы применяют несколько типов этих бомб.

Были термитные бомбы, которые горели ровным
накалом очень высокой температуры. Такие бомбы
моментально зажигали деревянные потолочные пере-
крытия, и тушить их нужно было только песком.

Были натриевые бомбы. Они взрывались при об-
ливании водой или при опускании в воду.

Были, наконец, бомбы с небольшим зарядом взрыв-
чатки. Они взрывались при попытке взять их в руки и
поражали людей, которые боролись с пожаром.

Все это я знал, но раздумывать было некогда. Каж-
дая секунда угрожала распространением пожара. Я
схватил зажигалку руками в перчатках и сунул ее в бак
с водой. Вода бурно вскипела, на руки мне попал ки-
пяток. Но бомба утихла...».

Ольга Грудцова, дочь знаменитого Напельбаума —
был такой волшебник фотографии на Кузнецком, вспо-
минала (см. «Совершенно секретно», 11/2003):

«Считается, что по теории вероятности дважды в
одно и то же место бомба не может попасть. Через
несколько дней в разрушенную аптеку на углу Мерз-
ляковского переуллка снова попадает бомба... Дома
стали похожи на людей с распоротыми животами...
видны кровати, диваны, картины на стенах... В метро
пускают спасаться только стариков и женщин с деть-
ми, а у меня одна мечта — попасть туда. Муж достает
разовый пропуск на станцию «Охотный ряд». Я счаст-
лива...

А мой начальник, Илья Захарович Трауберг, всеми
силами рвется на фронт. Другие хлопчут о броне, а
он — только о том, чтобы на войну. Спекулянты скупа-

ют картины, рояли, красное дерево — за килограмм хлеба. Я ему об этом рассказываю, а он одно твердит:

— Вы не туда смотрите. Не в ту сторону.

Паника подхлестывалась слухами, которые возрастали от полного отсутствия информации. Радиоприемники все были сданы в первые же дни войны, из радиотарелок утром и вечером голосом Левитана общалась сводка...»

Ламповые приемники регистрировались и сдавались в отделения связи, выделили полторы сотни складов, на которых спрятали до лучших времен двести десять тысяч приемников.

«Осенью сорок первого московские школы прекратили работу, и мне делать было нечего, — вспоминал будущий известный экономист Станислав Михайлович Меньшиков. — В конце сентября — начале октября участились бомбежки. Зенитная оборона столицы была неплохой, немецкие самолеты редко прорывались к центру города, но сирены воздушной тревоги звучали каждый час, а то и чаще. Я почти каждый день ходил в небольшой театр кинохроники на Тверском бульваре, но из-за постоянных тревог редко удавалось досмотреть хронику до конца.

Тревоги настолько приелись, что мы практически не ходили в бомбоубежище. Ночью можно было спрятаться под землей на станции метро «Площадь Маяковского». Но раз столкнувшись с тамошней неразберихой, решили туда больше не ходить... В один из дней я увидел, как прожекторы взяли в клещи бомбардировщик и вели его по небу. Зенитки по нему лупили беспрестанно, но «Юнкерс» продолжал гнусно и монотонно гудеть. Было это почти над самой моей головой, но страха я не испытывал и продолжал глазеть. Вдруг раздался вой падающего фугаса, длившийся несколько секунд, раздался мощный взрыв, и от взрывной волны заложило уши.

Наутро я узнал, что эта ночная бомба стерла в порошок небольшой дом на Садовом кольце в километре от нас, где помещалась керосиновая лавка. Все дома вокруг остались целы, а на месте бывшей керосиновой лавки (напротив нынешнего Театра кукол) до сих пор зияет квадратный пустырь...»

В отчете управления НКВД по Москве от 24 ноября 1941 года говорилось:

«За пять месяцев войны на г. Москву было совершенно 90 налетов. В результате бомбардировки пострадали 6380 человек, из них: убито — 1327, тяжело ранено — 1931, легко ранено — 3122. От сброшенных зажигательных и фугасных бомб в городе возникло 1539 пожаров, в том числе наиболее крупных — 671. В результате бомбардировки уничтожено 402 жилых дома...

На промышленных объектах возникло 130 пожаров, из них в 40 случаях заводским и фабричным цехам и сооружениям были причинены значительные повреждения. Бомбардировкой разрушено 22 промышленных объекта, из них 3 завода, 12 фабрик и 7 предприятий городского и железнодорожного транспорта...»

Самые крупные пожары вспыхнули на товарной станции Белорусского вокзала, ликеро-водочном заводе на Самокатной улице, на колхозном рынке на Тишинской площади...

«Всего в Москве от зажигательных бомб возник 1141 пожар, — докладывал старший майор госбезопасности Журавлев, — из них на оборонно-промышленных объектах — 24, на объектах военного ведомства — 18, на особо важных — 14...»

Комендант Московского Кремля генерал-майор Николай Кириллович Спиридонов доложил Берии, что одна бомба весом в двести пятьдесят килограммов пробила перекрытие Большого Кремлевского дворца и упала в Георгиевском зале. К счастью, не взорвалась, а развалилась. Неразорвавшаяся термитная бом-

ба была найдена на чердаке Кремлевского дворца. Еще одна неразорвавшаяся фугасная бомба упала в Тайницком саду, в тридцати метрах от Большого Кремлевского дворца. Несколько зажигательных бомб упали в районе Тепловой башни, Комендантской башни и Боровицких ворот. Все они были потушены и особого вреда не причинили.

Николай Спиридонов, начинавший трудовую жизнь мальчиком в магазине ссудно-сберегательного товарищества, служил в пограничных войсках, после окончания Академии имени М.В. Фрунзе в 1938 году из майоров был произведен сразу в комбриги и получил назначение начальником 3-го спецотдела (шифровальная техника) НКВД, а потом столь же неожиданно стал комендантом Кремля.

Заведующая московской поликлиникой № 5 врач Елена Ивановна Сахарова:

«Налеты немца с каждым днем ожесточеннее и длительнее. Вчера был разрушен Большой театр. Бомба упала на улице Горького около телеграфа, в очереди у диетического магазина было много пострадавших и убитых, и все это до воздушной тревоги... Москва имеет необычный вид и настроение: на мостах баррикады, в переулках тоже — Москва готовится к великому бою. Люди ходят с вещами, с заплечными мешками, как будто куда-то уезжают или переезжают...

Привыкнуть к звукам сирены невозможно. Психика людей как-то странно меняется. Самые близкие общаются о смерти своих родственников равнодушно, констатируя факт, а реакция настоящая приходит потом... Ночи темные, если бы не электрические фонари, которые мы добыли всеми правдами и неправдами, не раз поломали бы себе руки и ноги... Ни на минуту не сомневаюсь, что победа будет наша, но что будет здесь, в Москве? Люди, приезжающие с фронта, говорят, что здесь находиться страшнее, чем на фрон-

те, так как здесь все неожиданно, и не знаешь, где будет сброшена бомба...»

Бомбили не только город, но и область.

— У нас один колхоз имеет четыре переходящих Красных знамени, — рассказывал в обкоме секретарь одного из подмосковных райкомов партии. — Лично мною были проведены и митинг, и собрания колхозников, ибо создалась большая угроза в этом колхозе. После налетов ряд колхозников забирались в леса. В частности, в июле, после серьезного налета на район, ряд колхозников разъехались в так называемые Корововские леса. Мы собрались туда поехать, чтобы людей вернуть обратно, но оказалось, что был налет, фашистские самолеты сбрасывали на эти леса порядочное количество зажигательных бомб, и колхозники, удравшие туда, увидели, что дело невыгодно, снова вернулись в свой колхоз.

В зале, как свидетельствует стенограмма заседания, смеялись.

Но, вообще говоря, бомбежки — не повод для веселья. Никто не был застрахован от вражеских бомб.

28 октября бомбы попали в Кремль и в здание Центрального комитета партии на Старой площади. Взрывной волной было разрушено здание обкома и горкома партии. В кабинете Щербакова проходило совещание в узком кругу. Командующий Московской зоной обороны генерал-лейтенант Павел Артемьевич Артемьев докладывал план обороны Москвы.

Константин Телегин, член военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны, вспоминал:

«И надо же было случиться: в тот момент, когда Артемьев твердо и уверенно заявил, что Москва с воздуха прикрыта надежно, раздался огромной силы взрыв. Все здание задрожало, и казалось, вот-вот рухнет. Град осколков стекла и кусков штукатурки обрушился на

присутствующих, погас свет, листы доклада и записей разметало. Щербакова контузило. Без посторонней помощи он не мог подняться.

С помощью прибывших пожарных была открыта дверь запасного хода, и по горевшей лестнице мы выбрались во двор. В нижнем этаже бушевал пожар. Пожарные в кислородных масках отстаивали каждую комнату, выносили во двор раненых и убитых. Как потом выяснилось, главный пост ПВО получил предупреждение о подходе на большой высоте одиночного самолета противника и принял решение тревоги не объявлять, зенитного огня не открывать, а поручить истребителям расправиться с этим наглецом. Но этот самолет был, видимо, не разведчик».

Георгий Попов тоже присутствовал на этом совещании:

«Раздался оглушительный взрыв и треск. Впечатление было такое, что все рушится. Свет погас, легкая пыль окутывала нас. Я не сделал ни одного движения, так как не знал, что делается вокруг нас. Воцарилась тишина, вдали появился, как бы в тумане, огонек от спички. Это из приемной пробрался к нам работник охраны.

Наконец, пыль несколько осела, и мы увидели, что все живы. Нас спасло то, что мы находились около мощной прямоугольной колонны. На полу валялись мелкие осколки оконных стекол и куски штукатурки с потолка, двери были выбиты. Мы попытались, как обычно, пройти через зал заседаний бюро МК и МГК ВКП(б), но там было все завалено. Тогда мы спустились через запасную лестницу и вышли в проезд между зданиями МК и ЦК партии. Здание ЦК было охвачено пламенем. Пожар продолжался трое суток, несмотря на то что были приняты все меры по его тушению... В тот день погибли десять человек, пятеро в здании ЦК партии и пятеро в МК партии...

На станции метро «Маяковская» у нас был запасной кабинет. Я позвонил на кремлевскую АТС, попросил включить мой кремлевский номер и стал обзванивать райкомы партии, так как связи со зданием МК партии не было...

МК остался без здания, чтобы его восстановить, надо было затратить не менее года. В Москве было много свободных зданий. Я выбрал здание Наркомата авиационной промышленности, однако в нем не было бомбоубежища первой категории. Пробыв в помещении наркомата два дня, мы заняли здание президиума Верховного Совета и Совета народных комиссаров РСФСР на Садово-Каретной, где МК и находился до конца 1942 года. Здание ЦК на Старой площади, 6 стали отстраивать. Ко времени его восстановления вернулся аппарат ЦК из Куйбышева...»

Личное. Зажигалки на крыше

«Отец остался с Театром Революции в Москве, — рассказывает Ирина Млечина, — по ночам дежурил, не раз ему приходилось тушить зажигалки. Однажды он спас театр от большого пожара, который мог полностью уничтожить здание. Он обнаружил бомбу, спрятавшуюся где-то между стропилами. Как сын плотника он лучше многих разбирался в устройстве крыши, чердака, перекрытий и сообразил, как до нее добраться».

Владимир Млечин: «Ночью 21 июля 1941 года театр был буквально засыпан зажигательными бомбами (за ночь мы собрали два ящика термитных бомб). Мне удалось ликвидировать пожар в соседнем неохранявшемся помещении бывшего немецкого клуба, в прилежавших к театру деревянных сооружениях, затем погасить серьезный пожар, вспыхнувший в архитектурных башнях над крышей здания самого театра».

Газета «Советское искусство» 31 июля 1941 года в статье под названием «Мужество и хладнокровие» писала:

«В первую ночь воздушного налета фашистов на Москву отряд местной противовоздушной обороны одного театра спокойно и организованно встретил опасность. В соседнем доме, вплотную соединяющемся с театром со стороны сцены, показалось пламя. Немедленно были поданы два шланга, и начавшийся пожар, непосредственно угрожавший зданию театра, был ликвидирован в течение пятнадцати минут. Вскоре после этого были потушены зажигательные бомбы, упавшие на другой соседний дом, примыкающий к складским помещениям театра. Директор театра В. Млечин, лауреат Сталинской премии артист А. Ханов, заведующий постановочной частью П. Матвеев не растерялись и вовремя повели решительную борьбу с огнем».

Владимир Михайлович Млечин принял Театр Революции в начале сорок первого года, когда коллектив находился в очень трудном положении.

7 января 1941 года бюро горкома проводило совещание с работниками московских театров. Выступал хозяин города — Александр Щербаков:

— Мы уж не такие посторонние люди для советского театра. Мы, во-первых, зрители и как зрители предъявляем претензии к театральным работникам. И кроме того, мы призваны осуществлять руководство не только хозяйством, но и искусством. Со стороны иной раз бывает виднее, чем самим театральным работникам, которые в силу своего специфического положения иногда многого не видят, а также и предрассудками некоторыми заражены. Основное и коренное требование заключается в том, что театр есть прежде всего очень острое орудие в руках государства в деле воспитания трудящихся... Театр эту свою роль выпол-

няет неудовлетворительно. А мы обязаны поправить наши театры, и мы, конечно, поправим.

И тут Щербаков обрушился на Театр Революции:

— «Простые сердца» в Театре Революции — это пьеса была сделана, извините за грубое выражение, левой ногой... Если вам пьеса не нравится, так не берите, а если взяли — так потрудитесь поставить пьесу добросовестно.

Досталось и другим театрам:

— Надо разборчиво относиться и к выбору классических пьес. Сейчас подобрали классические пьесы — сплошь слезы и рыдания. В художественном театре идет «Анна Каренина», люди сидят, плачут. «Бесприданница» — то же самое. «Мадам Бовари» — то же самое, «Три сестры» — то же самое. Слушайте, разве мы можем согласиться с такой линией? Нытье сплошное. Какое же тут воспитание патриотизма, воли и прочего.

И Щербаков опять вернулся к Театру Революции:

— Что у вас на сорок первый год предполагается? «Мария Стюарт» уже в одном театре идет. «Весна в Москве» идет. «Пархоменко» или «Улица радости»? «Пархоменко» уже в двух театрах идет — в Малом и Красной армии. В резерве — «Дачники» Горького. Думаю, что трудно будет театру, если на этом репертуаре остановиться. Театр может зайти в тупик и творчески, и материально. Поэтому театру надо работать. В Театре Революции хорошие актеры, замечательные, он должен быть одним из ведущих театров, поэтому руководителям театра надо очень крепко подумать...

Недовольство, проявленное хозяином Москвы, привело к оргвыводам.

Актеры в театре были действительно знаменитые. Мария Ивановна Бабанова, которая в сорок первом получит Сталинскую премию и со временем станет народной артисткой СССР. Евгений Валерьянович

Самойлов, которого тоже ждали звание народного артиста и три Сталинские премии. Максим Максимович Штраух, высоко ценимый за исполнение образа Ленина во всех знаменитых фильмах того времени, будет удостоен и высокого звания, и трех Сталинских премий, и еще Ленинской.

В тот же день был решен вопрос о новом руководителе театра.

Директора Театра Революции утверждало бюро горкома партии. В московском партийном архиве мне любезно отыскали (и рассекретили) протокол № 92 заседания бюро МГК ВКП(б) от 7 января 1941 года:

«О директоре театра Революции

Утвердить директором театра Революции тов. Млечина В.М., члена ВКП(б) с 1920 года».

На бланке внизу графа «Результаты голосования». Подписи секретарей московского горкома. Все — за. К протоколу приложена характеристика, составленная заместителем заведующего отделом кадров МГК Иваном Кузьмичом Фроловым. Он опросил нескольких известных в столичном аппарате людей:

«Секретарь Мособлреперткома:

Знаю т. Млечина с 1929 года. Театры т. Млечин знает хорошо, он хороший критик в области театрального искусства. Как общественник и партийный работник хорошо выполнял все поручения. С директорством справится, хотя в Театре Революции обстановка тяжелая. Он сумеет ее разрядить и сплотить коллектив.

Начальник управления Мосгорисполкома по делам искусств:

отзывается о тов. Млечине положительно как о человеке, знающем хорошо жизнь театра, и считает, что с работой директора Театра Революции справится.

Редактор журнала «Театр»:

я знаю Млечина по работе в Реперткоме, и вот теперь он сотрудничает в журнале. Могу о нем сказать

только положительное. Театр Млечин знает, жизнь артистов он изучил, дает хорошие статьи о театральном репертуаре, вполне достоин выдвижения на руководящую работу.

Председатель ЦК Союза работников искусств (бывший директор театра имени Станиславского):

знаю Млечина в течение пятнадцати лет. Он работал в Реперткоме, показал себя на этой работе как знающий хорошо театральную жизнь, много нам тогда помогал. Я бы считал, что Млечина можно смело выдвигать на руководящую работу — директором театра и хорошо бы — на Театр Революции. Мне думается, он там порядок наведет.

Кроме этого работники отдела пропаганды и агитации МГК ВКП(б) рекомендуют Млечина с положительной стороны и считают, что с работой директора Театра Революции справится».

Он действительно был известным в театральном мире человеком. Все тридцатые годы возглавлял столичный Репертком — комитет по контролю за репертуаром и зрелищами. Ни один спектакль, ни одна постановка, ни одно представление в Москве (включая эстрадные номера) не могли появиться без его санкции.

Из уст в уста передавалась история о том, как Сталин устроил прием в честь летчиков и невероятно популярный тогда Валерий Чкалов попросил Леонида Утесова исполнить блатную песенку «С одесского кичмана».

— Пусть споет, — великодушно позволил вождь.

В гримерную, где певец готовился к выступлению, вошел сотрудник охраны и передал просьбу включить в программу вечера песню «С одесского кичмана».

— Что вы, — испуганно ответил Леонид Осипович, — мне ее запретил петь товарищ Млечин!

— Кто? — переспросил сотрудник охраны.

— Товарищ Млечин, начальник Реперткома.

— Все равно будете петь, — твердо произнес чекист. — Товарищ Сталин разрешил...

Ирина Млечина: «Да, отец все тридцатые годы был начальником московского Реперткома. Но времена временами, а главное — все же человек. Я часто встречала, особенно на спектаклях до конца 60-х годов, пока отец еще посещал театры и писал рецензии в московской прессе, известных актеров, которые в антрактах подходили к отцу с дружескими рукопожатиями, обнимали, говорили добрые слова, вспоминали, как в самые опасные годы он пытался их защитить и поддержать, что в ту пору было весьма рискованно. Он ведь и сам мог быть в любую минуту схвачен, арестован, посажен, уничтожен. Я помню радостную улыбку Утесова, обнимавшего отца после какой-то премьеры, знаменитую балерину Лепешинскую, целовавшую его со слезами на глазах. Иногда мы заходили в актерские гримуборные, и там его встречали тоже очень дружески, радостными восклицаниями. Это не значит, что у него не было врагов — они, безусловно, были. Отец был слишком темпераментный, открытый и прямой человек, чтобы не иметь врагов».

Владимир Млечин:

«Что сейчас таить? Популярность дурманит. Мне нравился шепот околотелитературных и околотеатральных девиц: «Это он!» Вечером того дня, когда в «Известиях» появилась моя статья «Монолог со слезой» — о судьбе талантливой актрисы, которой не дают ролей (статья наделала много шума, породила поток сочувственных и даже восторженных писем), полный зал Клуба мастеров искусств поднялся и устроил мне овацию.

В течение первых семи лет (а это срок немалый) я работал совершенно самостоятельно. Говорили: «репертуарный бог». Так, видимо, меня воспринимали актеры. Конечно, тут гипербола: «сильнее кошки зверя нет». Но я действительно самолично и почти без

всякого вмешательства извне и сверху решал все вопросы репертуарной практики и художественной политики театров. Редкие попытки начальства разных рангов вмешиваться в эти, весьма деликатные вопросы кончались неизменным фиаско.

И не потому, что я уж такой непогрешимый, прощательнее других и дальновиднее. Нет, дело и проще, и сложнее. «Начальство» подходило к этим делам только эмпирически. Такому-то не понравился такой-то спектакль, другому — другой. Или наоборот: такой-то сановник хотел порадовать такому-то писателю, или режиссеру, или актрисе — случилось и такое. Для меня же частные соображения разного рода имели значение третьестепенное. А руководствовался я определенными принципами, от которых старался не отступать.

Для наглядности расскажу несколько эпизодов.

Второй секретарь Московского комитета партии Михайлов (Михаил Ефимович Каценелебоген — говорят, Сталин сам переименовал его в Михайлова) потребовал снять разрешенный мной спектакль Театра революции «После бала» и, разумеется, запретить пьесе Николая Погодина. Это не был каприз самодура. Михайлов был человек очень умный, начитанный, прекрасно знал сельское хозяйство. Вскоре он стал первым секретарем в Калининe и в 1937-м был арестован.

Михайлов весьма убедительно раскритиковал пьесу, в частности образ начальника политотдела и исполнение этой роли в театре. Несмотря на доброжелательный, мягкий тон, разговор был напряженный — речь-то шла об острейших проблемах политики тех, действительно крутых, времен.

Михайлову я говорил:

— Со времени постановки пьесы Владимира Киршона «Хлеб» в Художественном театре прошло лет пять, не помню сейчас. И за эти годы не было ни одной пьесы о людях села, достойной упоминания.

Если теперь прихлопнем «После бала», мы на долгие годы отобьем у драматургов вкус к темам важным и острым. Да, начальник политотдела изображен мимоходом и приблизительно. Но политотделы существуют всего ничего, да и пафос пьесы в другом.

— В чем же?

— В попытке нащупать и как-то выразить черты человека сегодняшней деревни. Где вы видели на сцене такую деревенскую девушку?

— Но это все — в исполнительском мастерстве Бабановой...

— Только до известной степени. Повод дал драматург. Говорят, если бы в Содоме и Гоморре было по одному праведнику, бог пощадил бы эти грешные города. Погодин — плохой драматург. Если в пьесе есть даже один такой образ, значит, есть в ней рациональное зерно.

В конце концов я сказал:

— Михаил Ефимович, вы — секретарь МК. Обсудите вопрос на бюро, в крайности, вынесите решение опросом. Но без официального решения...

— Хорошо, подумаем, — сказал Михайлов.

К этому вопросу он больше не возвращался.

В 1937 году разгорелась острая борьба вокруг оперетты «Свадьба в Малиновке». Мой старший товарищ Сергей Сергеевич Динамов, заведовавший сектором искусств ЦК, считал пьесу и спектакль профанацией темы Гражданской войны. Его поддержало прямое начальство.

Над разрешенным мной спектаклем, подготовленным к двадцатилетию Октября, нависла реальная угроза. И опять-таки Динамов не был целиком не прав. Спектакль давал серьезные поводы для критики. Все же по ряду общих и веских соображений я не мог согласиться с выводами Динамова. А теперь эта пьеса считается едва ли не «советской классикой» опереточного жанра.

В чем же тут было дело?

Сергей Сергеевич Динамов, талантливый шекспировед, человек хорошего вкуса, в прошлом — рабочий парень, тоже вскоре ставший жертвой репрессий, держался от буффонных выходов исполнителя главной роли Григория Ярона. Ему претила революционная фразеология, препарированная на опереточный лад.

А я говорил Динамову:

— Надо быть последовательными. Если за двадцать лет наши либреттисты и композиторы смогли создать только «вампуку» (так он называл спектакль), значит, жанр этот, данная область театрального творчества чужда социалистическому искусству. Давай тогда закроем театры оперетты. Я же полагаю, что спектакль — добросовестная попытка освоить новый материал. Музыка — мелодичная, выразительная, текст — сносный. Театр — вообще искусство грубоватое, а оперетта — тем паче. Это зрелище площадное, народное. Не надо допускать пошлостей, но буффонада — закономерный элемент этого рода искусства. Не каждый посетитель театра оперетты — Анатолий Франс или даже изощренный искусствовед Сергей Динамов. И надо ли к этому стремиться, чтобы все были франсами и динамовыми?.. И если человек вместо пивной проведет вечер в оперетте — пусть Григорий Ярон «вытрущивается» как может. «Свадьбу в Малиновке» я отстоял.

Но покушения на мою самостоятельность и независимость становились все более агрессивными. В МК секретарем по культуре стал человек от культуры очень далекий. А некомпетентные сотрудники Комитета по делам искусств действовали скопом, пытаясь прикрыть свою беспомощность и робость методами артельного руководства. На просмотрах стали появляться все более многочисленные комиссии, пьесы стали читаться десятками инстанций, а окончательное решение их судьбы старались сваливать на ЦК, порой лично на Сталина.

Меня жестоко «прорабатывали» в 1937 году, когда «Правда» писала примерно так: «Выступивший В. Млечин не смог внятно ответить писательской общественности, почему он поставил государственный аппарат на службу извергам советской культуры Афиногенову и Киршону». А «Правду» редактировал тогда мой близкий товарищ. «Литературная газета», которую редактировала моя добрая знакомая Войтинская, или, не помню уже, приятель Субоцкий, разделявала меня в целом подвале.

Меня «драили с песком» за связь с Киршоном и Афиногеновым. Из зала кричал Валентин Катаев: «Не увиливайте! Расскажите, как протаскивали пьесы Афиногенова!», а эстрадные «группкомщики», авторы пошлых куплетов и скабрёзных скетчей, вопили, как статисты по команде «Делай шум!», и прятались за чужие спины: халтурщики меня побаивались. Меня не посадили, чему все удивляются и поныне, но все же это был переломный и, безусловно, наиболее драматический период моей жизни...

В 1939 году я ушел, наконец, из Реперткома. Впервые я почувствовал сладостную атмосферу вольной жизни. Не надо на службу, не надо думать о чужих делах, чужих пьесах, смотреть плохие спектакли. Я мог делать что хотел, ездить куда хотел. Впервые побывал в Средней Азии, в Грузии, в Дагестане.

Но недолго музыка играла. Меня упорно сватали в театр — то в Александринку, то к вахтанговцам. В конце концов я пошел в Театр Революции в качестве полноправного и единоличного руководителя, сиречь без так называемого художественного руководителя, в чем и заключалось исключительность моего положения в театре».

Директор театра, как правило, должность в основном административно-хозяйственная. Репертуаром, постановками занимается художественный руководи-

тель или главный режиссер театра. В данном случае все было поручено одному человеку.

В мирных условиях ему довелось проработать всего несколько месяцев.

Когда немцы устремились к столице, директор Театра Революции пытался уйти в московское ополчение... Но это отдельный разговор.

«ТАЙФУН», КОТОРОГО НЕ ЖДАЛИ

Накануне того дня, когда Сталин собирался покинуть Москву, 15 октября 1941 года, он неожиданно поехал в Сокольники в Центральный военный госпиталь навестить раненого генерала Андрея Ивановича Еременко. Невиданное дело! Мало кому вождь оказывал такую честь.

Московское направление прикрывали три фронта — Брянский (командующий Андрей Еременко; 11 сентября, дабы поднять его боевой дух, Андрею Ивановичу присвоили звание генерал-полковника), Западный (командующий Иван Конев, его по тем же соображениям произвели в генерал-полковники) и Резервный (командующий маршал Буденный, его повышать было некуда).

Генерал Еременко сам напросился командовать Брянским фронтом, когда в августе его вызвали к Сталину.

В кремлевском кабинете находились члены Государственного Комитета Обороны. Сталин сказал генералу, что есть две задачи — нужно остановить противника на Брянском направлении и в Крыму. Для этого создаются Брянский фронт и отдельная армия на правах фронта в Крыму. Вождь любезно поинтересовался у Еременко:

— Куда бы вы желали поехать, товарищ Еременко, на Брянский фронт или в Крым?

— Пошлите меня туда, где противник будет применять танки, — предложил Еременко. — Я сам командовал механизированными войсками и знаю тактику их действий.

— Тогда на Брянский фронт. Там будут тяжелые бои, — предупредил Сталин. — Там действует танковая группа Гудериана, так что ваше желание исполнится.

Генерал-полковник Хайнц Гудериан считался создателем немецких танковых войск. На Восточном фронте он командовал танковой армией, наступал на Москву и за успехи был награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями.

Андрей Иванович Еременко твердо обещал вождю в ближайшие дни разгромить «подлеца Гудериана»:

— Да, враг силен. Очень силен и сильнее, чем мы ожидаем. Но бить его, конечно, можно. Это не так уж сложно. Надо лишь уметь это делать.

Уверенный в себе генерал страшно понравился Сталину. Вождь удовлетворенно сказал:

— Вот человек, который нам нужен в этих сложных условиях.

Но разбить Гудериана Еременко не удалось. 30 сентября Гудериан сам нанес удар по войскам Брянского фронта, который был разрезан на несколько частей.

Ранним утром 2 октября 1941 года главные силы немецкой группы армий «Центр» перешли в наступление. Началась битва за Москву.

Перед началом операции «Тайфун» части вермахта получили возможность хорошо отдохнуть. В журнале боевых действий немецкого 8-го армейского корпуса, наступавшего в районе Вязьмы, говорится: «2 октября в шесть часов утра 8-й корпус начал наступление. После длительного периода оборонительных боев войска испытывают очевидный подъем. После непродолжительной артиллерийской подготовки и короткого оже-

сточенного боя наши дивизии прорвали вражеские позиции...»

Операция «Тайфун» оказалась полной неожиданностью для Ставки.

Командование, Генеральный штаб, военная разведка плохо представляли себе масштаб немецкой операции. В тот день бюро столичного обкома и горкома партии приняло постановление «Об организации октябрьского социалистического соревнования рабочих, работниц, инженерно-технических работников, служащих и колхозников Москвы и Московской области».

Немецкая авиация нанесла удар по штабам Западного и Резервного фронтов. Затем немецкие танки устремились к Вязме, хотя в Генштабе Красной армии почему-то ожидали, что группа армий «Центр» будет наступать вдоль Минского шоссе. Немецкие войска нанесли удар севернее и южнее Вязмы и окружили войска двух фронтов. В районе Брянска главные силы противника наступали значительно южнее города, а командование Брянского фронта сосредоточило свои войска вокруг самого города.

Роковые просчеты...

«Не были выполнены даже первоочередные инженерные работы, — пишет президент Академии военных наук генерал армии Махмут Гареев. — В тридцатых годах идеологи выдвинули лозунг, что траншейная система обороны — пережиток Первой мировой войны. Революционному солдату траншеи не нужны. И он должен был располагаться в одиночном окопе, в отрыве от других бойцов, куда без траншей и ходов сообщения в открытом поле, под обстрелом невозможно было попасть, подать пищу, боеприпасы».

Немецкие танковые группы прорвали советскую оборону с неожиданной легкостью, хотя войска Западного, Резервного и Брянского фронтов месяц стояли в обороне и должны были подготовиться к немецкому

наступлению. В обороне войска действовали неудачно и неумело, растрачивая силы на постоянные попытки контрудара, невозможного в тех условиях. Но таков был приказ Ставки.

«Из этого видно, — отмечает генерал Махмут Гареев, — насколько пагубным может быть для войск обстоятельство, когда командиры, приученные действовать только по установкам сверху, боятся ответственности за самостоятельно принятые решения больше, чем противника».

Чему удивляться?

Уровень боевой подготовки перед войной упал. Ухудшилась дисциплина, командиры были растеряны, не могли навести порядок. Самым слабым местом оказалось моральное состояние армии. Репрессии и раскулачивание (а красноармейцы были в основном крестьянскими детьми) подорвали моральный дух Рабоче-крестьянской Красной армии. Видя, с каким подозрением власть относится к офицерам, и рядовые красноармейцы переставали подчиняться своим командирам: кто нами командует? А вдруг они тоже враги народа? Военные потеряли уверенность в себе. Никто не был застрахован от увольнения и ареста. Увеличилось число самоубийств, катастроф и аварий.

В 1940 году создали сорок с лишним новых военных училищ, вдвое увеличили количество слушателей академий — надо было пополнить комплект командиров. Но чистка Красной армии в первую очередь ударила по преподавательскому составу военных учебных заведений, по военной интеллигенции. Репрессировали примерно три тысячи военных преподавателей. Нечему стало готовить молодых командиров.

Сталин вовремя не позволил войскам отойти и тем самым окончательно их погубил. Когда наконец к исходу 6 октября пришел запоздалый приказ Ставки, две армии Западного фронта, две армии Резервного фрон-

та, соединения Брянского фронта, в общей сложности полмиллиона красноармейцев, уже попали в окружение западнее Вязьмы и погибли. Это была настоящая трагедия.

Вину, как обычно, Сталин возложил на других. 16 октября особисты арестовали командующего понесшей в непрерывных боях огромные потери 42-й армией (Резервный фронт) генерал-майора Петра Петровича Собенникова. Ему предъявили обвинение в измене родине и участие в контрреволюционной организации...

Нарушилась связь с войсками. В Москве не знали, что происходит на фронте. В эти октябрьские дни в обороне Москвы возникла огромная брешь в пятьсот километров, которую нечем было заполнить. В любой день немецкие войска могли нанести по столице прямой удар. На фронт бросили всех, кого могли найти, — курсантов училищ, милицию, последние резервы. Москву могли прикрыть три дивизии оперативных и внутренних войск НКВД со своей артиллерией и танками и два корпуса противовоздушной обороны.

Прибытие на фронт свежей танковой бригады Катукова, укомплектованной новенькими Т-34, воспринималось как манна небесная. Спустя годы маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катукوف рассказывал (см. «Красная звезда», 15 сентября 2000 года), что в начале октября его 4-я танковая бригада стояла в резерве. В один из октябрьских дней Катукوف прилегал отдыхать, вдруг посыльный: вызывают в штаб армии.

Дежурный офицер взволнованно сказал:

— Скорее к аппарату ВЧ. Через несколько минут будет звонить товарищ Сталин!

Командира бригады соединили с вождем. Тот приказал грузиться и по железной дороге прибыть на станцию Кубинка, чтобы прикрыть Москву со стороны Минского шоссе.

— Товарищ Сталин, грузить танки на платформы опасно, — возразил Катуков.

— Почему?

— Сейчас темно, машины могут свалиться. А освещать нельзя — вражеские самолеты висят в воздухе. Идти своим ходом и скорее, и надежнее.

Вождь согласился с комбригом.

Если Сталин в октябрьские дни сам звонил всего-навсего командиру бригады и лично отдавал ему приказ, это свидетельствовало о той степени отчаяния, в котором находился вождь. Бригада прошла триста шестьдесят километров, оседлала шоссе и железную дорогу Москва—Минск. В ноябре Катуков был произведен в генерал-майоры танковых войск и получил орден Ленина. Приказом наркома обороны № 337 от 11 ноября его часть переименовали в 1-ю гвардейскую танковую бригаду. Приказ был опубликован, и тогда страна узнала о создании гвардейских частей.

Сейчас нам легко обсуждать действия полководцев, корить их за ошибки и промахи. Но ведь советским полководцам эта наука не легко далась. Командные кадры Красной армии стратегии как науке никогда не учились. Да ее и не преподавали!

В 1935 году на военно-историческом факультете Военной академии имени М.В. Фрунзе запланировали курс лекций по теории стратегических операций. Заместитель начальника академии Ефим Афанасьевич Щаденко, будущий заместитель наркома обороны по кадрам, возмущенно сказал начальнику факультета:

— Это что еще за курс стратегии? Стратегией занимается лично товарищ Сталин, и это не наше дело.

Тогдашний начальник Генерального штаба маршал Александр Ильич Егоров, когда представители академии просили разрешить им читать теорию стратегии, раздраженно заметил:

— Ну чем вы будете заниматься по стратегии? Планом войны? Стратегическим развертыванием? Или ведением войны? Никто вам этого не позволял, потому что это дело Генштаба.

В 1937 году попытались в Академии Генерального штаба создать кафедру стратегии. Но арест почти всех крупных военных теоретиков не позволил даже сформировать преподавательский состав.

«Заниматься стратегией, тесно связанной с политикой, в Советской России становилось все опаснее, — пишет «Военно-исторический журнал» (№ 9/2011). — Сталин и его ближайшее окружение считали это своей прерогативой и с растущим раздражением относились к «стратегическим мыслителям», особенно вышедшим из русской армии».

В конце концов начальник Генштаба маршал Шапошников исключил из академической программы стратегию как учебную дисциплину. Это прискорбно сказалось на уровне подготовки командиров Красной армии...

Иностранными языками генералы не владели, зарубежной военной литературы не читали — она лежала за тремя замками в спецхране. А руководители государства и Красной армии внушали им, что советская армия лучше и сильнее немецкой.

Многолетние репрессии против офицерского корпуса выкосили наиболее образованных и подготовленных командиров. Расстрелянных и посаженных заменяли досрочными выпусками слушателей военных академий. Завершить образование им не давали. Их сразу назначали на высокие командные и штабные должности. Одни, одаренные от бога, наделав ошибок, набираясь опыта и знаний, соответствовали своим высоким званиям. Другие стали жертвами новых репрессий в армии. Третьи так и не смогли справиться с новыми должностями. Иногда такие назначения оканчивались катастрофой для целых фронтов...

6 октября немцы взяли Брянск. Начальник особого отдела 50-й армии, оказавшейся в окружении, майор госбезопасности Иван Савельевич Шабалин, профессиональный чекист, вел дневник, хотя в действующей армии это было запрещено. В армию его призвали в первых числах августа. До этого он служил в управлении НКВД Ленинградской области, а последние полгода был наркомом госбезопасности Бурят-Монгольской АССР.

Первые же впечатления не внушали оптимизма: «Армия не является такой, какой мы привыкли ее представлять. Громадные недостатки... Положение с личным составом очень тяжелое. Почти весь подобран из людей, родина которых занята немцами. Они хотят домой. Бездеятельность, отсиживание в окопах деморализует красноармейцев. Есть случаи пьянки командного и политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки. Говорил с командующим армией. Знает ли Москва действительное положение дел?»

Начальник особого отдела 50-й армии запечатлел трагическую картину гибели всего Брянского фронта.

4 октября Иван Шабалин записал в дневнике:

«Орел горит. Нас обошли. Весь фронт, то есть три армии, попали в клещи, в окружение, а что делают наши генералы? «Они думают». Уже стало привычкой: «Я уклоняюсь от окружения, мы сдаем фронт», а что же теперь?.. Мы уже наполовину окружены, что будет завтра?»

Говорил с командующим армией генерал-майором Петровым. Он сказал, что фронт не может больше помочь, и спросил меня:

— Сколько людей расстреляли вы за это время?

Что это должно означать?

Комендант принес литр водки. Ах, теперь пить и спать, может, будет легче».

6 октября: «Неизбежность окружения всего фронта, а не только нашей армии очевидна... Руководство фронта потеряло управление и, вероятно, голову. Было бы лучше предоставить армии возможность самостоятельных решений».

7 октября:

«Ничего подобного поражению Брянского фронта история еще не видела. Противник подошел сзади и окружил почти три армии, то есть по меньшей мере 240 тысяч человек... Мы сдавали города почти без боя. Командование фронта потеряло руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, что эти глупцы уже изъяты и отправлены в Москву. Все усилия, которые были приложены для укрепления оборонительной зоны, оказались напрасными.

Командование фронтом передано генералу Петрову. Я прихожу, он говорит:

— Ну, меня тоже скоро расстреляют».

Вывести войска из окружения и спасти их не удалось.

Командующий 50-й армией генерал-майор Михаил Петрович Петров, удостоенный звания Героя Советского Союза за войну в Испании, и начальник особого отдела армии майор госбезопасности Шабалин пробиться к своим не смогли. Оба погибли в окружении.

А столь неудачно командовавший Брянским фронтом генерал-полковник Еременко спасся. 13 октября он был ранен в правую ногу и правое плечо. За ним прислали самолет, чтобы вывезти из окружения. Но самолет ночью совершил вынужденную посадку, генерал потерял сознание, его спрятали в крестьянской избе. Чекисты доложили о происшествии в Москву. 14 октября за ним прислали санитарную машину и в тот же день положили на операционный стол в центральном военном госпитале.

«Операция была довольно мучительная, — вспоминал Еременко, — из ноги осколки удалось извлечь, но один довольно крупный осколок, засевший в грудной клетке, достать так и не удалось. После операции меня перевели в палату. Температура доходила до 39 градусов; хотя сознание больше не оставляло меня, состояние было тяжелое, и я, грешным делом, думал, что не выживу».

Сталинского гнева за невыполненное обещание разгромить «подлеца Гудериана» Андрей Иванович избежал. Все-таки, видимо, некоторая неуверенность вождя в себе заставляла его держать рядом с собой таких самоуверенных и бравых генералов... Еременко эвакуировали в Куйбышев.

«Мне предстояло ехать в поезде, составленном из приспособленных для этой цели маленьких дачных вагонов, — рассказывал Еременко. — Лежать я мог только на спине, и так как комплекцией природа меня, как говорится, не обидела, то разместить меня на вагонной койке не удалось, и меня положили прямо на пол в проходе вагона. К счастью, на вокзал приехал начальник тыла Красной армии генерал Хрулев. По его указанию меня перенесли в вагон начальника эшелона и быстро отправили поезд».

ОСОБИСТЫ И КУРСАНТЫ ПОД ЮХНОВОМ

3 октября части вермахта вошли в Орел. 4 октября Красная армия оставила города Спас-Деменск и Киров. 5 октября моторизованные части вермахта обнаружили в восьмидесяти километрах от Малоярославца. Немцы от Рославля двигались к городу Юхнову. И только в этот момент стало ясно, что Москва в опасности. Поверить в это было невозможно.

5 октября утром председатель исполкома Моссовета Василий Прохорович Пронин находился на Старой

площади в кабинете первого секретаря московского обкома и горкома партии Александра Сергеевича Щербакова. Обсуждался ход строительства Можайской линии обороны.

Вошел помощник первого секретаря:

— Александр Сергеевич, вас срочно по крайне важному делу требует из Юхнова работник политотдела Западного фронта.

Политработник доложил, что ехал на машине и в нескольких километрах от Юхнова натолкнулся на большую колонну немецких танков. Только благодаря сообразительности шофера сумели удрать. Наших войск нигде не видно...

Небольшой подмосковный город начался с основания в XV веке на берегу Угры Юхновского Казанского мужского монастыря. Центр сельскохозяйственного района, статус города Юхнов получил указом Екатерины II в 1777 году. Из знаменитых уроженцев — актер Михаил Михайлович Яншин. В 1921 году город практически полностью сгорел. Его восстановили, построили крахмальный завод, музыкально-игрушечную фабрику, льнозавод, типографию. В тот октябрьский день судьба этого небольшого города волновала больших московских начальников потому, что Юхнов расположен на правом берегу реки Угры на автомобильной дороге, ведущей из Рославля в Москву.

Встревоженный Щербаков набрал номер Сталина. Его помощник Александр Николаевич Поскребышев недовольно ответил, что Сталин только что лег отдыхать. Разбудить вождя хозяин Москвы не решился. Позвонил Молотову как второму человеку в стране. Тот информации не поверил и подозрительно спросил:

— А это не провокация?

Щербаков перепроверил в Юхновском горкоме партии: позвонивший работник политотдела — не са-

мозванец. Опять набрал Сталина. Вождя все-таки разбудили. Он произнес сакраментальную фразу:

— А это не провокация?

Авиации московского военного округа приказали провести воздушную разведку. Дважды в сторону Юхнова отправляли истребители. Погода была очень плохая: туман и дождь. Но летчики твердо доложили, что большая танковая колонна приближается к городу.

«Потом оказалось, — вспоминал заместитель командующего авиацией Московского военного округа Николай Сбытов (см. «Коммерсант-власть», 13 октября 2008), — что целый немецкий корпус прошел практически без боя в наш тыл и спокойно движется на Москву. А у нас никаких резервов нет. Только строительные батальоны и женщины, которые копают окопы для наших войск, которых нет».

Однако ни политическое, ни военное командование не верило летчикам: немцы не могли подобраться так близко к Москве! Это вражеская провокация с целью посеять панику и заставить наши войска отступить. Разобраться поручили особистам.

В два часа дня полковника Сбытова вызвали к заместителю наркома внутренних дел и начальнику военной контрразведки комиссару госбезопасности 3-го ранга Виктору Семеновичу Абакумову. Центральный аппарат госбезопасности эвакуировали. В Москве остались только небольшие опергруппы. Но Берия и его заместители были на месте.

— Воздушная разведка, — доложил главному особисту страны полковник Сбытов, — не только обнаружила, но и несколько раз подтвердила, что к Юхнову движутся фашистские танки и мотопехота.

— Откуда вы взяли, что к Юхнову идут немцы? — угрожающе спросил Абакумов. — Это наши танки!

Сбытов предложил опросить командира авиационного соединения, чтобы тот подтвердил данные авиа-

разведки. Оказавшись на Лубянке, в кабинете начальника управления особых отделов, военный летчик испуганно заявил, что он вообще ничего не знает. Сбытов попросил вызвать начальника штаба авиации округа полковника Ивана Ивановича Комарова. Тот привез журнал боевых донесений, где зафиксировано появление вражеских танков под Юхновом.

Но начальник управления особых отделов Абакумов настаивал:

— Докажите, что танки немецкие. Предъявите сделанные разведчиками фотографии.

— Это были истребители, они без фотоаппаратов, — объяснял Сбытов. — Да этого и не нужно. Они летали на высоте двести—триста метров и все отлично видели. Нашим летчикам нельзя не доверять.

Николай Александрович Сбытов был назначен заместителем командующего ВВС Московского военного округа в марте 1941 года. Командовал авиацией округа Герой Советского Союза («Золотую Звезду» он получил за воздушные бои в Испании) генерал-лейтенант Петр Иванович Пумпур. Сбытов после знакомства с положением дел попросился на прием к Щербакову и доложил хозяину Москвы о выявленных им безобразиях. Пумпура это погубило.

10 мая политбюро распорядилось снять его с должности. 31 мая Петра Пумпура арестовали. 13 февраля 1942 года — в разгар войны! — особое совещание при НКВД вынесло смертный приговор. 23 марта Пумпура расстреляли.

Теперь Сбытов сам познакомился с особистами. Неизвестно, как сложилась бы судьба полковника, сидевшего в кабинете Абакумова, если бы в 15 часов 45 минут со Сталиным не связался находившийся на фронте заместитель наркома обороны и начальник Главного политического управления Красной армии армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис. Он доложил

вождю: «Связь с армиями Резервного фронта утрачена. Управление войсками потеряно. Дорога на Москву по Варшавскому шоссе до Малоярославца открыта».

Сомневаться в словах преданного сталинского помощника Льва Мехлиса уже никто не решился, и это спасло Сбытова. Абакумов отпустил полковника со словами:

— Идите и доложите военному совету округа, что вас следует освободить от должности как не соответствующего ей и судить по законам военного времени. Это наше мнение.

С Лубянки Сбытов отправился к своему начальнику — командующему войсками Московского военного округа генерал-лейтенанту Павлу Артемьеву. Было уже примерно четыре часа дня. Командующий округом позвонил заместителю начальника Генерального штаба и начальнику главного оперативного управления генерал-майору Василевскому. Александр Михайлович подтвердил, что летчики никак не могли принять наши танки за фашистские, так как такого количества танков в районе Юхнова у нас просто нет.

«Но мер никаких не принял, — рассказывал Николай Сбытов. — И Артемьев не принял. А времени уже шесть вечера. Практически темно. Авиацию использовать сегодня уже нельзя. Значит, одни сутки потеряны... Звоню в секретариат Сталина. Там говорят: «Идет заседание ГКО, приказано не соединять». Так и сидел до утра».

Тем временем Абакумов доложил о ситуации своему начальнику — народному комиссару внутренних дел Берии. В пять вечера по заданию Берии две оперативные группы НКВД выехали в Подольск и Малоярославец. Они убедились, что летчики правы: немцы взяли Юхнов и продолжают наступление на Москву.

6 октября чекисты представили наркому докладную записку:

«По Вашему заданию 5 октября в 17 часов мы выехали с двумя опергруппами по маршруту Москва—Подольск—Малоярославец—Ильинское.

В результате ознакомления с положением на месте, опроса отходящих военнослужащих и разведки установлено следующее:

2 октября на стыке 43-й и 33-й армий противник просочился в сторону Кирова, занял Киров и Спас-Деменск.

5 октября в шести километрах южнее Юхнова противником был выброшен парашютный десант, состоящий ориентировочно из сорока человек и двенадцати танкеток. К восемнадцати часам 5-го октября противник силой до одного батальона при двенадцати танкетках с минометами, заняв Юхнов, вышел на рубеж реки Угра и оседлал Варшавское шоссе, где вступил в бой с находившимся в этом районе авиадесантным батальоном нашей 53-й авиабригады.

После того как противник просочился в стыке 33-й и 43-й армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5-го октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы.

Во второй половине дня 5 октября частично силами районных органов НКВД, а затем при нашей помощи были организованы небольшие заслоны в Ильинском, Малоярославце, Боровске, селе Каменское и в направлении Медынь—Калуга, которые задерживают отступающие части и отдельные группы военнослужащих.

Между Юхновом и Медынью 5 октября около 15 часов капитаном 53-й авиабригады Сорокиным был взорван железнодорожный, висячий мост через реку Шаня, что находится примерно в восьми километрах западнее Медыни. В результате взрыва моста, с одной стороны, затруднен отход нашим частям и автотранспорту, с другой — создано препятствие для продвижения наших частей навстречу противнику...

Для уничтожения противника на реку Угра из Ильинского выброшена одна рота курсантов Подольских курсов и две противотанковые батареи с задачей соединиться с нашим десантным батальоном, находящимся на Угре.

В Ильинском из числа задержанных красноармейцев и начсостава по состоянию на 22—23 часа 5 октября организован отряд для обороны в составе трехсот человек...

Майор гос. безопасности *Клепов*

Ст. майор гос. безопасности *Леонтьев*».

Сергей Алексеевич Клепов, выпускник церковно-приходской школы, с началом войны возглавил Смоленское управление НКВД. Когда город заняли немцы, эвакуировался в Москву и был утвержден начальником отдела по борьбе с бандитизмом союзного НКВД.

Профессиональный чекист Александр Михайлович Леонтьев, который начинал трудовую жизнь учеником кондитера, только что был назначен заместителем Клепова — с должности начальника горотдела НКВД в городе Бологое. В отличие от своего начальника Леонтьев получил некоторое образование — окончил экстерном пехотное отделение Военно-пехотного училища имени Кирова в Ленинграде.

А в Москве следствие все равно продолжалось. Около семи вечера на командный пункт авиагруппы к полковнику Сбытову приехал оперуполномоченный военной контрразведки. Он привез протокол допроса и потребовал его подписать.

Сбытов поставил свою подпись и дописал на протоколе: «Последней разведкой установлено, что фашистские танки находятся уже в районе Юхнова и к исходу 5 октября город будет ими занят».

Полковник Сбытов ошибся. Немецкие части вошли в Юхнов еще утром.

Очевидцы вспоминали:

«3 октября немцы уже начали бомбить Юхнов. Одна партия разгрузится, летит следом вторая. Они, немецкие бомбы, такие страшные. Если наши летят, шум создают, а эти визг. И действуют на психику, что ты не знаешь, куда деваться от этого визга.

Мама говорит: давайте уйдем в лес. И вот здесь около берега просидели ночь. И 4 тоже бомбили, а 5 утром притихли, бомбежки не было. И вдруг... Мальчишки прибегают:

— Ой, немцы уже здесь!

Они в первую очередь на мотоциклах едут, а потом идут танки, а потом уже остальные».

Из Юхнова немецким войскам оставалось до Москвы ровно сто девяносто восемь километров по Варшавскому шоссе. Захватив город, немецкие войска продолжали наступление в сторону Малоярославца и Подольска, чтобы с юга, где Москва не защищена, взять столицу. Самое страшное состояло в том, что советских войск, которые могли бы преградить им путь и удержать Москву, не осталось.

Полковник Сбытов, которого чекисты, наконец, оставили в покое, получил приказ бросить на Юхнов всю авиацию столичного округа и московской зоны ПВО. Чтобы задержать немецкое наступление, штурмовики и бомбардировщики разбили мост через реку Угру.

Пока летчики сбрасывали свой бомбовый груз на немецкие войска, оборону на рубеже реки Угры занимали подольские курсанты — две тысячи курсантов пехотного училища и полторы тысячи артиллерийского. Среди них были юноши, призванные в сентябре сорок первого. Они успели проучиться всего полмесяца.

Это была идея генерала Василевского — послать курсантов военных училищ, чтобы они заняли рубеж возле села Ильинского и задержали немцев, пока не подойдут резервы ставки. На оборонительном рубеже

было какое-то количество оборонительных сооружений — дотов и дзотов (в основном недостроенных, без броневых щитов у дверей и амбразур), но не было артиллерии. Из-за того что особисты слишком долго выявляли крамолу, выполнение приказа о выдвижении курсантов на рубежи обороны началось с опозданием на восемь часов.

Подольские курсанты продержались две с лишним недели, отражая непрерывные атаки танковых частей, под бомбежками и непрерывным артиллерийским огнем. Они погибли почти все. Поскольку наши войска отступали, хоронить погибших было некому. Тела погибших курсантов остались на поле боя. Закопали их уже после того, как в декабре выбили немцев из-под Москвы.

Опознать тела курсантов уже было невозможно, поэтому многие из них считались пропавшими без вести. А ведь они совершили невероятное — задержали немцев, рвавшихся к Москве.

«Авиация и курсантские полки, — вспоминал Сбытов, — закрыли перед носом гитлеровцев «ворота» на Москву, заставив их топтаться в районе Юхнова несколько суток. Этого оказалось достаточно для того, чтобы подтянуть резервы».

ЖУКОВ ВЫЗВАН НА ПОМОЩЬ

5 октября, самый долгий день в истории обороны Москвы, еще не закончился. Будущий маршал Константин Константинович Рокоссовский командовал 4-й армией. Вечером 5 октября он получил приказ передать свои войска соседу — генерал-лейтенанту Филиппу Афанасьевичу Ершакову, а самому прибыть в Вязьму и организовать контрнаступление в сторону Юхнова.

Рокоссовский не поверил телеграмме: как это в такое время оставить войска? Он потребовал повторить приказ документом с личной подписью командующего. И как выяснилось, правильно сделал. Ночью прилетел самолет, и он получил оформленный по всем правилам письменный приказ за подписью командующего Западным фронтом генерала Ивана Степановича Конева и члена военного совета Николая Александровича Булганина.

Никаких частей Рокоссовский в районе Вязьмы не нашел. В Вязьме вообще осталась только милиция. Едва начали совещание с руководством города, появились немцы. Рокоссовский со своими офицерами еле успел вырваться из окружения. Под Можайском удалось связаться со штабом Западного фронта, куда его немедленно и вызвали.

А в штабе фронта сидели большие начальники, чьи войска были разгромлены и окружены. Увидев генерала Рокоссовского, маршал Ворошилов угрожающе спросил:

— Почему вы оказались под Вязьмой вместе со штабом, но без войск?

На него нацелились как на человека, которого решили признать виновным в беспорядочном отступлении. Но предусмотрительный Рокоссовский предъявил приказ Конева.

— Странно, — проворчал Ворошилов.

Письменный приказ спас будущего маршала Рокоссовского. Он получил приказ организовать оборону, подчинив себе в этом районе все войска, которые удасться. Но кроме строительных батальонов, готовивших оборонительные сооружения, там никаких войск не было...

Сталин не разрешил окруженным войскам вовремя отойти.

К 6 октября 19-я (командующий генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин) и 20-я армии (командую-

ший генерал-лейтенант Филипп Афанасьевич Ершаков) Западного фронта, 24-я (командующий генерал-майор Константин Иванович Ракутин) и 32-я армия (генерал-майор Сергей Владимирович Вишневский) Резервного фронта, а также группа генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Болдина (в нее входили три танковые бригады, одна танковая дивизия и одна стрелковая), в общей сложности полмиллиона красноармейцев, попали в окружение западнее Вязьмы.

Помощи они не получили и погибли.

Генерал Ершаков до войны командовал войсками Уральского военного округа, сформировал в округе армию и с ней в начале сорок первого оказался на фронте. Он попал в плен и в 1942 году умер в немецком лагере. Командующий 24-й армией, сформированной в июне и хорошо показавшей себя в сентябре под Ельней, генерал-майор Ракутин считался пропавшим без вести. Он погиб в окружении западнее Вязьмы, но обстоятельства его смерти остались невыясненными.

После разгрома и окружения войск под Вязьмой сплошной линии фронта больше не существовало. Танки Гудериана продвигались к Туле.

«Зрелище было воистину ужасающее, — вспоминал ставший военным связистом Леонид Лопатников. — Шли тысячи людей — из разных дивизий, полков, дивизионов. Это была толпа. Бреющим полетом, оглушая своим ревом, над нами пролетали «юнкерсы». Они как-то лениво, больше, по-моему, для остротки или развлекаясь, поливали толпу пулеметным огнем. Мы бросались куда попало — в лужи, в грязь. Потом вставали и шли дальше. Вот тогда единственный раз за всю войну я подумал, что это — конец, что поражение неминуемо. Что нет такой силы, которая могла бы остановить и сокрушить врага».

В отчаянии Сталин обратился за помощью к генералу Жукову, который руководил обороной окруженного

Ленинграда. Этот беспредельно жесткий и уверенный в себе человек вселял в вождя какую-то надежду.

5 октября Сталин приказал ему немедленно прибыть в столицу. Жуков смог прилететь только 7 октября. Именно в этот день вечером группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Федора фон Бока вышла на оперативный простор и двинулась в направлении столицы. Остановить их, казалось, было некому.

Прямо с аэродрома Жукова доставили на кремлевскую квартиру вождя. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил генерала сухо. Не поздоровался, ограничился кивком. Он был в полном бешенстве от неумелых действий командующих фронтами, оборонявшими столицу.

Подошел к карте и, указав на район Вязьмы, объяснил:

— Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Немцы через три-четыре дня могут подойти к Москве. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов доклада об истинном положении дел. Хуже всего то, что ни Конев, ни Буденный не знают, где их войска и что делает противник. Конева надо судить. Завтра я пришлю специальную комиссию во главе с Молотовым.

Жуков в качестве представителя Ставки должен был немедленно выехать на фронт, разобраться в ситуации и доложить, что происходит.

— Звоните мне по ВЧ в любое время дня и ночи. Я буду ждать вашего звонка, — добавил вождь, — и ваших предложений.

Разгром был невероятный. Все пути на Москву, вспоминал маршал через много лет, по существу были открыты...

«Вечером в штаб Московского военного округа, — записал 7 октября в дневнике Телегин, — приехали

Щербаков и Пронин. Были обстоятельно рассмотрены все возможности военных и гражданских учреждений. Вывод был таков: на случай чрезвычайных обстоятельств Москва располагала тремя дивизиями оперативных и внутренних войск НКВД, в двух из них имелись бронетанковые полки, артиллерия. Довольно плотно могли прикрыть Москву не только с воздуха, но и на земле два корпуса ПВО, резервы Московской зоны ПВО. За счет Всевобуча и рабочих дружин на предприятиях можно создать роты, батальоны, полки».

17 сентября постановлением ГКО было введено всеобщее обязательное военное обучение граждан в возрасте от девятнадцати до пятидесяти лет — без отрыва от производства: строевая подготовка, изучение винтовки, рытье окопов. В составе Наркомата обороны образовали Главное управление всеобщего военного обучения (Всевобуч).

Руководители Москвы пытались понять, чем можно защитить город в ситуации, когда регулярная армия разгромлена.

В тот день Георгий Константинович Жуков долго искал штаб Буденного. Обнаружил маршала в Малоярославце. Семен Михайлович не знал, что происходит с его войсками. После немецкого удара от Резервного фронта мало что осталось. Штаб фронта доложил: «В течение дня оперативной связи с армиями штаб фронта не имел. Положение войск неизвестно».

Жуков написал короткую записку члену политбюро Андрею Александровичу Жданову в Ленинград, откуда так внезапно уехал: «Как тебе известно, сейчас действуем на западе — на подступах к Москве. Основное — это то, что Конев и Буденный проспали все свои вооруженные силы. Принял от них одно воспоминание. От Буденного штаб и девяносто человек. От Конева штаб и два запасных полка».

8 октября в два часа ночи Жуков доложил по телефону Сталину, который по обыкновению еще бодрствовал:

— Главная опасность сейчас заключается в том, что почти все пути на Москву открыты, слабое прикрытие на Можайской линии не может гарантировать от внезапного появления перед Москвой бронетанковых войск противника... Надо быстрее стягивать войска откуда возможно на Можайскую линию обороны.

Закончив разговор с Жуковым, Сталин распорядился освободить маршала Буденного от командования уже несуществующим Резервным фронтом. Остатки фронта включили в состав Западного фронта.

9 октября начальник Генерального штаба маршал Шапошников отправил Жукову телеграмму:

«Верховный главнокомандующий приказал вам прибыть в штаб Западного фронта. Вы назначаетесь командующим Западным фронтом».

Сталин спросил Жукова, что делать с его предшественником Коневым. Он был готов отдать Конева под суд, как генерала Дмитрия Григорьевича Павлова, расстрелянного за сдачу Минска. Но Жуков уговорил вождя ограничиться снятием с должности, сказал, что берет Конева к себе заместителем, и тем самым спас ему жизнь.

В такой критической ситуации все дееспособные генералы были наперечет. Уже 17 октября Иван Степанович Конев будет фактически прощен и получит под командование новый Калининский фронт...

Жукову позвонил Молотов, уполномоченный Сталиным найти виновных в разгроме Западного фронта. Вячеслав Михайлович задавал какие-то вопросы. Жуков не мог ответить, потому что еще не владел обстановкой на фронте. Молотов говорил с ним на повышенных тонах:

— Или вы остановите это наступление немцев, или будете расстреляны!

Жуков попытался объяснить ситуацию:

— Не пугайте меня, я не боюсь ваших угроз. Еще нет двух суток, как я вступил в командование фронтом, я еще не полностью разобрался в обстановке, не до конца знаю, где что делается.

Молотова его слова еще больше разозлили.

— Как же это так, за двое суток не сумеешь разобраться!

Жуков ответил очень резко:

— Если вы способны быстрее меня разобраться в положении, приезжайте и вступайте в командование фронтом.

Молотов бросил трубку.

Историки полагают, что немцы могли в те дни войти в Москву. Но не хотели рисковать. Опасаясь фланговых ударов, они действовали по науке, намереваясь окружить город с трех сторон.

2 октября политбюро приняло решение созвать 10 октября пленум ЦК и обсудить два вопроса:

«1. Военное положение нашей страны.

2. Партийная и государственная работа для обороны страны».

Члены ЦК партии со всей страны собрались в Москве. Они приехали на пленум, не зная, что политбюро его уже отменило.

«Ввиду создавшегося недавно тревожного положения на фронтах, — говорилось в секретном решении, — и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей Политбюро ЦК постановило отложить Пленум ЦК на месяц».

10 октября членам ЦК объявили, что немцы прорвали фронт и пленум не состоится. Все ждали, что их хотя бы на час соберут и расскажут о положении на фронтах. Но Сталину не хотелось терять времени. Пленумы ЦК давно превратились в чистую формальность...

На защиту Москвы бросили три дивизии оперативных и внутренних войск НКВД и два корпуса противоздушной обороны — зенитные орудия было приказано использовать для стрельбы прямой наводкой по танкам. На фронт отправляли всех, кто мог носить оружие, — курсантов военных училищ, то есть совсем мальчишек, милицию, которую не учили воевать, и конечно же ополчение и добровольцев.

Будущий профессор медицины Александр Михайлович Ногаллер был студентом-пятикурсником 1-го Московского медицинского института.

«10 октября я пришел на занятия в мединститут, где нам сказали:

— Молодые люди, кончайте заниматься чепухой, отправляйтесь на фронт.

Без всяких госэкзаменов и комиссий секретарша деканата выдала нам дипломы. Мне присвоили воинское звание военврача 3-го ранга и вручили направление в 703-й легкий артиллерийский полк.

Начали поступать раненые, выходящие из окружения в районе Смоленска и Вязьмы. Они были обморожены, простужены, голодные и одеты еще по-летнему. Мы оказывали первую помощь — накладывали повязки, шины, вводили противостолбнячную сыворотку, многим для профилактики давали по сто граммов водки или разведенного спирта. И отправляли дальше. Иногда шоферы отказывались брать раненых, однажды даже пришлось пригрозить оружием, у меня с собой всегда был наган... Наши войска были вынуждены отступить.

Наш полк отошел к станции Кубинка. Противотанковых орудий и противотанковых ружей не хватало. Не только в кино, но и в жизни бойцы, имена которых часто оставались неизвестны потомкам, бросались под танки со связками гранат в руке или обвязывали себя гранатами и погибали вместе с подожженным танком».

В этот же день, 10 октября, только что назначенный командующим Московским резервным фронтом и Московской зоной обороны генерал-лейтенант Павел Артемьев выехал в Малоярославец. Немцы прорвали линию фронта, и бронетранспортер генерала наткнулся на солдат вермахта... Он позвонил Сталину. Встревоженно доложил, что между наступающими немцами и Москвой советских войск вообще нет. Защищать Москву некому.

Накануне войны Сталин переместил генерала армии Ивана Владимировича Тюленева с должности командующего войсками Московского военного округа на пост командующего Южным фронтом. Назначение окажется неудачным, и Тюленева быстро заменят. Но вместе с ним Москву покинули штаб Московского военного округа и органы управления. Столичный округ был обезглавлен.

Николай Сбытов вспоминал: «На их место назначили новых командиров и управленцев, и почему-то всех из НКВД. Командующий войсками округа Артемьев — из НКВД, член военного совета Телегин — из НКВД, начальник штаба Референко — из НКВД. Порядочным человеком оказался только Референко — видит, что не тянет, ничего не понимает, и попросил, чтобы его от должности освободили. Освободили, назначили на его место Белова, хорошо, что не оперативного работника, а мобилизационника. Еще членом военного совета стал Щербаков — партийный работник. Такое вот руководство военного округа — ни одного кадрового военнослужащего. И это во время войны!»

Новый начальник штаба округа генерал-майор Иван Сергеевич Белов был профессиональным военным, хорошо организованным и уравновешенным штабистом.

До того как он принял Московский военный округ, генерал-лейтенант Артемьев руководил управлением оперативных войск НКВД.

Сталин недовольно сказал генералу Артемьеву:

— Вас назначили командующим фронтом, а вы превратились в командира взвода разведки. Возвращайтесь в Москву.

Сталин был раздражен звонком Артемьева, счел его паникером.

Московский резервный фронт расформировали, подчиненные Артемьеву войска передали Жукову. Генерал Артемьев стал еще одним заместителем Жукова. Полковник Сбытов получил повышение — он был назначен командующим военно-воздушными силами Московского военного округа и Московской зоны обороны.

12 октября Сталин подписал распоряжение ГКО с поручением Наркомату внутренних дел взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве с запада и юга.

В тот день в Кремле обсуждался вопрос о защите Москвы. Докладывал генерал-майор Василевский, первый заместитель начальника Генерального штаба. Московскому военному округу поручалось создание Московской зоны обороны. Главный оборонительный рубеж должен был пройти в пятнадцати—двадцати километрах от города. На строительство оборонительных рубежей нужно было мобилизовать двести тысяч москвичей и столько же тысяч жителей Подмосковья.

Городской оборонительный рубеж предполагалось организовать в три полосы — окружная железная дорога, Садовое кольцо и бульварное кольцо.

— За последнюю неделю, — говорил 13 октября Александр Щербаков на экстренно созванном собрании городского актива в помещении клуба НКВД, — наше военное положение ухудшилось. Что произошло? Немецкое командование собрало все, что называется, до последней нитки и сосредоточило на западном направлении. Немцы забрали из оккупированных стран

всех годных солдат, собрали все имеющиеся автомобили, танки, бронемшины, в том числе трофейные и старых образцов. Немцы подтянули части итальянских, венгерских и финских войск. Все это позволило им сосредоточить большие силы, которыми они и ударили по нашему фронту... Наши части дерутся героически. Вражеские войска несут огромные потери. Потери в живой силе у противника таковы, каких не было, пожалуй, ни в одном из сражений. Несмотря на ожесточенное сопротивление, нашим войскам приходится отступать. Не будем закрывать глаза — над Москвой нависла угроза. Гитлер пошел на свою последнюю авантюру, все поставил на карту. Гитлеру под угрозой смерти и гибели его режима нужно иметь серьезную победу. Состояние тыла и армии таково, что Германия не в силах выдержать еще одну зиму в военных условиях. Наступление немцев — последняя попытка заполучить победу. И эту последнюю попытку мы должны сорвать. Самым опасным и гибельным было бы появление растерянности и паники. Этого допустить ни в коем случае нельзя.

Секретариат горкома партии принял решение:

«1. В целях руководства работой по формированию рот и батальонов из числа трудящихся г. Москвы — создать Городской штаб формирований трудящихся в следующем составе: т. Чугунов (начальник штаба), т. Чесноков (штаб МВО), т. Шелепин (МГК ВЛКСМ), т. Черных (горвоенком), т. Сергеев (горсовет Осоавиахима).

2. Обязать РК ВКП(б) формирование рот и батальонов закончить 14 октября и немедленно приступить к их обучению по сокращенной программе. Для руководства формированиями создать районные штабы в количестве 3—5 человек».

Начальником охраны Московской зоны назначался заместитель наркома внутренних дел комиссар госбе-

зопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов. В армейских делах он не был новичком.

В 1925 году Ивана Серова призвали в армию и отправили учиться в Ленинградскую пехотную школу. После окончания школы служил командиром огневого взвода. Видимо, служба в артиллерии у него получалась, потому что его командировали на артиллерийские курсы усовершенствования командного состава РККА. После курсов он получил под командование батарею, со временем стал помощником начальника штаба полка, а потом исполнял обязанности начштаба. С этой должности Серова в январе 1935 года отправили в Военно-инженерную академию, откуда через год в звании майора перевели в Военную академию имени М.В. Фрунзе, которую он успешно окончил в январе 1939 года.

Серов собирался быть кадровым военным. Но из академии приказом Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии его распределили не в войска, а в Народный комиссариат внутренних дел.

При наркомате создавался штаб охраны Московской зоны, которому подчинялись все войска НКВД в зоне, милиция, райотделы внутренних дел, истребительные батальоны и заградительные отряды.

Другого заместителя наркома комиссара госбезопасности 3-го ранга Богдана Захаровича Кобулова назначили ответственным за бесперебойную работу правительственной ВЧ-связи, которая позволяла Сталину и Генштабу вести переговоры со штабами фронтов и армий. Кобулов работал с Берией в ГПУ Грузии с 1925 года и был самым близким к Лаврентию Павловичу человеком. Кобулов ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами, огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене.

Когда на танкоопасном направлении Волоколамск—Клин образовался участок в тридцать километров, который нечем было прикрыть, Жуков приказал сформировать сводный полк из курсантов Московского пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР. Командиром полка стал начальник училища полковник Семен Иванович Младенцев, удостоенный звания Героя Советского Союза за Финскую кампанию. В полку десять рот — 1330 курсантов, 130 красноармейцев и 112 офицеров.

Под дождем курсанты за полтора дня прошли восемьдесят пять километров и заняли оборону на берегу реки Ламы («Красная звезда», 23 октября 2008). 12 октября вступили в бой. Погибла половина курсантов. 16 ноября всем, кто выжил, присвоили звание лейтенант.

В «Красной звезде» появилась знаменитая статья Ильи Григорьевича Эренбурга «Выстоять!» Там впервые было сказано, что немецкие войска подошли к столице: «Враг грозит Москве. У нас должна быть одна только мысль — выстоять... С востока идут подкрепления... Мы должны выстоять. Октябрь сорок первого года наши потомки вспомнят как месяц борьбы и гордости. Гитлеру не уничтожить Россию! Россия была, есть и будет!»

Прочитав статью Эренбурга, ответственному редактору «Красной звезды» Давиду Ортенбергу позвонил страшно недовольный партийный руководитель столицы Александр Щербаков:

— Что вы разводите в Москве панику? Почему раньше Совинформбюро выскакиваете?

Редактор «Красной звезды» Ортенберг был человеком смелым и уверенным в себе. Считая, что читателю важно получать информацию с фронта, иногда даже игнорировал замечания цензоров, о чем начальник Центральной военной цензуры полковник Черствый немедленно информировал отдел печати ЦК партии.

«Когда на московском направлении образовались большие бреши и противник наращивал удары по столице, — вспоминал Давид Ортенберг, — и передовая статья, и репортаж о воинах, идущих на фронт, скажу, не боясь преувеличений, были для нашего читателя как глоток воды для путника в пустыне.

Конечно, мы печатали это с некоторым опасением — не окажем ли услугу немецкой разведке. После публикации мне позвонил начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков и задал такой вопрос:

— Не открываешь ли ты наши карты абверу?

Поскольку его опасение было выражено в вопросительной, а не в утвердительной форме, я тоже задал ему вопрос:

— У тебя есть весы?

— Какие весы?

— Обыкновенные. На одну положи моральную пользу наших сообщений для наших же войск, а на другую — немецкую разведку. Какая из них перевесит?

Он рассмеялся, и на том наш разговор закончился».

Но пренебречь указаниями Щербакова Ортенберг не мог.

Часть третья

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ГИБЕЛЬ ОПОЛЧЕНИЯ

На защиту столицы бросили все, что еще оставалось в распоряжении командования. В самые страшные месяцы войны москвичи по существу заменили действующую армию, которая не в силах была остановить вермахт, отступала и едва не сдала столицу. Осенью сорок первого москвичи уходили на фронт добровольцами. Прежде всего записывались в дивизии народного ополчения.

Формирование этих дивизий было актом отчаяния.

Еще 4 июля с грифом «не опубликовывать» Сталин подписал постановление Государственного Комитета Оборона «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

Добровольного, правда, было маловато. Зачисляли в народное ополчение мужчин в возрасте от семнадцати до пятидесяти пяти лет, за исключением рабочих оборонных предприятий и военнообязанных, уже получивших мобилизационные предписания. Предполагалось, что в народное ополчение возьмут тех, кто по возрасту или состоянию здоровья не может служить в регулярной армии. В Москве рассчитывали мобили-

зовать двести тысяч человек, в области еще семьдесят тысяч.

Столице предписали развернуть двадцать пять дивизий — по районному принципу, область готовила отдельные подразделения, которые вливались в уже развернутые части. Первые двенадцать дивизий приказали сформировать к 7 июля, то есть уже через два дня, остальные тринадцать — к 10 июля.

За мобилизацию отвечала тройка — первый секретарь райкома партии, военком и начальник райотдела НКВД. Но москвичи, даже никогда не державшие в руках оружие, белобилетники, вступали в ополчение и без партийного приказа. Надежды на то, что Красная армия легко даст отпор врагу, улетучились. Москвичи чувствовали, что они должны сами защитить родной город.

Полковник в отставке Абрам Гордон рассказал в журнале «Отечественная история»: 1 июля 1941 года он получил диплом об окончании педагогического института. 3 июля в речи Сталина прозвучал призыв вступать в народное ополчение, 4 июля был митинг в институте, а 5 июля начала формироваться 5-я дивизия народного ополчения Фрунзенского района Москвы.

Брали всех, не выясняя военной специальности добровольца и не задумываясь: может быть, того или иного ополченца разумнее отправить в обычные части или, напротив, оставить на производстве. Рядовыми в дивизии оказались командиры запаса, которые были позарез нужны действующей армии. Брали даже студентов-медиков, которых потом отозвали, чтобы они получили дипломы и стали врачами.

Вступали по месту призыва, а военкоматы по месту жительства не оповещались, и люди, которые потом не являлись по вызову, зачислялись в разряд «без вести пропавших». А это приравнивалось к плену и было

гибельно для семьи. В военкоматы не поступали даже списки вступивших в народное ополчение. Впрочем, говорили, что их уничтожили в октябре сорок первого, когда возникла опасность захвата немцами Москвы.

Половину командиров рот, всех комбатов и остальной командный состав должны были передать из кадров армии. Штаб Московского военного округа обязали обеспечить дивизии вооружением, боеприпасами и обмундированием.

10 июля Совнарком принял решение сохранить за бойцами и командирами народного ополчения прежнее место работы и средний заработок, за студентами — стипендию.

Нарком финансов Арсений Григорьевич Зверев постановил:

«1. С рабочими, служащими и студентами учебных заведений, вступившими в народное ополчение, предприятия, учреждения и учебные заведения расчета не производят.

2. Рабочие, служащие и студенты учебных заведений, вступившие в народное ополчение, заявляют предприятию (учреждению, учебному заведению) в письменной форме, какую сумму из сохраняемого среднего заработка, оклада или стипендии следует:

а) высылать им по месту нахождения;

б) выдать или переслать семье (кому именно с указанием точного адреса);

в) вносить на его имя в сберегательную кассу по месту расположения предприятия (учреждения, учебного заведения)...»

Если ополченец не успел оставить распоряжение, то половину суммы выдавали семье, остальная сумма ждала распоряжения владельца.

16 июля секретарь московского обкома партии Сергей Яковлевич Яковлев разослал секретарям горкомов и райкомов области разъяснение наркомата финансов

о порядке выплаты зарплаты ушедшим в народное ополчение и их семьям: «Предлагаем установить через секретарей первичных организаций постоянный контроль за ходом выплаты заработной платы находящимся в рядах народного ополчения и их семьям».

Возникла другая проблемы. Дивизии народного ополчения, истребительные батальоны, отряды истребителей танков должны были получать заработок по месту прежней работы. Но предприятия эвакуировались, солдатам и их семьям ничего не платили.

На объединенном заседании бюро МК и МГК партии констатировали:

«В связи с эвакуацией значительного количества предприятий и учреждений из гор. Москвы и Московского области, а также ликвидацией ряда мелких предприятий и учреждений, выплата среднемесячной заработной платы значительному количеству семей бойцов народного ополчения, истребительных батальонов, батальонов трудящихся, отрядов истребителей танков и местной противовоздушной обороны прекращена, что вызывает недовольство как среди бойцов, так и среди их семей».

Приняли решение обратиться к единственному человеку, который решал в стране все.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
товарищу СТАЛИНУ И.В.

С началом войны в гор. Москве и Московской области на добровольных началах были сформированы дивизии Народного ополчения, истребительные батальоны, батальоны трудящихся, впоследствии сведенные в первую дивизию московских рабочих, отряды истребителей танков, теперь переданные в воинские части, обороняющие Москву, и подразделения местной противовоздушной обороны.

Все эти подразделения были созданы на основе сохранения всем бойцам среднего месячного заработка по месту их прежней работы.

В связи с эвакуацией значительного количества предприятий и учреждений, ликвидацией ряда мелких учреждений и предприятий, сокращением объема производства (например, в типографиях г. Москвы) — на многих предприятиях создано финансовое затруднение, вследствие чего выплата денежного содержания значительному количеству семей ополченцев и бойцов других подразделений прекращена.

В настоящее время создано такое положение, что часть бойцов Народного ополчения и других подразделений, находящихся в рядах Красной армии и сражающихся на фронтах — ни они сами, ни их семьи — не получают содержания. Вместе с тем бойцы, выбывшие из Красной армии вследствие смерти и инвалидности, и их семьи не получают содержание, хотя они по постановлению Государственного Комитета Обороны от 4 июля 1941 г. должны зачисляться на пенсию наравне с призванными в Красную армию.

Московский Комитет ВКП(б) просит:

1. дать указания народным комиссарам, чтобы при планировании фондов заработной платы по предприятиям и учреждениям предусматривалась выплата содержания бойцам Народного ополчения и других подразделений, перечисленных выше;

2. установить, что выплату средней заработной платы бойцам вышеуказанных подразделений или их семьям, если предприятие или учреждение, в котором они ранее работали, ликвидировано, производит вышестоящая хозяйственная организация;

3. обязать Наркомат социального обеспечения зачислять на получение пенсии бойцов Народного ополчения, истребительных батальонов, батальонов трудящихся, отрядов истребителей танков и местной

противовоздушной обороны, в случае их инвалидности и их семьи в случае смерти мобилизованного согласно решения Государственного Комитета Обороны от 4 июля 1941 года.

Секретарь МК И МГК ВКП(б)

Щербаков».

Фотографии наших полководцев, на которых по всем швам трещат сшитые на заказ кители, свидетельствуют о том, что и во время войны они питались настолько усиленно, что это было вредно для их здоровья. И не из солдатского котла. Когда солдаты голодали и мерзли в окопах, маршалы и генералы устроились с комфортом, многие из них вели себя просто по-барски.

Красная армия отличалась тем, что в ней кормили в соответствии с должностью. Начиная с командира взвода офицерам полагался дополнительный паек. Правда, известный писатель Григорий Яковлевич Бакланов, лейтенантом-артиллеристом прошедший всю войну, говорил мне, что не видел в этом ничего дурного. Он своим допайком делился с солдатами. Но дело не в окопных лейтенантах, которые не ели в одиночку.

При полевом управлении каждого фронта открывалось несколько столовых — военного совета, политуправления и просто военоторговская — для низовых работников. Кормили там не так, как в окопах, где часто просто не хватало еды. Между офицерами шла грызня за право обедать в столовой более высокого ранга, где кормили лучше и обильнее. Система дополнительных пайков, специальных столовых и других привилегий для начальства подрывала дух фронтового товарищества.

29 сентября 1941 года секретарь военного совета Западного фронта батальонный комиссар Астапов обратился к начальнику Главвоенторга Зайцеву:

«Для проведения ряда мероприятий Военным Советом Западного фронта прошу Вашего распоряжения об отпуске:

Первое. Фруктов разных (виноград, груши, яблоки, апельсины, мандарины и консервированные фрукты).

Второе. Рыбных изделий (балык, семга, тешка, севрюга), икры.

Третье. Консервов рыбных (шпроты, сардины, кильки, бычки).

Четвертое. Винно-водочных изделий на 3000 рублей.

Пятое. Кондитерских изделий в ассортименте.

Шестое. Пива и фруктовых вод».

Виноград, икра и коньяк в больших количествах требовались командованию Западного фронта в сентябре сорок первого, в тот самый момент, когда судьба Москвы, да и всей страны, висела на волоске, когда части фронта отходили назад, когда рядовых красноармейцев не во что было одеть и нечем было кормить...

В дни боев за Москву командующий 43-й армией Константин Дмитриевич Голубев, жалуясь на Жукова, переслал письмо Сталину:

«Армия перестала бежать и около двадцати суток бьет морду противнику; на Подольск его не пускает и не пустит. Пришлось в гуще боя человек тридцать расстрелять, кого надо — обласкать, и до шестисот человек приставили к правительственным наградам...

Просьба:

перестать применять ко мне, как к командующему, политику кнута, как это имело место в первые пять дней. На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии.

Тов. Сталин! Мне ясна обстановка, задачи, ответственность, мне не менее, чем старшим начальникам,

дорога партия, родина. Я в лепешку расшибусь, чтобы выполнить задачу, не боясь ничего, с группой работников подавал пример в бою, и голая ругань, угрозы расстрела, ненужное дерганье по мелочам способны только выбивать почву из-под ног, создают обстановку, когда стыдно смотреть в глаза подчиненным, которые читают эти документы... Сейчас стало лучше. Я бы не хотел, чтобы это было понято как жалоба на Военный совет фронта, отношение которого сейчас ко мне стало нормальным».

Поскребышев переслал это письмо Маленкову.

Генерал Голубев в самом начале войны попал в окружение, но сумел выйти к своим и продолжал воевать. Еременко, когда стал командующим войсками Калининского фронта, записал в дневник впечатления от посещения командующего 43-й армии генерал-лейтенанта Константина Голубева (см. «Независимое военное обозрение», № 15/2000): «Вместо заботы о войсках занялся обеспечением своей персоны. Он держал для личного довольствия одну, а иногда и две коровы (молоко и масло), три-пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал».

Еременко генерала Голубева не любил и возмущался жизнью командарма: «Командный пункт генерала Голубева — новенький, рубленый с русской резьбой пятистенки, прямо-таки боярский теремок. Кроме того, построен домик для связных, ординарцев, кухни и охраны. Подземелье и ход в него отделаны лучше, чем московское метро. Построен маленький коптильный завод. Голубев очень любит копчености: колбасы, окорока, а в особенности рыбу; держит для этого человека, хорошо знающего ремесло копчения. Член военного совета армии не отставал от командующего...»

И это происходило на фронте, где рядовые солдаты буквально голодали. Генерала Голубева, который устроился на войне с таким комфортом, в конце концов забрали с фронта и назначили заместителем уполномоченного Совнаркома по делам репатриации советских граждан...

29 сентября Щербаков говорил на партийном активе Москвы:

— У нас в области имеются запасные бригады красноармейцев, которые должны быть сформированы и пойти на фронт. Недавно наши товарищи проверяли положение в некоторых частях. Прямо ужас зеленый! Некоторые обовшивели, в баню не могут сходить!

И при этом недостатка в добровольцах не было. Война раскрыла во многих людях лучшие их качества. Москвичи оказались смелее своих начальников, бежавших из города.

Беда состояла в том, что подавляющее большинство ополченцев прежде не держали в руках винтовки, да и винтовок на всех не хватало. Половина была неисправной, разных типов. Таким дивизиям не полагалось ни транспорта, ни артиллерии, ни танков. Никакой подготовки ополченцы не прошли. Да и любой новый воинский коллектив нуждается в боевом слаживании, а эти части сразу бросались в мясорубку войны.

В Москве в ополчение зачислили сто шесть тысяч человек, в области еще пятьдесят пять тысяч. Первые двенадцать дивизий с 8 по 11 июля вывели в подмосковные лагеря.

«Колонны ополченцев без оружия, — такими их запомнил очевидец. — Кто в старых ватниках, кто в потрепанных пальто или шинелях. За плечами вещмешки, в руках чемоданы, баулы, на головах ушанки, кепки, буденновки».

Боец 18-й дивизии, которая формировалась в Ленинградском районе, вспоминал:

«Вечером, одетые кто во что горазд, с рюкзаками и баулами, мешками и портфелями мы покинули Москву. Мы направлялись в учебный лагерь под Красногорск. После этого перехода семьсот человек были отчислены из дивизии по состоянию здоровья.

В учебном лагере получили трехзарядные французские винтовки и французские пушки, расточенные под наши 76-миллиметровые снаряды. Это было трофейное оружие, оставшееся после разоружения частей польской армии...»

Хозяйственный и военный механизм не в состоянии был одеть и вооружить столько людей, свести их в боевые части, обучить и слаженно отправить на фронт. Не только бойцы добровольческих дивизий, а и призванные в регулярную армию ходили в своей одежде. Остальные тринадцать дивизий тоже были сформированы, но на фронт не попали, потому что их расформировали, а личный состав вернули к прежнему месту работы.

Член военного совета Московского военного округа дивизионный комиссар Телегин вспоминал, что среди ополченцев оказалось много больных и людей в возрасте — при всем своем желании служить они не могли:

«Сразу выплыли наружу все недостатки поспешного формирования, порой без учета государственной целесообразности. В рядах ополченцев оказалось много больных, людей старше 55 и 60 лет, не годных для полевой походной жизни. На некоторых предприятиях были оголены целые производственные участки...

Руководители предприятий и учреждений просили возвратить незаменимые кадры, а командиры и комиссары дивизий, в свою очередь, посылали рапорты о том, что такое-то количество ополченцев непригод-

но для походов. Пришлось на ходу исправлять эту ошибку».

Из лагерей командование отчислило больных и пожилых бойцов. Вернули некоторых специалистов, о которых слезно просили предприятия оборонного значения. Штат дивизии определили в девять с половиной тысяч человек, фактически было не больше семи тысяч.

Катастрофически не хватало вооружения (см. «Военно-исторический журнал», № 4/2005), на дивизию выдали 162 автомата, 66 минометов и 30 орудий. Вот боевые донесения тех дней: «На 90 бойцов получено 50 учебных патронов. Ждем гранаты. Пока склад полка не дает их... Наши бойцы совершенно не обучены, и в таком состоянии они представляют собой хорошую мишень или пушечное мясо».

5-я дивизия народного ополчения Фрунзенского района Москвы отправилась на фронт своим ходом по Старокалужскому шоссе. Люди шли в штатской одежде. Потом выдали обмундирование — гимнастерки темного цвета, такие же бриджи, обмотки и ботинки. Вместо шинелей — куртки. Оружие — польские винтовки. Несколько дней под Москвой шла боевая подготовка, но стреляли всего два раза, хотя многие впервые взяли в руки винтовку. В сентябре дивизии присвоили общевойсковой номер — 113-я стрелковая дивизия. С октября начались тяжелые бои. Дивизию включили в состав Резервного фронта. Немецкие войска прорвали оборону, 113-я дивизия оказалась в окружении и была уничтожена...

Сформированная в Ростокинском районе 13-я дивизия народного ополчения была включена в состав 32-й армии Резервного фронта. Кадровые командиры сразу определили, что примерно четыре тысячи ополченцев подлежат отправке в тыл — больные, инвалиды и несовершеннолетние. 26 сентября все дивизии на-

родного ополчения стали кадровыми, получили новую нумерацию. 13-ю превратили в 140-ю стрелковую дивизию.

На нее 2 октября пришелся один из главных ударов наступавших немецких войск. Дивизия сражалась мужественно, но просуществовала только десять дней.

«Если бы моя смерть, — писал родным ополченец Д.В. Файнштейн, — могла бы избавить вас всех и весь народ от варваров, я буду считать для себя счастьем умереть за это».

К 13 октября 140-я (Ростокинская) стрелковая дивизия потеряла 95 процентов личного состава! Больше десяти тысяч человек...

2 октября началось наступление немцев на Вяземском направлении. После двух недель боев в окружении оказались 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк. Из двенадцати московских ополченческих дивизий в окружение западнее Вязьмы попали пять. От дивизии Москворецкого района к 12 октября осталось всего 483 человека, от дивизии Ленинского района — 669 человек. Абсолютное большинство ополченцев погибли или попали в плен.

Приказом наркома обороны № 00131 от 27 декабря 1942 года ополченческие дивизии Сталинского, Кировского и Ростокинского районов были «исключены из рядов Рабоче-Крестьянской Красной Армии и расформированы» как погибшие в боях...

Бросать в бой людей немолодых (или слишком юных), не пригодных по состоянию здоровья к военной службе и не имеющих военной подготовки (а часто и оружия), — было не только нелепо, но и вообще преступно. Сталин распорядился заслониться от наступающих немецких танковых частей московским народным ополчением, потому что кадровая армия — по его вине и по вине бесталанных выдвигенцев-генералов — была частично разгромлена, частично взята в плен...

«УДЕРЖИМ ЛИ МОСКВУ?»

13 октября утром у Щербакова прошло срочное собрание московского актива. Задача — сформировать хоть какие-нибудь части и бросить на защиту города. Первый секретарь предложил собрать в районах столицы роты и батальоны из коммунистов и комсомольцев, быстро обучить и влить в действующие части. Вооружить за счет внутренних резервов:

— Оружия не хватает. Наличие оружия лимитирует вопрос о количестве рот и батальонов, которые мы формируем... На оставшихся заводах и оборудовании надо делать оружия больше.

Немцы подошли к Дмитрову. Возник вопрос о взрыве Ивановской плотины, которая перекрывает Волгу и создает так называемое Московское море, оно питает водой столицу. Решили оборонять плотину до последнего.

13 октября по поручению Жукова заместитель начальника штаба Западного фронта генерал-майор Владимир Сергеевич Голушкевич подписал приказ: «Учитывая особо важное значение укрепленного рубежа, объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа Военного совета фронта и армии подлежат расстрелу».

Угрозы расстрела не действовали. Такого рода приказы не могли остановить отступающие советские части. А что касается генерала Голушкевича, то он станет жертвой не немцев, а своих. На следующий год, летом 1942 года, его арестовали особисты. Генерала обвинили в подготовке «террористических актов против руководства партии и правительства».

Георгий Константинович Жуков дал показания в защиту своего начальника штаба: «Лично я знал генерала Голушкевича в бытность его на Западном фронте

в период Московской битвы зимой 1941 года как честного, боевого генерала, и ничего плохого, антисоветского у него в то время не было. Думаю, что он стал жертвой клеветы».

А Голушкевича держали в тюрьме. В конце 1950 года ему предъявили иное обвинение — «ведение антисоветских разговоров». И требовали показания теперь уже на Жукова. На свободу он вышел только после смерти Сталина...

В ночь на 13 октября по приказу председателя исполкома Моссовета Василия Пронина мобилизовали городские автобусы и отправили на них по Ленинградскому шоссе на защиту Калинина (Тверь) целую стрелковую дивизию. Солдаты добирались больше пяти часов. Когда подъехали, бои шли на подступах к городу. Надо было сразу высадить бойцов и действовать, как положено на фронте. Но без разведки двинулись дальше и напоролись на немцев. Часть автобусов попала в руки немцев.

Утром немецкие танки вошли в Калинин.

Город должна была оборонять 30-я армия. Член военного совета армии бригадный комиссар Николай Васильевич Абрамов доложил члену военного совета Западного фронта Булганину (см. «Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы»): «Все население в панике убежало, эвакуированным оказался и весь транспорт. Милиции имелось в городе до девятисот человек и несколько сот человек работников НКВД... 13 октября из города сбежала вся милиция, все работники НКВД и пожарная команда. Настроение у всех руководителей было не защищать город, а бежать из него».

Командование сформировало заградотряд, который останавливал всех, кто бежал в сторону Москвы. Нескольких человек расстреляли. Части 30-й армии вступили в бой, но немцев не остановили. Захватив Калинин, немцы могли окружить столицу с северо-запада.

14 октября немецкие войска повели наступление непосредственно на Москву.

Начальник Управления военных сообщений Красной армии и будущий министр путей сообщения Иван Владимирович Ковалев (см. «Новая и новейшая история», № 3/2005):

«14 октября немецко-фашистские войска захватили город Калинин и попытались расширить прорыв. Возникла непосредственная угроза Москве. Фронт был совсем близко, поэтому его неустойчивость передалась и тыловым учреждениям, и всему городу. Подтолкнули эту неустойчивость слухи, распространявшиеся мгновенно... Появление танков противника в дачном Подмосковье ударило, как обухом по голове...

Выпал первый снег. На улицах летел черный пепел. Это жгли документы в разных учреждениях... Москвичи уходили от немцев... Мы с адъютантом испытали на себе, что такое слухи. Возле пригорода, в Химках, на мосту, нашу машину обстреляли. Потом старший патруля объяснил, что ему приказано обстреливать всех, кто подъезжает к мосту, потому что, по слухам, немецкие мотоциклисты уже вскакивали в Химки, на московскую окраину...

В девять утра поехали в Наркомат обороны. На улице уже снежно, морозец, а мы в фуражках. Едем по улице, видим витрину магазина с зимними шапками, и двери настежь. Дал я деньги адъютанту, чтобы купил нам, четверым, меховые шапки. Он скоро вернулся с шапками и с деньгами. Платить, говорит, некому, в магазине ни души. Пришлось вернуть шапки на место, найти милиционера, он сообщил, куда надо, про этот брошенный магазин. В дальнейшем пути на Арбат видели еще несколько брошенных магазинов с распахнутыми дверьми...»

Накануне, 13 октября, ровно в полдень в здании клуба НКВД на Лубянке на собрании столичных ком-

мунистов выступал Александр Сергеевич Щербаков с докладом «О текущем положении». Он сказал:

— За последнюю неделю наше военное положение ухудшилось. Бои приблизились к границам нашей области. Не будем закрывать глаза — над Москвой нависла угроза.

За пять дней сформировали двадцать пять отдельных рот и батальонов численностью одиннадцать тысяч человек.

14 октября командующий войсками Московского военного округа генерал Артемьев подписал приказ по войскам Московского гарнизона:

«В целях организации непосредственной прочной обороны города Москвы, приказываю:

1. Вокруг города Москвы создать оборонительный рубеж по линии: Ростокино, Лихоборы, Коптево, Химки, Ивановское, Щукино, Петтех, высота 180.4, Кунцево, Матвеевское, Никольское, Зюзино, Волхонка, Багракова.

2. Все работы по оборудованию и укреплению оборонительного рубежа возлагаю на организации Московского Совета.

3. Начальником оборонительного строительства назначаю зам. Председателя исполнительного комитета Московского Совета тов. Яснова М.В.

4. Устанавливаю срок окончания оборонительных работ к 20.10.41.

5. В первую очередь строить противотанковые препятствия (рвы, эскарпы, контрэскарпы, завалы), артиллерийские ДОТы, ДЗОТы и площадки. В последующем — пулеметные ДОТы, ДЗОТы и СОТы.

6. Начальником оборонительного рубежа гор. Москвы назначаю генерал-майора тов. Фролова С.Ф.

7. Для осуществления управления войсками в двухдневный срок сформировать штаб оборонительного рубежа гор. Москвы, согласно прилагаемого штата.

8. Оборонительный рубеж гор. Москвы разбить на пять секторов. В каждом секторе назначить начальника и комиссара сектора и ячейку управления, согласно прилагаемого штата.

9. Московскому Совету выделить из числа формируемых партийно-комсомольских батальонов в распоряжение начальника оборонительного рубежа гор. Москвы необходимое количество этих батальонов после того, как будут сколочены.

10. Артиллерийскую противотанковую оборону на основных направлениях организовать к 17.10.41.

Общее руководство всей артиллерией, расположенной в пределах гор. Москвы, кроме артиллерии ПВО, возлагаю на начальника артиллерии округа генерал-майора т. Устинова.

К этому же сроку на ОП сосредоточить два боевых комплекта.

11. Обеспечение питанием, санитарно-бытовым обслуживанием и автотранспортом возлагается на Московский городской Совет».

Вместе с ним поставил свою подпись член военного совета округа Щербаков. Без подписи члена военного совета приказы командующего были недействительны.

14 октября первый секретарь Дзержинского райкома Иван Фролов вызвал к себе заведующего орготделом Абрама Авдеевича Чудновского и взволнованно сказал, что немцы прорвали фронт и начали стремительное наступление на Москву. Решили: сегодня же ночью эвакуировать женщин, у которых маленькие дети, и мужчин-инвалидов. Был подготовлен и ночью отправлен из Москвы специальный эшелон... На случай отступления из Москвы работники райкома обзавелись винтовками, запаслись сухарями, воблой, кусковым сахаром...

Для обороны Москвы оставалось очень мало войск. Реальной силой, которую можно было немедленно использовать, явились батальоны, сформированные из

добровольцев-москвичей. 15 октября на собрании партийного актива Москвы было принято решение формировать добровольческие коммунистические батальоны.

Первый секретарь обкома и горкома Александр Щербаков говорил:

— За последнюю неделю наше военное положение ухудшилось. Немцы забрали из оккупированных стран всех годных солдат, собрали все имеющиеся автомобили, танки, бронемшины, в том числе трофейные и старых образцов. Гитлер пошел на свою последнюю авантюру, все поставил на карту. Но не будем закрывать глаза — над Москвой нависла угроза.

Уже на следующий день москвичи записывались добровольцами. Вот воспоминание одного из них:

«16 октября в здании школы на Большой Почтовой улице я вступил в коммунистический батальон Бауманского района. Нас выдвинули на одно из самых опасных направлений возможного вражеского удара — на Ленинградское шоссе за Никольской больницей. Здесь тогда кончалась Москва, и конечная остановка троллейбуса № 6 так и называлась «Фронт». Фашистские войска находились в двадцати двух километрах от нас, в деревне Черная Грязь.

Мы были последним заслоном на пути возможного прорыва. Перед нами стояла одна задача — умереть, но не пропустить врага к столице. Основным противотанковым оружием у нас были бутылки с горючей смесью (эта смесь вошла в историю как «молотовский коктейль»).

Эту вязкую горючую смесь разработали в 6-м научно-исследовательском институте Наркомата боеприпасов. Заправкой литровых бутылок ведал Наркомат пищевой промышленности — по распоряжению ГКО от 7 июля «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)».

Бутылкой надо было попасть в кормовую часть танка, где находился мотор. Фосфоросодержащая жидкость вспыхивала на воздухе и заливала мотор.

Бутылки для заправки горючей жидкостью собирали пионеры.

«Каких только бутылок здесь не было! Граненые штофы и полуштофы еще досоветской выделки, бутылки из-под «Спотыкача» и «Рябиновой» (были такие довоенные крепкие напитки), зеленые и довольно тяжелые бутылки из-под минеральной воды, которые особенно ценились бойцами за их необыкновенную «ухватистость».

Пытались использовать для уничтожения танков специально обученных собак:

«К спине собаки крепили противотанковую мину со штырем-взрывателем. При приближении танка собаку выпускали, она пробегала между гусеницами, штырь соприкасался с днищем танка, и мина срабатывала. На тренировках собака, пробежавшая под танком, получала кусок мяса (обычно конины), поэтому игнорировала выстрелы и грохот мотора, охотно бросалась под танк, ловко избегая опасности быть раздавленной гусеницами».

В ночь на 16 октября, в три часа ночи, командиров и комиссаров собрали в Красном зале Моссовета. Совещание проводил заместитель председателя Моссовета (он же руководитель местной противовоздушной обороны) генерал-майор Сергей Фролович Фролов. Батальоны отправили прикрывать подступы к городу по Дмитровскому, Ленинградскому и Волоколамскому шоссе. Боевой приказ — остановить вражеские танки и пехоту. В конце октября из этих батальонов сформировали 3-ю Московскую коммунистическую дивизию. В общей сложности столица поставила под ружье пятьдесят тысяч бойцов и командиров, которые обороняли родной город.

«16 октября 332-ю Ивановскую имени М.В. Фрунзе стрелковую дивизию, в которую входил и мой саперный батальон, разгрузили на окраине Москвы, — вспоминал сапер Михаил Острицкий. — Москва точно вымерла. Ни людей, ни машин. Ночь провели в Чертанове, на кирпичном заводе, а утром выбросили нас на линию обороны, между Подольским и Каширским шоссе. С целью заминировать все лощины, низины, перепады, пологие места, через которые могут проваться в Москву немецкие танки. За пять дней заминировать все и вся. Ставить тысячу мин в день.

Уже началась осенняя распутица. Грязь, холодный дождь. Сушиться негде.

Машина за машиной сгружали противотанковые мины «Ям-5» в деревянном корпусе. Чтобы поставить «Ям-5», надо было вырывать в глинистой почве, в непролазной грязи, лунки. Мины и против танков, и против пехоты. Вперемежку. На откосах скользко, случалось, сапер соскальзывал вниз и взрывался на собственной mine. У кого руку отрывало, кто без глаз остался... Но останавливаться было нельзя: немцы шли на прорыв».

Одна из студенток Московского геолого-разведочного института Солнышко Михайловна Семенова-Ерофеева вступила в коммунистический батальон Красной Пресни. Его отправили под Клин. Вчерашние студенты оказались в районе танкового прорыва противника, который нанес удар в стык двух советских армий — 30-й и 16-й.

«Стрельба все ближе, — вспоминала Семенова-Ерофеева. — По шоссе беспорядочно отходила небольшая группа бойцов, измученных боями. Старшего нет. Убит. Возбужденно кричат:

— Фашистские танки прорвали оборону...

Мы залегли. Из леса прямо на нас двигался фашистский танк, за ним другой, третий... Какое-то было

оцепенение, мы молча смотрели, как на нас движутся танки. Прозвучала команда:

— Гранаты на боевой взвод! Противотанковое ружье к бою!

И вот Юра Радкевич первым бросает одну гранату, другую... Боец из комендантского взвода бьет по танкам из ПТР, противотанкового ружья. Вдруг передний танк остановился и запылал! И в эту минуту упал Юра Радкевич. Бегу к нему, наклоняюсь. Он мертв... Мощный взрыв раздался у нас за спиной. Это снаряд из танка угодил в баньку, возле которой были наши рюкзаки с толом... Пэтээровец замолчал. Ползу к нему. Беру за плечо — убит. Раненых перевязываем. Они вновь стреляют, бросают гранаты.

Погиб командир, а сколько всего бойцов полегло вокруг — сказать трудно. Танки ушли куда-то в сторону, в лес. Захватив двух раненых бойцов, мы перебрались через шоссе и углубились в лес. Наткнулись на опустевший полевой аэродром. Увидев нас, летчики закричали:

— Девчата, вы откуда? Ведь дан приказ об отступлении на этом участке!»

Московская молодежь просто исполняла свой долг. Из знаменитого в те годы Института истории, философии и литературы многие ушли на фронт в первые же дни войны. Это был лучший гуманитарный вуз того времени, воспитавший целое поколение интеллигенции. Как выразился один из его выпускников, ИФЛИ оказался вузом молодых поэтов, безбоязненных полемистов и творчески мыслящих философов. По количеству поэтов и непризнанных гениев ИФЛИ не знал себе равных.

Институт задумывался как кузница идеологических кадров, но там собрались лучшие преподавательские кадры, которые вышли далеко за рамки этой задачи. Учиться в институт приходила и приезжала со всей

страны тянувшаяся к знаниям молодежь, и получился, по словам одного из бывших студентов, «островок свободомыслия среди моря догматизма».

Выпускники института по праву гордились тем, что из ИФЛИ вышел цвет московской интеллигенции. Выпускник ИФЛИ Юрий Павлович Шарапов, фронтовик, известный историк, прислал мне изданный им небольшим тиражом очерк истории института — «Лицей в Сокольниках». И в очерке чуть не на каждой странице знаменитое имя. Правда, многие из студентов ИФЛИ погибли на фронтах Великой Отечественной.

Из ИФЛИ ушли на фронт не только юноши, но и девушки. 31 июля 1941 года приказом по институту отчислили сто тридцать восемь человек в связи с уходом в армию. Как выразился поэт Юрий Левитанский, «это была война детей». Многие погибли.

Студент экономического факультета восемнадцатилетний Ефим Анатольевич Дыскин, наводчик орудия 3-й батареи 694-го истребительно-противотанкового полка, 17 ноября сорок первого подбил семь немецких танков. Трижды раненный, он продолжал вести огонь, пока были силы. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Думали, что посмертно. Оказалось, он выжил. Маршал Жуков после войны рассказал о Ефиме Дыскине, который стал доктором наук, профессором, двадцать лет руководил кафедрой в Военно-медицинской академии и дослужился до генеральских погон...

Студенческий билет давал право на отсрочку от призыва, поэтому записывались добровольцами. Физически крепкие студенты попадали в ставшую знаменитой Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения Наркомата внутренних дел (ОМСБОН), ей предстояло выполнять специальные задачи, в том числе в тылу врага.

Учившиеся на историческом факультете ИФЛИ Александр Израилевич Зевелев и его друзья сначала прошли комиссию в ЦК комсомола, потом медицинскую комиссию на стадионе «Динамо». Форму выдали в Высшей школе НКВД в Большом Кисельном переулке. Учили стрелять и взрывать.

Бригада состояла из двух полков. Одним командовал пограничник подполковник Вячеслав Васильевич Гриднев. Другим — майор Сергей Вячеславович Иванов, выпускник 2-й Московской пехотной школы и Высшей пограничной школы НКВД, а также отец известного дипломата Игоря Иванова, ставшего при Ельцине министром иностранных дел, а при Путине секретарем Совета безопасности. С помощью исполкома Коминтерна сформировали интернациональный батальон из иностранных коммунистов — политэмигрантов.

Боевые группы бригады особого назначения сражались в тылу противника. Среди бойцов бригады — три десятка Героев Советского Союза. Первым «Золотой Звезды» удостоился инженер и недавний секретарь комитета комсомола Второго часового завода Лазарь Паперник. А его боевые товарищи вспоминали, что молодому человеку казалось, будто он недостаточно храбр... За ним Героями стали знаменитый диверсант Николай Кузнецов, командир партизанского отряда Дмитрий Медведев, Надежда Троян, участвовавшая в уничтожении генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе...

16 октября Отдельная мотострелковая бригада особого назначения заняла ключевые позиции в центре Москвы.

«Строем, с песней идем по улице Горького — сектору обороны, порученному нашему взводу, — вспоминал Александр Зевелев тот день. — В недостроенном здании — напротив редакции газеты «Известия» — мы с

Феликсом Курлатом оборудуем пулеметное гнездо. В расчете я номер один, Феликс — номер два. Два дня живем на огневой точке, опасаясь худшего».

Я представляю себе, о чем думали и что ощущали юноши, которые заняли свой первый боевой рубеж в самом центре столицы. В Москве нашлось много людей, которые сказали себе, что умрут, но не отдадут своего города. Поэтому немцы и не прошли. Что касается судьбы этого молодого человека, который в октябре сорок первого лежал в центре нашего города с пулеметом, готовый огнем встретить врага, то он продолжал воевать, зимой сорок третьего был ранен в бою и потерял правую ногу. После пяти операций Александр Зевелев вернулся к гражданской жизни, стал профессором истории.

Среди бойцов бригады особого назначения был будущий академик Александр Ефимович Шейндлин.

«Мы получили оружие, надо сказать, несколько странное — это были винтовки старого образца, производства чуть ли не 1889 года. Некоторым из нас выдали маузеры в деревянных кобурах явно дореволюционного времени. Наше отделение состояло в основном из старшекурсников Института истории, философии и литературы. Моими товарищами оказались будущие поэты Семен Гудзенко и Юрий Левитанский.

16 октября нас подняли по тревоге. Ночью, под густым мокрым снегом, мы строем шли по Москве. Город был пустынен, и даже центр практически никем не охранялся. Разместили нас в Высшей школе пограничных войск у Белорусского вокзала. Кучи разбросанных документов свидетельствовали о спешке, в которой проходила эвакуация пограничников.

Нас разбили на группы для охраны различных районов Москвы. До прихода нашей части даже мосты через Москву-реку не охранялись. Наша группа патрулировала нынешнюю Тверскую улицу. И вдруг без

объявления воздушной тревоги около известного московичам магазина «Диета», куда выстроилась огромная очередь, упала немецкая бомба. Страшно вспоминать множество убитых, в основном женщин и детей».

«В Москве — паника, — вспоминала студентка пятого курса 1-го медицинского института Надежда Матвеевна Оцеп. — Трамваи не ходят. Мелькают легковые и грузовые машины, нагруженные людьми и скарбом. У Никитских Ворот, напротив церкви, где венчался Пушкин, грабят продуктовый магазин.

Мы идем в институт пешком. Но занятий нет. Нас вызывают в административный корпус и вручают дипломы с написанным от руки словом «с отличием» и вычеркнутой фразой «на основании решения экзаменационной комиссии»... Через неделю основной профессорско-преподавательский состав уезжает в эвакуацию. Я иду в военкомат. Он работает круглосуточно. Глубокой ночью меня вызывает военком, и через полчаса выхожу от него с направлением в город Барыш Куйбышевской области, где формируется будущая 55-я стрелковая дивизия. Моя судьба решена».

То, что сделала тогда столичная молодежь, считавшаяся изнеженной и не готовой к суровым испытаниям, заслуживает высочайшего уважения. Московская молодежь стала живым щитом, заслонившим город. Сколько славных, талантливых, не успевших раскрыться молодых людей погибло тогда в боях!

«1 июля, — рассказала Лидия Владимировна Макасова о судьбе товарищей, студентов исторического факультета Московского университета, — мы провожали первых сокурсников, ставших десантниками, — Льва Сечана, Юрия Бауэра и Бориса Ляндеберга. Они добились через МГК ВКП(б) включения в одну из дивизионных групп для работы в немецком тылу. Судьба всех троих одинакова. Короткая подготовка на станции Сходня под Москвой. 8 июля вылет в Киев.

В ночь с 9-го на 10-е они были сброшены на задание на территории Западной Украины. Затем плен, участие в движении Сопротивления, выдача предателем в гестапо, гибель...»

Лидия Максакова опубликовала уцелевшие письма однокурсников, ушедших на фронт («Вопросы истории», № 5/2005). А кто-то и написать ничего не успел, так все быстро произошло:

«В июле студенты истфака отправились на строительство противотанковых рубежей. Почти одновременно другая группа истфаковцев вступила в артиллерийский полк 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. Осенью две группы оказались рядом — в районе Ельни, Дорогобужа, Рославля. В начале октября во время танкового прорыва немецких войск и окружения многие погибли...

Лиза Шамшикова вместе с другими истфаковками закончила школу медсестер, стала командиром санитарного взвода. В декабре 1941 года во время немецкой контратаки вела оборону дома, где находились раненые красноармейцы. Защищая раненых, отстреливалась до последнего патрона. Немцы подожгли дом. Лиза сгорела вместе с бойцами».

Сара Шапиро ушла на фронт санинструктором снайперского батальона. «Девочки, родные, вы понимаете, что значит, когда видишь своего товарища, с которым связана вся твоя теперешняя жизнь, мертвым или со страшными ранами на молодом, сильном теле... Теперь я хорошо знаю, что такое свист пуль над головой и разрывы артснарядов. Не знаю, куда моя трусость девалась...»

4 сентября Константин Забродин, который вступил в истребительный батальон Красной Пресни, писал уже с фронта: «События сложились так, что я был срочно направлен в часть. Работаю замполитрука роты. Через несколько дней иду в бой мстить фашистам за обесче-

ценных девушек Украины и Белоруссии. С нетерпением жду минуты, когда перед глазами появится ненавистная свастика».

Он погиб в бою в сентябре под Москвой.

Потом пошли более оптимистические письма — немца погнали на запад.

Михаил Фельдман писал в октябре 1943 года: «Мы непрерывно в бою. Я был вторично ранен в плечо, но лечился мало, потому что рана была легкая — касательная. Мы брали г. Карачев, Брянск, Кричев, прошли с боями сотни километров. Между прочим, вели бои и овладели теми противотанковыми рвами, которые студенты МГУ и истфака строили в июле 1941 года. Взяли ту деревню, Снопоть, где мы жили с Мишей Гефтером и другими ребятами, — она вся сожжена немцами и нашими снарядами. Левее этой деревни наша дивизия форсировала р. Десна...»

Фельдман тоже не вернулся с войны.

И самая грустная фраза в конце публикации: большинство тех, кто участвовал в войне, ушли из жизни, а их родственники часто не знают или не помнят биографии своих близких. Поэтому некоторые судьбы остались невыясненными...

«Война принесла с собой апологию мести и жестокости, — писал покинувший Россию религиозный философ Георгий Петрович Федотов. — Но та же война разбудила ключи дремавшей нежности к поруганной родине... На маске железного большевицкого робота двадцатых годов постепенно проступают черты человеческого лица».

Вот еще трогательные и откровенные воспоминания:

«Через час я стояла в длинной очереди к дверям комсомольского комитета. Почти все наши студенты уже оказались здесь, и каждый держал в руках заявление о немедленной отправке на фронт. Рядом со мной стоял

в очереди Муня Люмкис в своих неимоверно толстых очках. Я подумала, что его-то как раз на фронт не возьмут, но промолчала, чтобы его не огорчать. Однако он все-таки попал на фронт. Он знал наизусть всю таблицу для проверки зрения и обманул врачей. Это была наша последняя встреча — Муня погиб в первом же бою...

Наконец заработали курсы медсестер. Нас учили оказывать первую помощь, не бояться крови — водили чуть ли не с первых дней в больницу на практику, в основном на операции. Профессор провел с нами беседу:

— Я пришел вам сказать, что главной задачей, которую вы призваны выполнять на фронте, будут не перевязки. И не помощь на поле боя. Ваша задача будет — поднимать настроение воинов... Ну, скажем, обслуживать армию в качестве женщин... Так сказать, половое общение, без которого мужчинам бывает очень трудно. Вы должны понять — для солдат и офицеров, которые будут отлучены от своих семей, вы будете единственными женщинами... Так что перед тем, как идти в армию, подумайте.

Мы всё выслушали, но не были особенно потрясены — мы просто не поверили этому профессору. Потому что у нас никогда и нигде не обсуждалась проблема, которую мы теперь называем проблемой секса. Однако сейчас я думаю, что этот человек во многом был прав и его предупреждение помогло нам правильно повести себя в тех ситуациях, в которые мы попадали во время войны...

В момент бомбежки загорелся соседний дом. Во дворе началась паника. Люди вылезали из дворовой «щели» — окопчика, служившего своего рода бомбоубежищем, и бросались в дом. С воплями вытаскивали свой скарб. Какие-то корзинки, деревянные сундуки, матрасы с одеялами и подушками. Женщины с визгом, толкая друг друга, тащили кастрюли и другую

кухонную утварь. А крыша тем временем уже не тлела, а горела. Я подумала — а ведь люди не хотели спасать свое жилище. Вероятно, надеялись, что им взамен дадут новое жилье в более престижном месте. Ведь сколько пустовало не просто квартир, а целых современных зданий в этот страшный для Москвы час!»

Сейчас даже трудно представить себе, каково пришлось девушкам, которые осенью сорок первого защищали город. Штаб 311-го отдельного батальона местной противовоздушной обороны Ленинградского района Москвы размещался на Беговой улице. Батальон состоял из четырех рот: двух мужских — строительной и пожарной и двух женских — санитарной и дегазационной. Пожарная и дегазационная роты дежурили на крышах московских зданий и тушили зажигательные бомбы. Строительная рота разбирала завалы после бомбардировок, раненых отправляли в больницы, мертвых — в морги.

Девушки из санитарной роты встречали на вокзалах поезда с ранеными и развозили по госпиталям, во время налетов немецкой авиации спускались в метро, превращенное в бомбоубежище, чтобы помогать москвичам, измученным бомбардировками: «Помню, однажды одной из девушек — бойцу батальона — придавило ноги, так она ужасно кричала. Разве это можно забыть...»

Самопожертвование считалось нормой жизни.

«Восемь немецких бомбардировщиков летят на восток, — вспоминал хирург Николай Амосов. — Не быстро, не высоко, спокойно. Безразлично летят — просто долбить станции, дороги, может быть, и санитарные поезда. Не боясь никого.

И тут — наш, родной «ястребок», И-16. Он один и мчится прямо на этих. Стреляет — видны трассирующие пули. Пролетел между ними. Задымился бы хоть один фашист, упал. Нет, летят.

«Ястребок» повернулся, сделал петлю. Слышна стрельба.

— Ну, улетай, что ты сделаешь один, улетай!

Это мы кричим, как будто он может услышать.

Но летчик снова делает заход и прямо сверху пикирует на немцев. Снова короткая сильная стрельба — все они стреляют в него, в одного.

— Он просто ищет смерти!

Истребитель не вышел из пике. Загорелся, черный дым. Падает где-то за холмами. Парашют не появился.

Стоим растерянные, потрясенные, слезы в глазах».

Будущий академик Георгий Аркадьевич Арбатов был курсантом 1-го Московского артиллерийского училища. В один из тех октябрьских дней его вызвали в кабинет начальника училища. Там сидела комиссия. Ему задали вопрос:

— Товарищ курсант, если вам доверят секретную технику и возникнет угроза, что она попадет к врагу, сможете ли вы ее взорвать, рискуя собственной жизнью?

Он ответил не колеблясь:

— Конечно смогу.

Так сформировали группу курсантов для стрельбы из «катюш», которые почему-то именовались «гвардейскими минометами», хотя это была ракетная установка. Отправили на Волоколамское шоссе, оттуда они дали залп. В установку были заложены два ящика тола, которые в случае окружения следовало взорвать, чтобы новое оружие не попало к немцам.

«Потом, на фронте, — вспоминал Арбатов, — я подумал: зачем сидеть на этих ящиках и демонстрировать героизм? Включатель электрического взрывателя можно было отнести подальше в окоп, а вовсе не взрывать себя вместе с машиной. Но таким было время: оно требовало самопожертвования. А может быть, хотели вместе с секретной техникой уничтожить и тех солдат, которые ее знали».

Ночью 18 октября военный совет Московского военного округа принял два решения: просить ГКО ввести в Москве осадное положение, а штаб округа перевести в Горький.

19 октября поздно вечером командующего московским военным округом генерала Артемьева и члена военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны дивизионного комиссара Телегина вызвали в Кремль.

«Остановившись у дверей, — вспоминал Телегин, — мы доложили о прибытии. Обернувшись к нам и не здороваясь, Сталин задал вопрос:

— Каково положение в Москве?

Командующий доложил, что меры к наведению порядка приняты, но они недостаточны.

— Что предлагаете? — спросил Сталин.

— Военный Совет просит ввести в городе осадное положение, — доложил Артемьев».

19 октября Сталин продиктовал постановление ГКО. Оно начиналось так: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на сто—сто двадцать километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах...»

Собрали членов политбюро, генералов и для юридической экспертизы вызвали единственного оставшегося в Москве высокопоставленного прокурорского работника Николая Порфирьевича Афанасьева (см. книгу С. Ушакова, А. Стукалова «Фронт военных приговоров»). Обратившись к нему, Сталин спросил:

— Скажите, какие у нас есть законы об осадном положении?

Прочитав проект, Афанасьев ответил:

— Товарищ Сталин, осадное положение за всю историю советской власти объявлялось лишь однажды

и ненадолго — в период кронштадтского мятежа в Петрограде. А в период Гражданской войны неоднократно и в разных местах объявлялось военное или чрезвычайное положение. Что же касается законов, то специальных законов по таким вопросам не существует. Не было необходимости.

Сталин, как бы раздумывая, сказал:

— Нет, осадное лучше, это строже и более ответственно для людей.

Поинтересовался, есть ли замечания. Все молчали.

— Тогда визируйте.

Вождь поставил свою подпись последним, текст забрал сталинский помощник Александр Николаевич Поскребышев. Уже наступило 20 октября. Передвигаться ночью по городу запретили. Появились военные комендатуры, начались массовые облавы, проверки документов. Хотя обеспечивать порядок было некому, милиции в городе почти не осталось, Московский уголовный розыск эвакуировали в Казань.

16 октября, колеблясь, решая для себя, что делать, Сталин потребовал ответа на главный вопрос у командующего Западным фронтом Жукова: смогут ли войска удержать Москву? Георгий Константинович твердо ответил, что он в этом не сомневается.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал довольный Сталин.

Он боялся уезжать из Москвы. Понимал, какое это произведет впечатление: многие и в стране, и за границей решат, что Советский Союз войну проиграл.

Тем не менее Сталин приказал Жукову:

— Все же набросайте план отхода войск фронта за Москву, но только чтобы кроме вас, Булганина и Соколовского никто не знал о таком плане, иначе могут понять, что за Москву можно и не драться. Через пару дней привезите разработанный план.

Заместитель главы правительства Николай Александрович Булганин был у Жукова членом военного совета фронта, генерал-лейтенант Василий Данилович Соколовский — начальником штаба. Составленный ими план Сталин утвердил без поправок.

Непоколебимая уверенность Жукова в том, что столицу удастся отстоять, удержала Сталина. Выяснилось, что бежать нужды не было. Можно и нужно, выполняя свой долг, сражаться за город.

Но вот что интересно. Сталин, который не любил давать никакой информации, в постановлении о введении осадного положения вдруг прямо называет имена тех, кто обороняет Москву... В тот же день Сталин позвонил ответственному редактору «Красной звезды» и распорядился опубликовать портрет Жукова.

— На какой полосе? — спросил Ортенберг.

— На второй, — ответил Сталин и повесил трубку.

Фотокорреспондент немедленно отправился в Перхушково, где находился штаб Западного фронта. Через час позвонил: Жуков отказывается фотографироваться. Ортенберг соединился с командующим фронтом:

— Георгий Константинович, нам срочно нужен твой портрет для завтрашнего номера газеты.

— Какой там еще портрет? — резко ответил Жуков. — Видишь, что делается?

Узнав, что это указание верховного, согласился.

Редактор «Красной звезды» считал, что Сталин хотел показать москвичам: столицу обороняет человек, на которого они могут положиться.

Жуков потом объяснил Ортенбергу:

— Наивный ты человек. Не по тем причинам он велел тебе напечатать мой портрет. Он не верил, что удастся отстоять Москву, точнее, не особенно верил. Он все время звонил и спрашивал меня: удержим ли Москву? Вот и решил, что в случае потери столицы будет на кого свалить вину...

Если бы немцы все-таки вошли в столицу, жизнь Георгия Константиновича висела бы на волоске. Вождь заранее решил, что за потерю столицы ответит Жуков, как генерал Павлов жизнью ответил за сдачу Минска.

Личное. У края пропасти

«Отец целыми днями где-то пропадал, — рассказывает Ирина Млечина, — помимо театра, он просиживал часами в военкомате, подавая заявление за заявлением о том, чтобы его взяли в московское ополчение. У него была аневризма сердечной аорты, и ему отказывали. Он шел куда-то выше. Наконец где-то наверху ему объяснили примерно следующее: вы руководите театром. Есть твердое распоряжение товарища Сталина о том, что театры в Москве должны работать, несмотря ни на что. Кажется, папа все же нашел военкома, который отдал распоряжение включить его в какое-то подразделение народного ополчения, которое формировалось в Москве и уже частично было на позициях».

«Почти весь мужской состав театра вступил в состав 7-й (Краснопресненской) дивизии Московского ополчения, в том числе, разумеется, и я, — вспоминал Владимир Млечин. — Через три дня, когда я уже сдал дела, меня вызвал ночью секретарь МГК Константин Федорович Калашников, вычеркнул из списка ополченцев основных актеров, на которых держался репертуар, вычеркнул и меня, предложив вернуться в театр и организовать его работу в условиях войны».

Зачем он стремился в ополчение?

Даже вопроса такого не возникало. Нужно сражаться. Не за Сталина, не за советский строй, не за колхозы. За них умирать не хотели... Это была война за свой дом, за свою семью, за свою страну.

К тому времени уже очень многое стало понятным.

Владимир Млечин:

«Один день в ноябре 1937 года переломил всю мою жизнь. Вечером вместе с женой приехал к близкому товарищу, заведовавшему отделом в «важнейшем» учреждении. А буквально через пять минут пришел гость в петличках вместе с дворником, начался обыск — до утра. Хозяина увезли вместе со стенограммами съездов партии, а нас отпустили домой.

Повторяю, это был близкий товарищ, а утром я уже был в МК партии с покаянным заявлением: вот, мол, прозевал «врага народа», казните, милуйте — семенную ссуду проел. Когда я пришел с повинной, там уже был донос: Млечин скрывает связи с разоблаченным врагом народа...

Сколько их было, таких «разоблаченных врагов народа» среди товарищей моих, знакомых и даже подчиненных! Но ничего не потрясло меня так, как та ноябрьская ночь... Я стоял на заметной вышке, где и в хорошую погоду кругом сквозило. Я знал кое-что «запретное», а догадывался о многом, что способно вселить ужас в самое мужественное сердце.

Человек боится неведомого. Это и есть страх. Людей, не знающих страха, не существует вовсе. Меня всегда считали смелым человеком. Это не совсем так. В детстве легко быть смелым, в зрелые годы — тяжелее. Но я делал так, чтобы страх не определял мои мысли и поступки. Своего рода умственная гимнастика.

В неведении о своем завтрашнем дне прожил я по крайней мере года полтора, когда на рассвете исчезали мои товарищи. И каждый стук в дверь отдавался судорогой в сердце. Когда я думаю об этих ночах, память услужливо шепчет слова Некрасова о временах, наступивших после гибели декабристов, когда «свободно рыскал зверь, а человек бродил пугливо». Да, именно пугливо. Это — не страх, это пугливость — свойство душ робких, заячье, оленье свойство. Страх это другое.

В детстве и юности, которая у меня совпала с годами революции и Гражданской войной, я лишь дважды испытал подлинное чувство страха. Как-то мы, дети, поздней осенней ночью шли близкой гурьбой по приснопамятному Суражскому тракту в Витебске, широкой дороге с огромными лужами с двух сторон плохо вымощенного шоссе. И вдруг перед нами взвился громадный белый призрак. Какой-то озорник взобрался на ходули, напялил простыню и внезапно появился перед детьми, напичканными суевериями и небылицами. Всех объял ужас, дети оцепенели, потом раздались вопль и плач. Но тут подошли отставшие, празднично настроенные взрослые, которые ничего в темноте не заметили, успокоили детишек, маленьких понесли на руках... Через много лет на польском фронте возле Лиды я физически почувствовал, как волосы дыбом встают.

Что ни говори, изрядно досталось моему поколению. Я был ни лучше, ни хуже своих сверстников. Жил в полную меру сил, дышал, что называется, во всю глубину легких, ввязывался в любую драку — кулачную или, позже, идейную, если считал дело справедливым. Мальчишкой на льду Западной Двины приобщился к древнему искусству кулачного боя. Нравы были суровые, и это закаляло. С младенческих лет эмпирически постиг истину: полез в драку, не жалей хохла.

Четырнадцать лет я уехал из дому в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), там учился жить самостоятельно, там вступил в революцию, в Гражданскую войну. Хватало всякого. Но за изъятием этих формажорных эпизодов, не вспомню случаев, когда при грозной опасности склонен был к «паникмахерству», хотя у собственного носа видел мушку махновского нагана, видел направленный на меня ствол бандитской винтовки.

Жили бесстрашно, верили в завтрашний день, в грядущий день. Что значили невзгоды перед лицом

мировой революции, в атмосфере энтузиазма и непреклонной силы веры? Вот-вот начнется царство социализма на земле.

Мы верили, как первые христиане. Конечно, мы не жили, как первые христиане или члены послереволюционных коммун. Понемногу стали обрастать барахлишком, порой бражничали, изрядно грешили против заповеди, касающейся жены ближнего. Но все это было поверхностное, наносное. Конечно, были признаки тревожные. Но все-таки жили по инерции, жили беззаботно, хотя и напряженно, трудно порой, пока небо не расколосось над собственной головой.

У Маркса, если не ошибаюсь, есть понятие: «смелость невежества». Я бы еще сказал: «смелость невинности». Ребенок без дрожи зайдет в клетку к самому лютому тигру, протянет ручку погладить злую собаку — он не ведает опасности. Так, взрослыми детьми, жили и мы, пока не разразилась катастрофа — раскулачивание, потом большой террор.

Когда-то Достоевский больше всего потряс меня изображением детских страданий. Может быть, потому что рос я в условиях отнюдь не легких. Помню мать в слезах, когда не было хлеба для ребят. Помню ее маленькую, слабую с мешком муки — пудик, полтора — за спиной, кошелкой картофеля в одной руке, а в другой ручка маленькой, едва ли двухлетней сестры, шлепающей по грязи Суражского тракта, помню окружающую нищету, неизмеримо более горькую, чем у нас. Словом, страдания детей — мой пунктик.

Сколько прошло с 1929 года, когда шло раскулачивание? И по сию пору не могу забыть крестьянских ребятишек, которых вместе с жалким скарбом грузили в подводы и вывозили из насиженных мест, порой в дождь, в слякоть, в холод. Я этого видеть не мог...

Я стал постигать, что идеей великой революционной целесообразности прикрываются дела невыноси-

мые, преступные, ужасные. А в ту ноябрьскую ночь, когда арестовали моего товарища, я заглянул в бездну. И, как часто происходит с людьми, пережившими смертельную опасность, я иными глазами посмотрел на происходящее».

Но когда напали немцы, отношение к советской власти уже не имело значения. Главное было защитить страну, дом, семью.

Батальонный комиссар запаса (с опытом Гражданской войны) Владимир Млечин предпринял еще одну попытку уйти на фронт: «Главный редактор «Известий» Л.Я. Ровинский в моем присутствии по «вертушке» просил А.С. Щербакова, секретаря МК и МГК (он же начальник ГлавПУРа) отпустить меня спецкором «Известий» на один из фронтов. Щербаков ответил, что в политуправлении огромный резерв литераторов любой квалификации, а подбирать руководителя театра сейчас не время. Мне пришлось вернуться в театр».

Лев Яковлевич Ровинский не сумел переубедить Щербакова. Ровинский, много лет проработавший в «Правде», стал главным редактором «Известий» за два месяца до войны и оставался им до октября 1944 года, когда неожиданно для многих был снят с должности и отправлен — с большим понижением — в только что созданный еженедельник «Война и рабочий класс» (переименованный потом в «Новое время»). Много позже я тоже работал заместителем главного редактора журнала «Новое время» и застал ветеранов, которые добром вспоминали решительного и уверенного в себе Льва Ровинского.

В военную пору Владимир Млечин сохранил театр. В сентябре сорок первого Театр Революции показал премьеру пьесы Михаила Семеновича Гуса и Константина Яковлевича Финна «Ключи от Берлина». В сорок втором выпустили семь постановок. Первым в стране Театр Революции отказался от государственной дотации.

29 апреля 1942 года заместитель председателя Комитета по делам искусств при Совнаркомом СССР Александр Васильевич Солодовников подписал обращение к местным управлениям по делам искусств и руководителям театров:

«Стремясь к всемерной мобилизации средств для усиления оборонной мощи Советского Союза и скорейшего разгрома немецко-фашистских оккупантов... Московский театр Революции отказался от запланированной ранее дотации и переходит на самоокупаемость...

Комитет по делам искусств при СНК СССР предлагает всем директорам и художественным руководителям театров обсудить на собрании своих коллективов вопрос о всемерном увеличении доходов театра и возможности отказа от дотации путем улучшения художественного качества спектаклей, расширения контингента зрителей и сокращения расходов».

За свой счет театр совершил большую гастрольную шефскую поездку по военным гарнизонам и передал значительную сумму в фонд обороны. В ответ пришла правительственная телеграмма:

«Директору Московского театра Революции тов. Млечину

Прошу передать сотрудникам коллектива Московского театра Революции, собравшим 29 370 рублей на строительство авиаэскадрильи, мой братский привет и благодарность Красной армии.

И. Сталин».

ГОТОВЫ УМЕРЕТЬ В БОЮ

6 ноября заведующий военным отделом горкома и обкома партии Александр Иванович Чугунов доложил Щербакову:

«Согласно Ваших указаний, данных 24 октября, во всех районах гор. Москвы организованы подразделения истребителей танков... Бойцы подобраны из состава добровольцев, отчетливо сознают задачи, стоящие перед ними, и усиленно тренируются в броске гранат по неподвижным и движущимся целям. Все провели метание боевыми гранатами... Согласно вашему указанию бойцы готовились с отрывом от производства с тем, чтобы 28—29 октября направиться для выполнения боевых задач...

Я несколько раз ставил перед командованием МВО вопрос о переводе истребителей в войска, занимающие боевые рубежи. Член Военного Совета т. Телегин 5 ноября заявил, что они примут только лиц, имеющих на вооружении винтовки и пулеметы. Следовательно, из 2340 чел. мы можем послать только 650 чел. Это решение считаю неправильным.

Целесообразнее из состава истребителей организовать специальные батальоны, придаваемые боевым участкам. Для этой цели необходимо всех истребителей зачислить в кадры Красной армии и начать боевое сколачивание батальонов. Их довооружение стрелковым оружием можно осуществить в ближайшие недели за счет ППШ, изготавливаемых на московских заводах».

Все, кто в те дни записывался в истребители танков, понимали, что идут на верную смерть. Понимали это и готовы были погибнуть в бою за Москву.

«НАДО УХОДИТЬ В ПОДПОЛЬЕ!»

Москвичи не испугались, не струсили, не отдали себя на милость Гитлера, а продолжали сражаться за свой город. В столице готовились к уличным боям.

Приказ командующего войсками Московского военного округа генерал-лейтенанта Артемьева зву-

чал пугающе. Война вступала на улицы нашего города:

«21 октября приступить к постройке огневых точек и баррикад в окрестностях, непосредственно прилегающих к городу Москве, на площадях и улицах внутри города Москвы...

В системе обороны города Москвы создать три оборонительных рубежа:

первый рубеж непосредственно по окраинам города вдоль окружной железной дороги;

второй рубеж — по Садовому кольцу;

третий рубеж — по кольцу «А» и реке Москва (с юга)...»

Готовились воевать уже не на окраинах города, а в самом центре.

Старая Москва должна была стать полем боя:

«Оборона на подступах и в самом городе должна быть в первую очередь противотанковой (рвы, эскарпы, контрэскарпы, надолбы, мины, ежи, завалы). Систему огня и заграждений строить по принципу опорных пунктов с пристрелом улиц. Огневые средства разрешаю устанавливать в приспособленных подвальных, квартирных и чердачных помещениях. В тех домах и квартирах, где это будет производиться, жителей переселить в другие дома распоряжением райисполкомов...»

В тот же день, 21 октября, «Красная звезда» опубликовала статью генерала Артемьева, где основной смысл его приказа излагался понятными всем словами: «Улицы могут стать местом жарких боев, штыковых атак, рукопашных схваток с врагом. Это значит, что каждая улица уже сейчас должна приобрести боевой облик, каждый дом должен стать укреплением, каждое окно — огневой точкой и каждый житель — солдатом».

Вот строчки, написанные в самые трудные дни: «Фронт приближается к нам. Очень и очень не хочет-

ся допустить мысли, что будут здесь уличные бои. Но зверь фашистский силен, и надо быть готовым к этому. На улицах Москвы строят баррикады с ежами из рельс...»

Противотанковые ежи были придуманы именно в ту войну. Через несколько дней после нападения немцев начальник Киевского танкового училища генерал-майор технических войск Михаил Львович Гориккер предложил свое изобретение — три рельса, сваренные в форме звездочки, ее название — «Звездочка Гориккера». Если танк пытался преодолеть препятствие, то еж крутился и пропарывал ему днище. Генерал исходил из того, что это должна быть максимально простая конструкция, которую можно сварить на месте. Так появились знаменитые противотанковые ежи.

Руководитель Москвы Александр Щербаков вызвал начальника управления НКВД Журавлева и исполнявшего обязанности начальника контрразведывательного отдела Сергея Михайловича Федосеева, которому 4 октября присвоили звание капитана госбезопасности. Щербаков сказал, что готовится группа парработников, которых оставят на подпольной работе:

— Мы не имеем недостатка в людях. Главное — отобрать тех, кто лучше подходит для работы в нелегальных условиях. Люди должны обладать опытом и навыками работы в массах. Им предстоит создать опорные пункты, через которые мы могли бы доводить до населения объективную информацию о том, что происходит на фронте и в тылу. Отбором людей занимается секретарь горкома Павлюков. Вам надлежит обеспечить профессиональную сторону дела.

Чекисты осторожно обратили внимание руководителя Москвы на то, что костяк партийного подполья — секретари райкомов и председатели райсоветов — люди известные в городе и области. Их же могут узнать и выдать!

— Опасность, которую предвидишь, — уже не опасность, — возразил Щербаков. — Не мне вам объяснять, что существуют методы маскировки, к которым прибегают нелегалы. Ваша обязанность — научить подпольщиков практически пользоваться этими методами. И не забывайте того, что мы имеем дело с людьми, которые в полной мере отдают себе отчет в том, на какое опасное дело они идут, и делают свой выбор сознательно.

Щербаков ответил резко, потому что он знал позицию Сталина: подпольщиков и партизан должны возглавить местные партийные руководители. Еще 18 июля Сталин подписал постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором требовал, чтобы партийные секретари сами руководили подпольем и партизанскими отрядами, и угрожал карами тем, кто эвакуировался: «Все еще нередки случаи, когда руководители партийных и советских организаций в районах, подвергшихся угрозе захвата, позорно бросают свои боевые посты, отходят в глубокий тыл, на спокойные места, превращаются на деле в дезертиров и жалких трусов».

За один день в подпольную партийную организацию мобилизовали примерно восемьсот человек! Среди них были видные в городе люди.

«Был отобран ряд партийных работников и переведен на другую работу, — вспоминал второй секретарь московского горкома Георгий Попов. — Одного секретаря райкома назначили инспектором райторготдела, другого сотрудником домоуправления, управляющий делами обкома стал мясником в магазине. Хорошо, что это не понадобилось, но дало много интересного в смысле познания жизни. Люди, перешедшие с ответственных постов на рядовую работу, многие проблемы увидели другими глазами...»

Среди партийных работников, которые согласились остаться в подполье:

секретарь Пролетарского райкома партии Клавдия Дмитриевна Бутузова (она потом стала заместителем заведующего отделом строительства и архитектуры ЦК КПСС);

секретарь Москворецкого райкома партии Олимпиада Васильевна Козлова (впоследствии ректор Инженерно-экономического института имени Орджоникидзе);

председатель Краснопресненского райсовета Нина Васильевна Попова (потом секретарь ВЦСПС); секретарь Первомайского райкома партии Константин Петрович Черняев (затем управляющий делами ЦК КПСС, заместитель председателя комитета по науке и технике);

секретарь горкома партии Константин Федорович Калашников (в 1942 году его назначили начальником политуправления Волховского фронта). Он отвечал за работу подпольных типографий, которые должны были печатать листовки.

Семьи будущих подпольщиков эвакуировали. Каждому придумали биографию, которая объясняла, почему он сам не эвакуировался, а остался в Москве. Поэтому место работы подбирали в коммунальных службах, городском хозяйстве, торговле. Всех устроили кладовщиками, табельщиками, кассирами, слесарями. Им меняли фамилии и сочиняли новую биографию. В НКВД готовили документы прикрытия — паспорт на другую фамилию, военный и профсоюзный билет, трудовую книжку. Писали письма от мнимых родственников и друзей. В лаборатории монтировали домашние фотографии.

Помимо чекистов и партработников нашлись сотни москвичей, которые, понимая, что они рискуют собственной жизнью, согласились остаться в Москве, если ее захватят немцы, и продолжить борьбу с врагом в подполье.

Подпольщикам объясняли, как вести себя на оккупированной территории, учили обнаруживать слежку, уходить от преследования, выявлять провокаторов. Связь должна была осуществляться через курьеров и с помощью заранее оборудованных тайников.

«Я заехал на Садовую-Каретную улицу, — вспоминал один партийный работник, — и в комнате первого этажа бывшего 3-го Дома Советов нашел старого близкого товарища, работавшего в обкоме партии. Оказалось, что он, выполняя спецзадание, живет под чужой фамилией под видом сельского жителя. Под полой расстегнутого стеганого ватника за ремнем брюк была видна рукоятка пистолета».

Первый секретарь Сокольнического райкома комсомола Григорий Михайлович Коварский рассказывал:

«15 октября часов в восемь вечера позвонил секретарь райкома партии. Выслушав его, я невольно попросил повторить сказанное, так как оно не укладывалось в сознании. Положив трубку, набрал телефон второго секретаря горкома комсомола Михаила Морозова. Тот подтвердил услышанное: фашисты значительно усилили натиск... Необходимо ликвидировать все райкомовские документы, оставив себе только печать. Мы собрали все оставшиеся в райкоме бумаги и сожгли их в котельной соседнего завода...

Мне было дано задание — получить оружие и боеприпасы для формируемых в районе коммунистического батальона и подразделений истребителей танков, а также для боевой группы работников аппарата райкомов партии и комсомола.

18 октября я отправился в Колпачный переулок».

Здесь располагались горком и обком комсомола. В столичном горкоме комсомола работали тогда двадцать шесть человек — четыре секретаря, два заместителя заведующих отделами, два заведующих секторами,

десять инструкторов, статистик, бухгалтер, технический секретарь и две машинистки.

Отделы обычные для комсомольских структур: организационно-инструкторский, студенческой молодежи, школ, военно-физкультурный, по работе среди комсомольцев и молодежи, промышленности и транспорта, пропаганды и агитации. В условиях военного времени появился еще и отдел по работе комсомольских организаций на дровозаготовках.

Григорий Коварский:

«В горкоме комсомола на столе, за которым мы привыкли сидеть на совещаниях, стоял станковый пулемет, и секретари райкомов были заняты отработкой действий пулеметных номеров. Первый секретарь горкома Анатолий Пегов открыл сейф и вручил нам по две тысячи рублей на «непредвиденные», по его выражению, расходы райкома. Деньги эти почти полностью мы вернули ему в марте 1942 года...

В райкоме побывал секретарь горкома по военной работе Александр Николаевич Шелепин в своей неизменной желтой куртке с маузером в деревянной кобуре на ремне. Приехал он неожиданно, и еще более неожиданной оказалась цель его приезда.

— Надо, — сказал он, — подобрать трех-четырех хороших надежных комсомольцев в дублирующий состав бюро Сокольнического райкома.

Увидев недоумение на моем лице, он невесело улыбнулся:

— Ну, знаешь, как это бывает у футбольной команды.

А затем поставил задачу подготовить подполье. Уезжая, Александр Николаевич сказал, что немцы уже в районе Звенигорода на западе и в районе Крюкова на северо-западе».

В «Истории боевых действий частей Московской зоны обороны» говорится: «Городские подземные

коммуникации (метро, подземные галереи, коллекторы и пр.) по сути дела представляли собой готовую и хорошо развитую сеть подземных ходов сообщений и минных галерей, пользуясь которыми как наши войска, так и противник могли забрасывать мелкие группы в тыл или подводить мины под занятые врагами сооружения...»

Свои записки оставил секретарь Коминтерновского райкома комсомола Федор Елисеевич Медведев. 22 октября его вызвали к первому секретарю горкома комсомола Анатолию Пегову. Он показал написанное от руки решение бюро горкома о создании подпольной организации московского комсомола. Руководители подполья — секретарь Ростокинского райкома Владимир Иванович Васильев, конспиративная кличка Владимир, и Федор Емельянович Медведев, подпольная кличка Степан.

Медведев поехал к секретарю горкома партии Владимиру Константиновичу Павлюкову, тот завел будущего подпольщика в кабинет Щербакова. Александр Сергеевич спросил:

— Опасность представляешь?

— Да, если ошибусь, окажусь на немецкой виселице.

«Я сдал паспорт, партбилет, комсомольский билет, — вспоминал Федор Медведев. — Мне вручили новые документы. Отныне я Степанов Евгений Антонович. Получил новый паспорт. Назвали мне адрес конспиративной квартиры на 2-й Тверской-Ямской и предприятие, на котором буду работать, — на одном из заводов Краснопресненского района. Здесь, видимо, было указание: придет Степанов — дайте дело.

Начальник цеха отвел меня к мастеру.

— Твое дело, — объяснил мастер, — быть паяльщиком. Смотри, как это делается.

Я терпеливо выслушивал различные издевки и терпел. На четвертый день я паял уже почти нормально.

Идет война, а я не в армии. У меня зрение минус четыре, я объяснил, что таких в армию не берут.

В горькоме представитель партийного центра объяснил:

— Ваша задача: владеть информацией, чем живет Москва, что производит, что из нее вывозят, кто чем занимается. Вот мой телефон. Не записывайте. Запомните. Звонить с любого уличного автомата. Если в трубке услышите «Сокол», сразу называйте свой шифр: «Говорит К-2» — что означает комсомол...

В ходе отбора подпольщиков возникли чисто технические вопросы: с оформлением новых документов, предоставлением конспиративного жилья, подысканием других мест работы. Я набрал номер.

— «Сокол», — отвечает номер.

— Говорит К-2. Прошу срочно встречу.

Он, помедлив, называет место и время. Час мы ходим по скверу, на котором стоит памятник защитникам Плевны, и обсуждаем ситуацию. «Сокол» велел ждать, а сам отлучился к Политехническому, вошел в кабину телефона-автомата. Вернувшись, сказал:

— Первое. Вашим конспираторам никаких новых документов, второе — никаких новых квартир, третье — никаких новых работ. Каждый остается на своем месте, в своем коллективе. Нужна только конспиративная кличка. Тут есть нюанс — конспирация в своем же коллективе. Не открывая себя, находить путь к информации о жизни коллектива. Пусть конспираторы учатся ее доставать и доставлять. Вы ее получаете в устной форме на личных встречах...

Конспиративные вечера и ночи, которые стали системой, раскрывают мне общую картину подполья и характеризуют товарищей. Каждому вручен график: день, место, час встречи. Важна первая встреча. Вот как она состоялась в ЦУМе. Стоим у кассы. Примечаю — он. Прошу пропустить меня вне очереди,

молю — спешу, еду в Донец. Он широко улыбнулся, и мы отошли. Наш товарищ взял себе конспиративное имя Донец. Спрашиваю, что сейчас покупают, как на строения...

Подпольщики изучали Москву, свои районы, собирали нужную информацию, приходили на конспиративные встречи. Из ста четырех товарищей от нас по разным причинам ушли восемнадцать. Мы не пополняли свои ряды — уже не было необходимости».

Похоже, чекисты — раз немцы не ворвались в город — просто-напросто превратили подготовленных подпольщиков-добровольцев в обычных осведомителей.

По архивным данным, союзный НКВД и московское управление подготовили для городского подполья шестьсот с лишним человек. Большая часть должна была заниматься сбором разведывательной информации, примерно двести человек — диверсиями, несколько десятков — актами индивидуального террора, остальным предстояло распространять листовки и антигерманские слухи.

В основном это были люди из агентурно-осведомительной сети. Иначе говоря, те, кого именовали секретными сотрудниками, то есть осведомители. Это были очень разные люди. Осведомителем, работавшим с иностранцами, начинал Николай Иванович Кузнецов, его тоже хотели оставить в подполье. Впоследствии он был удостоен звания Героя Советского Союза за смелые акции в тылу врага. Но, как правило, осведомители не отличаются мужеством и надежностью...

Среди этих пятисот лишь несколько десятков были профессиональными чекистами. Каждому предстояло руководить небольшими агентурными группами. Главным резидентом утвердили начальника 2-го (контрразведывательного) управления Наркомата внутренних

дел комиссара госбезопасности 3-го ранга Павла Васильевича Федотова. Ему тоже предстояло остаться в оккупированном городе.

Павел Федотов сделал карьеру в секретно-политическом отделе, который занимался борьбой с политической оппозицией, а в реальности плодил липовые дела по обвинениям в троцкизме, вредительстве и антисоветских заговорах. Он немало преуспел на поприще фальсификации дел на невинных людей. В 1959 году Федотова уволят из КГБ и лишат генеральского звания «за нарушения социалистической законности»...

В Москве ему должны были подчиняться три самостоятельные резидентуры.

Одной руководил капитан госбезопасности Сергей Федосеев. Он окончил семилетку и фабрично-заводское училище, работал в комсомоле на железной дороге. В 1937 году его приняли в Центральную школу НКВД. После ее окончания успешно делал карьеру в московском управлении. В августе сорок первого Федосеева утвердили начальником контрразведывательного отдела областного управления. Он дослужится до полковника, в 1953 году его уволят из органов «по фактам дискредитации». Но потом его взяли в только что созданный комитет госбезопасности, и он служил во 2-м главном управлении (контрразведка).

Второй резидентурой руководил майор госбезопасности Виктор Александрович Дроздов. Его устроили на работу в аптечное хозяйство. После прихода вермахта он должен был предложить свои услуги оккупационной власти и войти к немцам в доверие.

Дроздов окончил двухклассное училище, служил в Красной армии, потом его взяли в ЧК. Он много лет служил на Украине, потом в Сталинграде. В апреле сорок первого его перевели в столицу заместителем начальника столичной милиции по оперативной ча-

сти. 3 октября перевели во 2-й (диверсионно-террористический) отдел НКВД. Считалось, что в Москве его мало знали.

В 1945 году его снимут с должности за злоупотребления по службе — «присвоение вещей лиц, проходивших по следственным делам, неуплата денег за полученные продукты, использование штатной сотрудницы в качестве домработницы и направление своим знакомым посылок за счет спецсредств». Но ему все простили. Несколько лет он служил на Украине заместителем министра госбезопасности и начальником управления «2-Н», отвечал за борьбу с националистическим подпольем. В 1950 году Дроздова утвердили начальником Бюро № 2 (проведение актов террора внутри страны) МГБ СССР. После ареста Берии уволили из органов по болезни.

Третью резидентуру поручили Павлу Яковлевичу Мешику. После окончания Высшей пограничной школы ОГПУ он служил в органах госбезопасности по контрразведке в народном хозяйстве. С началом войны возглавил экономическое управление НКВД. Потом его перевели в главное управление военной контрразведки Смерш, к Абакумову. После войны Мешик был заместителем начальника 1-го главного управления, которое занималось созданием ядерного оружия. В 1953 году Берия отправил его на Украину министром внутренних дел. Это назначение дорого обошлось Павлу Мешику. Его арестовали в Киеве вслед за Берией и вместе с ним расстреляли...

На случай взятия немцами Москвы было принято решение оставить в городе и пять нелегальных резидентур военной разведки. Людей в них подобрали самых обычных, не имеющих опыта конспиративной работы — учителей, инженеров, рабочих, артистов. Согласился среди других и артист московского цирка Карандаш.

Среди тех, кто согласился остаться в городском подполье, был студент МГУ Александр Шитов. Он сменил фамилию и стал Алексеевым. Позже остался служить в разведке и со временем был отправлен на Кубу — устанавливать отношения с Фиделем Кастро.

Чекисты подобрали явочные квартиры, заложили склады с оружием и взрывчаткой. Для явок намеревались использовать мастерские, парикмахерские, небольшие магазины, где появление людей было бы мотивировано.

3 октября в аппарате НКВД образовали 2-й отдел для организации террора и диверсий в тылу врага. Начальником отдела назначили Павла Анатольевича Судоплатова, который прославился тем, что своими руками убил одного из руководителей боевой организации украинских националистов.

Судоплатов после войны рассказывал, что на месте нынешнего Театра кукол Сергея Образцова в сорок первом была стройка. Там в подвале разместили мощную радиостанцию для будущей подпольной резидентуры, и она обеспечивала связь с Куйбышевом.

Подпольщики должны были организовать серию диверсий против важных немецких объектов и убивать заметных деятелей оккупационного режима. Важно было запугать не столько немцев, сколько тех, кто пожелает с ними сотрудничать. Отбить желание идти к немцам на службу.

Судоплатов же рассказывал, что его подчиненный Михаил Борисович Маклярский придумал и группу боевиков из четырех человек. Они должны были изображать эстрадную группу. Одна женщина выдавала себя за жонглера, но жонглировать ей следовало боевыми гранатами. Предлагалось, что во время концерта для немецких оккупационных войск она бросит их прямо в зрительный зал...

Михаил Маклярский служил в госбезопасности с 1927 года. В мае 1937 года его арестовали по приказу наркома Ежова по обвинению в участии «в террористической организации на канале Москва—Волга». Но ему страшно повезло — через три месяца отпустили. 3 октября 1941 года его назначили начальником отделения во 2-й отдел НКВД, через неделю присвоили спецзвание — капитан госбезопасности.

Михаил Маклярский был человеком одаренным. После войны, когда его уволили из Министерства госбезопасности, переквалифицировался в драматурги. По его сценарию поставили знаменитый фильм «Подвиг разведчика» и многие другие приключенческие ленты. Он получил две Сталинские премии — пока его не арестовали по обвинению в принадлежности к «сионистскому заговору в Министерстве государственной безопасности». Освободили после смерти Сталина... Так что фантазии ему было не занимать. Но идею женщины-жонглера, которая бросает гранаты прямо в зрительный зал, Павел Судоплатов то ли придумал уже на пенсии, то ли его люди и в самом деле в октябре сорок первого представляли начальству совершенно фантастические планы. Неужели начальство в это верило?

К взрыву подготовили не только здания ЦК партии, наркоматов, гостиниц и некоторых жилых домов, но и Центральный телеграф, Дом правительства, Дом Союзов, Большой театр, храм Василия Блаженного... Приказ об их взрыве должен был отдать первый заместитель наркома внутренних дел Богдан Захарович Кобулов.

На случай сдачи Москвы уже была написана и отпечатана первая листовка, которую подпольщики собирались распространять в оккупированном городе:

«Под напором превосходящих сил противника наши войска временно оставили Москву. Тяжелая

утрата! Но слезами горю не поможешь. За свою многовековую историю Москва и москвичи переносили и не такие удары и всегда выходили победителями...

История никогда не забудет того, как русский народ и Михаил Кутузов били и морозили в Москве и под Москвой французов. В армии Наполеона немало было и немцев, предков нынешних людоедов. А Гитлер и его банда об этом, видимо, забыли.

Так напомним же им этот исторический урок, товарищи москвичи! Убивайте, истребляйте каждого немецкого оккупанта, как бешеную собаку! Взрывайте мосты и дороги, разрушайте телефонную и телеграфную связь, поджигайте склады и обозы, срывайте все вражеские мероприятия...»

Листовка не понадобилась.

Осенью сорок первого в столице, к которой вплотную придвинулся фронт, секретарь московского городского комитета комсомола по военной работе Александр Николаевич Шелепин отбирал добровольцев для партизанских отрядов, для диверсий в тылу врага.

Сам он, к слову, не воевал в ту лихую годину. Несколько месяцев провел на финской войне — заместителем политрука, комиссаром эскадрона, а в Великой Отечественной не участвовал, за что потом его будут упрекать: других отправлял в бой, а сам отсиживался в Москве.

18 июля 1941 года появилось постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу немецких войск». Московский обком создал областной штаб по руководству подпольем и партизанскими отрядами в области. Его возглавил секретарь обкома С.Я. Яковлев. Образовали двенадцать подпольных окружных комитетов партии, которые должны были действовать на занятой врагом территории.

Немецкие войска оккупировали семнадцать районов Московской области полностью и десять частич-

но. 26 сентября начальник управления НКВД Михаил Журавлев утвердил «План мероприятий по переходу истребительных отрядов батальонов области к борьбе с противником на занятой им территории:

1. В случае необходимости все истребительные батальоны области переходят к борьбе с противником партизанским методом и методами диверсий.

2. В связи с этим в истребительных батальонах области заранее произвести тщательный персональный отбор тех бойцов, которые смогут выполнять указанные задачи. Аналогичный отбор произвести и в батальонах города из бойцов, хорошо знающих районы области северо-западного, западного, южного и юго-восточного направлений.

3. Через РК ВКП(б) и РО УНКВД МО выявить всех лиц, могущих быть использованными для партизанской и диверсионной деятельности в каждом районе области, и доукомплектовать ими партизанские отряды...»

Партизанские отряды формировались на основе истребительных батальонов с задачей «действовать главным образом на железных и шоссейных дорогах с целью дезорганизации движения на них и максимального уничтожения живой силы и материальной части противника».

При московском обкоме был создан штаб, который должен был руководить партийным подпольем и партизанскими отрядами, возглавил его секретарь обкома Сергей Яковлев. Сформировали двенадцать подпольных окружных комитетов партии. В лесах заложили около ста тайников с продовольствием и оружием.

Приняли решение: «Организовать при 88-м истребительном батальоне спецшколу по подготовке кадров для диверсионных групп и партизанских отрядов с переменным составом в двести человек. Срок обучения в спецшколе установить в десять дней. Занятия в школе начать с 1 октября с. г.».

88-й батальон — спецшкола, где готовили разведчиков и диверсантов-подрывников. Школа располагалась в бывшем доме отдыха областного управления НКВД в селе Северском Коломенского района Московской области. Спецшкола выпустила 855 диверсантов-подрывников.

Истребительные батальоны в оккупированных районах Подмосковья должны были превратиться в партизанские отряды. Задача — диверсионные операции, уничтожение живой силы и техники врага. В лесах заложили около ста тайников с продовольствием и оружием.

«Я работала в аппарате городского комитета партии, — вспоминает Фаина Петровна Осипова (Самойлова). — Нас готовили к работе в тылу врага. Обучали азбуке Морзе, стрелять из автомата. Меня назначили связной и перебросили в одну из деревень под Дмитровом. Переодели в крестьянскую одежду, поселили в дом к двум старичкам и сказали, чтобы я прикинулась глухонемой. Каждый день по нескольку раз я таскала из пруда воду и заливала горку. Во время этой работы ко мне подходил человек, делал вид, что заигрывает, и в потайное место под воротником засовывал шифровальные записки. Мороз той осенью был жгучий. Снег выпал рано, в середине октября».

Медсестра одной из разведывательно-диверсионных групп вспоминала: «Одеты мы были в ватные черные брюки и телогрейки, шапки-ушанки. Из оружия почти у всех были винтовки, только у командира и комиссара были автоматы. У меня были гранаты, револьвер и санитарная сумка».

Подготовкой партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп занимался аппарат НКВД. Военной формы на складе не нашлось. Зато на складах Наркомата внутренних дел полно было одежды для заключенных, в нее партизан и переодели.

Первый секретарь Краснополянского райкома Московской области Петр Александрович Латышев рассказывал: «Мы подобрали в отряд человек шестьдесят. В основном в отряд входили работники райкома партии, исполкома райсовета, районного отдела земледелия, председатели сельсоветов, председатели колхозов. Заложили четыре продовольственные базы и пять баз боеприпасов. Была землянка сделана на сорок человек, там были две маленькие печки».

В конце сорок первого года издательство ЦК ВЛКСМ выпустило пособие под названием «Жизнь на снегу», потом «Спутник партизана» (тираж — пятьдесят тысяч экземпляров) с простейшими советами, как выжить в лесу.

Например, как найти пропитание в лесу?

«На войне бывают иногда такие моменты, когда надо подольше растянуть имеющийся паек, когда дорог становится каждый кусок хлеба, каждая щепоть муки. Тогда большим подспорьем может послужить древесная мука.

Известно, что по наружной части древесины — заболони — проходит вода и различные питательные вещества, извлекаемые деревом из почвы. Вот из этой заболони и готовится древесная мука. Лучше всего воспользоваться для этой цели сосной. С молодого дерева осторожно срезается верхний слой коры. Остается внутренний слой, прилегающий непосредственно к древесине. На нем проводятся два кольцеобразных надреза на расстоянии метра один от другого, а затем между ними делаются еще продольные надрезы.

Полоски коры осторожно соскабливаются острым ножом. Их режут потом на мелкие кусочки и варят в нескольких водах, чтобы уничтожить привкус смолы. После варки кору сушат до тех пор, пока она не станет совершенно хрупкой. Теперь ее можно растолочь и растереть в муку.

Обычно сосновая мука примешивается к ржаной муке на одну четверть или наполовину. Употребляется и самостоятельно. Вместе с водой она замешивается в тесто; иногда добавляется кислое молоко. Тесто раскатывается очень тонко. Затем из него пекут лепешки. Они вполне съедобны и питательны...»

Автор «Спутника» — писатель Юрий Германович Вебер, который работал редактором военного отдела журнала ЦК ВЛКСМ «Техника — молодежи». Белобилетник, он 5 июля 1941 года ушел добровольцем в дивизию народного ополчения Куйбышевского района. В августе армейские врачи отправили его домой. В дни обороны Москвы по заданию ЦК комсомола Юрий Вебер написал книгу-пособие для молодых партизан. За эту книгу он удостоился благодарности маршала Ворошилова, назначенного начальником Центрального штаба партизанского движения, и медали «Партизану Отечественной войны» первой степени.

Партизаны не понимали, почему регулярная армия бежит, если они, партизаны, продолжают борьбу: «Впечатление было такое: мы уходим в партизанский отряд, а армия спасовала. Мы очень много вывели красноармейцев, которые шли из-под Вязьмы, Рославля. Давали помощь раненым. В октябре началась паника, когда одиночки и целые подразделения армии бежали, бросали оружие. Мы сделали заградительные отряды, людей направляли к коменданту города. Отбирали у задержанных оружие, если оно у них было».

К секретарю горкома Александру Шелепину пришла проситься в партизаны ученица 201-й московской школы Зоя Космодемьянская. Он не сразу определил ее в отряд. Принимали тех, кто говорил, что готов умереть за дело Сталина. Шелепину показалось: Зоя боится, что не сможет провести операцию, и он ей отказал. А потом все-таки включил девушку в список.

Ее трагическая судьба так потрясла людей даже в те суровые времена, что на смерть девушки откликнулась вся страна. Посмертно ей присвоили звание Героя Советского Союза. Зоя стала символом стойкости и мужества.

Совсем не официозная поэтесса Маргарита Алигер написала получившую громкую известность и удостоенную Сталинской премии поэму «Зоя», патетически воспев в ней в духе тех лет и секретаря горкома комсомола Александра Шелепина:

Октябрьским деньком, невысоким и мгlistым,
В Москве, окруженной немецкой подковой,
Товарищ Шелепин, ты был коммунистом
Со всей справедливостью нашей суровой...
Ты не ошибся в этом бойце,
Секретарь Московского Комитета...

Это уже была всесоюзная слава, сыгравшая свою роль в его комсомольской карьере.

Личное. Железный Шурик

Фамилия секретаря московского горкома комсомола по военной работе Александра Николаевича Шелепина уже не раз встречалась на страницах этой книги. Ему суждено было сделать фантастическую карьеру. В пору расцвета его за глаза называли «железным Шуриком», с намеком на «железного Феликса».

Александр Николаевич вошел в историю как человек, организовавший осенью шестьдесят четвертого года свержение Хрущева. Когда Никиту Сергеевича сняли со всех постов и отправили на пенсию, многие именно Шелепина считали самым реальным кандидатом на пост руководителя партии и государства. Влиятельные и весьма близкие к высшей власти люди уверенно говорили, что Леонид Ильич Брежнев —

фигура слабая и временная и скоро его сменит Шелепин.

Но Брежнев и его окружение постепенно оттеснили Шелепина от власти. Его изъяли из большой политики. Исчезли его фотографии, перестали упоминать его имя.

Я увидел его впервые в середине семидесятых годов на Северном Кавказе, в городе Железноводске, известном своими минеральными водами. Я учился тогда в Московском университете и жарким летом оказался вместе с родителями в санатории «Дубовая роща», где поправляли здоровье те, кто, говоря медицинским языком, жаловался на органы пищеварения. Санаторий был для начальства, поэтому все друг друга знали, встречали и провожали друг друга в соответствии с занимаемой должностью. Пожалуй, единственным свободным от чиновничества был я, как лицо в ту пору очень молодое и неноменклатурное.

Но все лечившиеся в санатории начальники, союзного или местного значения, в упор не замечали одного из отдыхающих, немолодого уже человека в трикотажной рубашке с короткими рукавами. И не потому, что он никому не был известен. Совсем наоборот. Его-то знали все и каждый. Но, встретив его в столовой или на дорожке, ведущей к источнику минеральной воды, те, кто постыдливее, отводили взор и заговаривали с женой, остальные равнодушно скользили по нему взглядом, даже не делая попытки поздороваться.

Решительно никто не желал оказаться рядом с ним даже в лифте или тем более сесть за один столик. А вдруг кто-то доложит о странном интересе к опальному политику? О чем это он с ним говорил? Подсел к нему... Прогуливался вместе... А зачем? Уж не группа ли сколачивается, может быть, новая политическая оппозиция?

В роли санаторского прокаженного пребывал Александр Николаевич Шелепин, недавний член политбюро, бывший комсомольский вожак, бывший председатель КГБ, бывший глава комитета партийно-государственного контроля, бывший секретарь ЦК и заместитель председателя Совета министров СССР.

Несложно было заметить, что и Шелепин инстинктивно сторонился людей. Повсюду ходил один, погруженный в свои мысли. Могу себе представить, каково ему было видеть чиновничью рать, которая прежде заискивала перед ним, за три шага шапку ломала, а теперь даже не здоровалась.

И во всем немаленьком санатории только мои родители самым любезным образом приветствовали опального политика. Не потому что они были знакомы. Раньше видели его только на трибуне или на портретах. Но как не поздороваться с человеком, с которым каждый день сталкиваешься нос к носу? А если другие — из трусости — его не замечают, тем более следует быть вдвойне вежливым и внимательным.

Той завидной осторожности, которой в избытке обладали наши чиновные соседи по санаторию, у моих родителей не было. За что я их люблю и уважаю, хотя в конце концов именно это обернулось для отца бедой. Общение с еще одним опальным политиком стоило ему любимой работы, и уже они оказались в положении прокаженных, которых не узнавали недавние приятели. Ну, да это другая история.

В столовой я сидел лицом к входу, родители спиной. Поэтому получалось так, что каждое утро Шелепин, который — пойдя история иным путем — вполне мог стать главой нашего государства, входя в столовую, со мной одним приветливо здоровался и желал мне приятного аппетита, на который я в те годы и так не жаловался.

Маму эта забавная ситуация очень веселила. Она шутила:

— Раньше он с Леонидом Ильичом здоровался, теперь с тобой...

Один из членов политбюро вспоминал, как, перебравшись из Ленинграда в столицу, обнаружил, что в центральных органах власти, в правительстве, аппарате ЦК, было поразительно мало москвичей. Тон задавали напористые провинциалы из разных кланов. Это было не случайностью, а результатом продуманной кадровой политики. Руководители страны не любили столичных жителей, потому что среди них оказалось много сторонников Шелепина.

Я застал его на излете. А у молодого Шелепина — я потом видел его старые фотографии, просматривал кинохронику, взятую в Красногорском архиве, — было очень выразительное, интересное лицо. Взгляд внимательный, даже пронзительный. Вот таким он и был, когда к нему пришла никому еще не известная московская школьница Зоя Космодемьянская.

ПАРТИЗАНЫ И ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

Много позже некоторые историки и писатели косвенно поставят ему в вину гибель Зои. Судьба ее была ужасной. Сделать она фактически ничего не успела — немцы ее сразу поймали и как поджигательницу казнили.

Но справедливо ли возлагать вину за смерть девушки на секретаря горкома комсомола Шелепина? Зоя Космодемьянская и другие молодые (и немолодые) москвичи и без него ушли бы на фронт — одни в ополчение, другие в разведывательно-диверсионные отряды.

Все началось с того, что Сталин приказал авиации и артиллерии уничтожить деревни, где жили советские

люди, сжигать их дома, то есть крестьяне лишались шанса выжить военной зимой. Приказ Ставки Верховного главнокомандования № 0428 от 17 ноября 1941 года подписали Сталин и начальник Генерального штаба маршал Шапошников:

«Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтной полосе в населенных пунктах.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и низложение его армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе немедленно бросить авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и подготовленные диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами...

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать...

Ставке каждые три дня отдельной строкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничтоже-

ны за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты».

Приказ коротко называли так: «Гнать немцев на мороз!»

Невероятно жестокий приказ! Сжигать дома и уничтожать целые деревни на своей (не вражеской!) территории — такое военные не могли придумать. Это явно была сталинская идея. И когда он диктовал этот приказ, его мало волновало, что немцы-то в любом случае организуют себе ночлег, а вот крестьянские семьи, лишившись дома, не переживут трудную военную зиму. Приказ рьяно исполняли: засылали группы факельщиков жечь дома, обстреливали их артиллерией, самолеты сыпали на деревни зажигательные бомбы.

Немцы охотно воспользовались этим приказом, чтобы заставить местных жителей служить им: не хотите остаться в мороз без дома? Охраняйте себя сами. Так и произошло. Спасали дома от поджогов. Разведчиков и партизан передавали немцам. Выходит, сталинский приказ прямо подталкивал людей к сотрудничеству с немцами... Знаменитый диверсант-подрывник полковник Илья Григорьевич Старинов считал приказ № 0428 «сталинским ударом по партизанам» (см. журнал «Российская история», № 3/2010).

«После этого приказа, — вспоминал командир одного из партизанских отрядов в Подмосковье, — мы уже потеряли связь с населением».

Но в отчетах партизанских отрядов появилась строка о количестве сожженных деревень и отдельных домов... Именно этот сталинский приказ и привел к трагической гибели московской школьницы Зои Космодемьянской.

Недостатка в добровольцах, готовых отправиться в тыл врага и исполнить волю вождя, не было. Московская молодежь не щадила себя.

Зою Космодемьянскую направили в воинскую часть № 9903, которой были поручены разведка и диверсии на временно оккупированных территориях. Реальное название — Оперативный диверсионный пункт при штабе Западного фронта. Командиром назначили военного разведчика майора Августа Карловича Спрогиса, участника Гражданской войны и боевых действий в Испании. Первоначально в школе проходили передподготовку бойцы и командиры Красной армии. Когда ситуация на фронте ухудшилась, стали принимать москвичей-комсомольцев.

Секретарь Коминтерновского райкома комсомола Вячеслав Владимирович Янчевский вспоминал, как ему позвонил Александр Шелепин и сказал:

— Для работы в тылу врага надо подобрать надежных парней. Желательно блондинов и голубоглазых. Но, самое главное, они должны безукоризненно владеть немецким языком. Поищи в школьных или институтских организациях, а может, кто в наркоматах остался?

К вечеру собрали группу молодых людей, которых передали для обучения в воинскую часть № 9903, которой командовал майор Спрогис.

Новичков направляли в диверсионно-разведывательную школу. В Кунцеве, в помещении детского сада, вчерашних школьников наскоро готовили к диверсионной работе. Учили самому элементарному: стрелять, закладывать взрывчатку.

Обычно полный курс проходили за десять дней. И это-то был ничтожно короткий срок, а группу Зои сочли готовой к заброске в тыл врага уже через четыре дня. Двум юношам — Петру Смирнову и Илье Брюккеру — было всего шестнадцать лет! Отправить на сложнейшее задание необученную молодежь — значит заведомо обречь ее на гибель. Оправдывались ли военной необходимостью эти жертвы? Такова была воля

вождя, и командиры спешили отчитаться об исполнении сталинского приказа.

Мобилизованные столичным комсомолом юноши и девушки поступали в полное распоряжение военных и чекистов. Это они так варварски распорядились судьбами московской молодежи. В диверсионные группы с сентября по декабрь сорок первого взяли две тысячи юношей и девушек. Той зимой погиб каждый четвертый.

Группа, в которую включили Зою Космодемьянскую, получила приказ поджигать населенные пункты, занятые немцами, хотя уже было известно, что отправленные в тыл врага неопытные диверсанты действуют неумело и быстро попадают в руки немцев.

В письменном приказе говорилось («Красная звезда», 16 февраля 2002):

«Проникнуть за линию фронта с задачей сожжения населенных пунктов в тылу противника, в которых находятся части противника. Вы обязаны сжечь следующие населенные пункты, занятые немцами...

После уничтожения этих пунктов задание считается выполненным. Срок выполнения задания 5—7 дней с момента перехода линии фронта».

Отдельно оговаривалось поведение группы после возвращения к своим:

«О своей работе не докладывайте. Просите, чтобы оказали содействие к доставке вас к разведотдел Западного фронта к майору Спрогису...»

Каждому вручили по три бутылки с зажигательной смесью и продукты. Мужчинам — по бутылке водки, можно было взять две. В ночь на 22 ноября сразу две группы перешли линию фронта возле Наро-Фоминска. Но дальше все пошло не по плану. Воспитанники Спрогиса натолкнулись на немцев. Несколько человек погибли, остальные решили возвращаться. Трое, в том числе Зоя Космодемьянская, попытались выполнить приказ.

Как и следовало ожидать, местное население возненавидело людей, сжигающих их дома, и сдавало их немцам. Подмосковные крестьяне, хватавшие переодетых в штатское диверсантов, не были предателями. Они спасали свои семьи от неминуемой смерти. Зима в тот год выдалась особенно холодной. Они же не знали, что дома сжигаются по личному приказу любимого вождя, товарища Сталина.

Немецкая полевая жандармерия пойманных диверсантов после недолгого допроса вешала. Казнь совершалась публично. На грудь прикрепляли фанерную табличку с надписью «поджигатель» на двух языках.

Пять дней они двигались в сторону деревни Петрищево. Ночью 27 ноября двое из них пробрались в деревню, перерезали провод полевого телефона и подожгли конюшню. Загорелась и изба крестьянина Петра Свиридова. Тот выскочил из избы, схватил поджигателей и передал немцам.

Один — Василий Клубков — предпочел все рассказать. Он согласился работать на немцев, которые отправили перевербованного агента назад, в расположение Красной армии. Он попал в руки чекистов, и его расстреляли.

Зоя на допросе упорно молчала, даже не выдала свое настоящее имя. Она назвала себя Таней в честь героини Гражданской войны Тани Соломахи, которую изрубили белоказаки. Утром 29 ноября Зою Космодемьянскую повесили.

Когда немцев из этого района выбили, туда приехал корреспондент «Правды» Петр Лидов. Ему рассказали эту историю. Эксгумировали труп и с трудом опознали десятиклассницу 201-й московской школы Зою Космодемьянскую. Очерк появился в «Правде» 27 января 1942 года и произвел ошеломляющее впечатление.

Вот тогда майор Август Спрогис написал секретарю московского горкома комсомола Александру Шелепи-

ну: «Комсомолка Космодемьянская Зоя Анатольевна при выполнении специального задания командования разведывательного отдела штаба Западного фронта 30 ноября — 1 декабря в деревне Петрищево Верейского района была казнена немецкими фашистами».

Судя по всему, майор Спрогис мало что знал о том, как погибли отправленные им бойцы. Но уверенно написал:

«Зоя Анатольевна умерла смертью героя с лозунгами «Смерть немецким оккупантам! Да здравствует социалистическая Родина! Да здравствует товарищ Сталин!».

Героическую смерть несчастной девушки без зазрения совести использовали для восхваления вождя...

Фронтвик и литературный критик Лазарь Ильич Лазарев пересказывает в своих записках слова режиссера Лео Оскаровича Арнштама, который еще во время войны, в сорок четвертом, снял фильм о Зое Космодемьянской:

«Он был уверен, что эта девочка, с военно-прагматической точки зрения ничего существенного не совершившая, была человеком незаурядным, из той породы, что и Жанна д'Арк. Она жила высокими помыслами и страстями.

Советско-германский пакт тридцать девятого года вызвал у нее такое возмущение, такой нервный срыв, что ее положили в больницу. Со школьных лет она была одержима идеей героического жертвенного подвига. Искала случая, чтобы его совершить». Очень дурно Арнштам говорил о Шелепине как о человеке, который несет немалую ответственность за то, что «цвет московской молодежи» угробили без всякого смысла и пользы. Там, куда забрасывали эти группы, в одну из которых входила Зоя, — сто километров от Москвы — условий для партизанской войны не было никаких, они были обречены.

С еще большим негодованием говорил он о матери Зои: она снимала пенки с гибели дочери, она славы ради вытолкнула в добровольцы младшего брата Зои, Александр Космодемьянский по возрасту еще не должен был призываться, и мальчишка погиб.

— Когда фильм был готов, — рассказывал Лео Оскарович, — я со страхом думал о том, как она его будет смотреть. Ведь там пытаются и казнят героиню. Это актриса, но ведь за ней стоит ее дочь, ее страшная судьба. А она мне говорит: «По-моему, ее мало пытаются». Я ужаснулся...»

И без того жестокая война унесла множество жизней, которые можно было сохранить, если бы не действовал принцип — «любой ценой!». Воевали так, как привыкли жить: не жалея человеческих жизней. Технику берегли — она стоила денег. За потерю танка или артиллерийского орудия командира могли отстранить от должности, отдать под трибунал. За бессмысленно погибших подчиненных спрашивали редко...

«Начальнику управления НКВД Московской области старшему майору государственной безопасности тов. Журавлеву

РАПОРТ

26 ноября 1941 г. помощник начальника оперпункта разведотдела 33 армии капитан Смирнов сообщил мне нижеследующий факт легкомысленного отношения к формированию диверсионных групп, предназначенных для действия в тылу противника.

Пушкинским райотделом УНКВД Московской области была сформирована диверсионная группа в составе четырнадцати человек. Боевая подготовка была произведена плохо, бойцы даже не умели обращаться с гранатами и горючей жидкостью. Начальник группы тов. Породин был назначен буквально за несколько минут до выступления и не знал своих бойцов.

При переходе линии фронта бойцы вели себя недисциплинированно, шумели, курили.

В нескольких стах метрах от линии фронта у одного из бойцов от неизвестной причины вспыхнула горячая жидкость. Снаряжение на нем было подогнано неправильно, он не имел возможности сбросить с себя сумку с горючей жидкостью, и пламя охватило его. Остальные бойцы растерялись, не знали, что им предпринять. Вскоре на них также вспыхнула одежда. Возникла паника.

Подоспевшие красноармейцы под угрозой оружия заставили горевших бойцов сбросить с себя одежду и этим несколько уменьшили количество жертв.

Два бойца от полученных ожогов умерли, три бойца получили тяжелые ожоги, пятеро получили ушибы и легкие ранения.

Работники разведотдела армии отмечают, что случаи плохого инструктажа перебрасываемых диверсионных групп не единичны, и просят принять соответствующие меры.

Оперуполномоченный 3-го КРО УНКВД МО
младший лейтенант госбезопасности
Шейнюк

27 ноября 1941 года».

Впрочем, случались и другие истории. Некоторые бойцы записывались в диверсионные группы, чтобы перейти на ту сторону фронта и дезертировать, — не хотели воевать. Особенно часто это происходило с теми, чьи семьи оказались на оккупированной территории. Они убегали из армии и надеялись пробраться к родным.

Начальник политуправления Юго-Западного фронта дивизионный комиссар Сергей Федорович Галаджев 9 декабря отдал распоряжение всем начальникам политотделов:

«В частях фронта имели место факты, когда отдельные командиры и политработники, посылая добровольцев на задания по выкуриванию немцев из хат, не изучали политической благонадежности этих добровольцев.

Командир 9-й стрелковой роты 383-го стрелкового полка 121-й стрелковой дивизии младший лейтенант т. Собокарь получил задачу уничтожить населенный пункт, где располагались немцы. Для этой цели ему дали пять красноармейцев-добровольцев из состава 4-й стрелковой роты. В пути «добровольцы» убили младшего лейтенанта Собокаря и дезертировали к врагу. Только один красноармеец возвратился в часть.

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Тщательно проверять и готовить всех добровольцев-охотников, посылаемых на выкуривание немцев из хат, уничтожение живой силы и техники врага.

2. Потребовать от командиров и политработников всесторонне изучать всех добровольцев. Отчислить из состава добровольцев лиц, не внушающих политического доверия. Особенно осторожно относиться к лицам, происходящим из временно оккупированных территорий, при изъявлении ими желания быть добровольцем в разведке и подобных мероприятиях».

РЕЧЬ НА ПАРАДЕ

«Поразительна все-таки какая-то стихийная сила России, — записывал в дневнике профессор Леонид Тимофеев, — которая, несмотря на весь идиотизм, пронизывающий нашу систему сверху донизу, позволяет ей уже пять месяцев бороться буквально со всей Европой. Говорят, что 7-го в Москве будет парад! Рискованно, но умно. Политический эффект от этого

будет равен военному успеху и сильно ударит по престижу Германии...»

Выслушав очередной доклад командующего Московским военным округом генерал-полковника Павла Артемьева, Сталин поинтересовался:

— Вы готовитесь к параду войск Московского гарнизона в ознаменование 24-й годовщины Октябрьской революции?

Вопрос застиг Артемьева врасплох.

— Товарищ Сталин, мы все отдали на фронт. Вряд ли наберем нужное для парада количество войск. Танков у меня ни одного нет. Артиллерия — вся на огневых позициях...

Но распоряжения вождя не обсуждаются.

Вернувшись в штаб, Артемьев собрал членов военного совета. Решили вывести на парад курсантов Окружного военно-политического училища, Краснознаменного артиллерийского училища, один полк 2-й Московской стрелковой дивизии, один полк 332-й дивизии имени Фрунзе, части дивизии имени Дзержинского, Московский флотский экипаж, Особый батальон военного совета округа и Московской зоны обороны, сводный зенитный полк ПВО и два танковых батальона резерва Ставки, которые должны были 7 ноября прибыть из Мурманска или Архангельска.

Сохраняя тайну, командирам и комиссарам частей и училищ говорили, что есть намерение провести смотр частей, отправляющихся на фронт, показать их москвичам, поэтому надо заняться строевой подготовкой. За несколько дней до парада штаб тыла Красной армии получил указание выдать Московскому военному округу зимнее обмундирование — валенки, полушубки, ушанки и стальные каски. О том, что им предстоит участвовать в параде, командирам частей сообщили только накануне, 6 ноября, в одиннадцать вечера.

Генерал-лейтенант Николай Спиридонов, комендант Кремля, получил приказ подготовить Красную площадь к параду. Сталин распорядился в ночь на 7 ноября снять маскировочные чехлы со звезд на Кремлевских башнях и открыть Мавзолей. Он был укрыт ящиками с песком и суровым полотном, на котором был нарисован дом — окна, двери. Сталин распорядился подогнать к Красной площади кареты скорой помощи — на случай налета вражеской авиации. Но предупредил:

— Парад войск не будем приостанавливать ни при каких обстоятельствах.

Накануне парада, 6 ноября, рядовой стрелкового полка войск противовоздушной обороны Москвы Дмитриев устроил засаду на Красной площади возле памятника Минину и Пожарскому. Он несколько раз выстрелил по правительственным машинам, которые выезжали из Кремля. Никто не пострадал.

Дмитриева задержали. Он утверждал на допросе, что хотел отомстить руководителям страны, которые говорили, что Красная армия — самая сильная в мире, что наша армия непобедима, а в реальности позволили немецким войскам дойти до самой Москвы... Дмитриева расстреляли.

Больше никто не пытался помешать проведению военного парада в Москве.

Накануне, 6 ноября, на станции метро «Маяковская» провели торжественное заседание Московского Совета, посвященное Октябрьской революции. С самого утра поезда Горьковско-Замоскворецкой линии не останавливались на «Маяковской».

Вход охраняла группа автоматчиков. Пропускали по пригласительным билетам. В среднем зале ярко освещенной станции расставили мебель. Обитую курачом трибуну доставили из Большого театра. Стулья принесли из находившихся по соседству Концертного

зала имени Чайковского, кинотеатра «Аквариум», Театра сатиры и Театра кукол Сергея Образцова. Через весь зал от эскалаторов до трибуны проложили красную ковровую дорожку. С одной стороны состав из шести вагонов использовали как гардероб, чтобы участники заседания могли раздеться. С другой, в составе из восьми вагонов, накрыли столы и организовали буфет — булочки, бутерброды и мандарины. В одном из вагонов разместились артисты, участники праздничного концерта.

Руководителей партии и правительства доставили на специальном составе. В 19.30 началось торжественное заседание. Его открыл председатель Мосгорисполкома Пронин. Выступил Сталин. После заседания в комнате президиума командующий Московским военным округом Артемьев доложил, что парад на следующий день начнется в восемь утра. Поздно ночью раздали билеты для прохода на Красную площадь.

В ночь на 7 ноября шел сильный снег, и это обезопасило столицу от немецкой авиации. Тем не менее на подмосковных аэродромах в готовности номер один находились пятьсот пятьдесят самолетов, вспоминал генерал-полковник Даниил Журавлев, командующий Московским фронтом ПВО. Расчеты зенитного полка, который тоже прошел через Красную площадь, имели в нарушение обычного порядка комплект боеприпасов и были готовы остановиться и открыть огонь, если бы появились немецкие самолеты.

Микрофоны на площади включили заранее, и стоявшие внизу слышали, как вошедший на трибуну Сталин пожаловался:

— А здорово поддувает.

Принимал парад маршал Семен Михайлович Буденный, командовал парадом генерал-лейтенант Артемьев.

Сначала прошли курсанты оставшихся в Москве военных училищ, части нескольких дивизий, моряки Московского флотского экипажа, появилась конница, тачанки, танки. .

«Всю ночь был шум — это шли танки на парад к утру, — записала в дневнике Мария Андреевна Буковская. — Конечно, этот «знаковый» парад в восемь часов утра, под прикрытием войск ПВО ничем не напоминал грандиозные имперские действия тридцатых годов.

Утро морозное. Поземка вьется по брусчатке, колючий снег падает на спины озябших солдат. Их слишком мало для громадного пространства Красной площади. Скромный военный оркестр играет торжественный марш, эхом отзывается «ура!».

Играл сводный оркестр штаба округа, дирижировал военный интендант 1-го ранга (было тогда такое военное звание) Василий Иванович Агапкин.

Автор двенадцати строевых и девяти встречных маршей (самый знаменитый — «Прощание славянки»), Агапкин еще до революции был военным музыкантом. Много лет он был капельмейстером Центральной (Высшей) школы ОГПУ—НКВД, потом руководил оркестром Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения.

Только 2 ноября он узнал, что ему предстоит. Репетировал наскоро собранный оркестр в Хамовниках. Мороз усилился. Мелкие инструменты отогревали под шинелями, крупные прикрывали от ветра. И пальцы мерзли... Но сыграли!

В фильме, посвященном параду, диктор говорил: «Сразу после марша мимо Мавзолея, на котором находились члены правительства, полки, засыпанные мокрым снегом, направлялись прямо на передовую и вступали в бой».

Это придумали идеологические чиновники. Части московского гарнизона должны были остаться в сто-

лице. Да и не могли бы они принять бой, поскольку их выводили на Красную площадь фактически без оружия и боеприпасов. Сталин безумно боялся покушения, и особисты следили за тем, чтобы участвующие в параде стрелять не могли.

— Пусть вдохновляет вас в этой войне, — говорил на параде Сталин, — мужественный образ наших великих предшественников — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Записать речь на пленку не удалось, потому что работники кинохроник на парад опоздали. Пришлось воздвигнуть деревянную трибуну в Свердловском зале первого корпуса Кремля. Сталин сначала отказался:

— Что я вам, артист?

Но все-таки вновь прочитал свою речь — на сей раз только для кинокамеры. Эти кадры вклеили в фильм о параде на Красной площади. Но все эти мелочи не имели значения, потому что речь вождя была знаковой — своего рода смена вех: от советского патриотизма — к русскому.

Идеи пропаганды русского патриотизма витали в воздухе.

Характерно, что 13 октября полковой комиссар Брагинский из ГлавПУРа обратился в ЦК с предложением создать газету для масс — «для русского крестьянина-колхозника, для каждой домашней хозяйки», рассказывать в ней «об оскорблении немцами русского национального достоинства»: «Газета должна быть максимально советско-русской газетой. Воспитывать чувство патриотизма, понимание того, что «что русскому здорово, то немцу смерть»... Может быть, назвать ее «Русская Правда».

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) ответило, что «осуществить издание такой газеты в настоящее время нет возможности».

«Во время войны, — писал профессор Ефим Григорьевич Эткинд, — обнаружилось нечто неожиданное для всех, и прежде всего для партийного руководства: привлекательность сталинского социализма не настолько велика, чтобы за это кто-нибудь хотел умирать... Возвышенные речи о недалеком коммунистическом будущем уже после первых поражений 1941 года уступили место прославлению Родины, России, даже Святой Руси, в армии появились православные священники, ордена Суворова, Кутузова, Ушакова, Александра Невского.

Самый популярный в то время стихотворец Константин Симонов твердил, как заклинание, слово «русский». Стихи Симонова сослужили свою службу — они поднимали дух разгромленной армии, они возрождали потерянный было смысл жизни и главное — смысл смерти. Конечно, огромное большинство армии состояло из русских солдат и офицеров. А как было жить и умирать другим, тем, кто не мог повторить слова Симонова? Ведь он был горд тем, что «русская мать нас на свет родила». А другие, которых на свет родила не русская мать?..

Все началось с кризиса социалистической идеологии, которую пришлось поспешно заменить патриотизмом, до сих пор повсеместно и высокомерно отвергавшимся советскими идеологами. Подчеркнуто русский патриотизм, который был призван достойно противостоять германскому национализму...»

Таких других было немало, о чем написал известный советский переводчик и знаток Центральной Азии Семен Липкин:

«Сталин первым понял, что его держава есть прежде всего наследница русской монархии. Надо осторожно, без излишней поспешности, восстановить ее природное русское начало. Задача была не из легких: подавляя, воскрешать... Сталин понял, что нужна идея

национальная, то есть русская, державная. Он был прав. Но, как всегда, не умел ухватить взглядом всей сделки в целом. Он был узок, хотя и глазаст. Хорошо понимая мощную, заразительную силу немецкого национализма, он не принял в расчет то обстоятельство, что немцы составляли подавляющее большинство населения, а наше государство — многонациональное.

Между тем интеллигенция нерусских народов гораздо сильнее, острее испытывала боль национально-го угнетения, чем интеллигенция русская. В свои молодые и более зрелые годы я редко встречал русских интеллигентов, даже относившихся к режиму критически, которые страдали бы оттого, что попораны русское национальное сознание, Русская православная церковь. Встречал, но — повторяю — редко.

Но те интеллигенты Средней Азии, Татарии, Северного Кавказа, которые мне доверяли, болезненно реагировали на свое национальное неравенство, на гибель мусульманской культуры... Русская интеллигенция была отторгнута от народа, от его веры, в то время как интеллигенция народов мусульманских никогда не отделяла себя от религиозных убеждений народа, от его обрядов (даже коммунисты Средней Азии до сих пор, храня обычай, обрезают мальчиков), от его не столько социальных, сколько национальных чаяний. Мне известны антиклерикальные высказывания мусульманской интеллигенции, но я никогда не слышал антирелигиозных.

И вот мусульмане и немусульмане воспрянули, заволновались. А чем хуже русских монастырей грузинские и армянские? А чем хуже русских князей и царей Бабур, поэт и завоеватель Индии, хромец Тимур, украсивший Самарканд поразительными медресе и мечетями, его внук Улугбек, всемирно знаменитый астроном, имам Дагестана Шамиль, возглавивший справедливую войну горцев? Стали появляться про-

изведения, посвященные выдающимся деятелям прошлого...»

Но если разрешалось возвеличивать героев русской истории, то остальным это строжайше запрещалось. Иначе говоря, что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Партийные чиновники в Москве выискивали идеологические грехи в работах историков во всех союзных и автономных республиках. Это заложило основы будущих межнациональных проблем...

Выступление Сталина на параде было внимательно выслушано партийным аппаратом. Новые акценты — упор на русскую историю — услышаны. Музыковеды поразились: по радио исполнили симфонию Чайковского «1812 год», которая была под запретом четверть века, поскольку в ней звучит немыслимое — «Славься ты, славься, наш русский царь».

Писатель Сергей Петрович Бородин, получивший Сталинскую премию второй степени за исторический роман «Дмитрий Донской», подал заявление о приеме в партию. Как положено, вступающего вызвали на бюро Краснопресненского райкома столицы, в ведении которого находился Союз писателей.

Первый секретарь райкома Сергей Абрамович Ухолов поинтересовался, какие у писателя творческие планы. Бородин рассказал, что работает над новым историческим романом. Первый секретарь недолго думая посоветовал Сергею Петровичу не лезть в далекую историю, а рассказывать о героях современности — из родного Краснопресненского района столицы. Уловив недовольство первого секретаря, члены бюро стали задавать Бородину каверзные вопросы и завалили. Бюро райкома отказалось принять писателя в партию как политически неподготовленного. Да еще и отдельно попеняли партийной организации Союза советских писателей за плохую работу с вступающими в партию.

Союз писателей обратился в горком. Дело дошло до Щербакова (подробнее см. книгу А.Н. Пономарева «Александр Щербаков. Страницы биографии»). Хозяин города объяснил партийным работникам, что с лауреатом Сталинской премии следует вести себя по-уважительнее. Премию своего имени каждому из них дал сам вождь.

На бюро горкома хозяин города обрушился на недалекого секретаря райкома:

— Товарищ Сталин с трибуны Мавзолея на Красной площади, в трудный момент, когда враг стоял в тридцати километрах от Москвы, говорил о наших славных предках — Дмитрий Донской, Александр Невский, Суворов... Бородин раньше — чутьем — об этом написал прекрасную книжку. В то время, когда ЦК отметил эту книжку второй премией, а потом был разговор, что можно было бы дать первую премию, секретарь Краснопресненского райкома говорит: «Да брось Дмитрием Донским заниматься, написал бы ты лучше о Красной Пресне». Вероятно, в Союзе писателей много чего было сказано по адресу райкома...

Сергей Бородин получил партийный билет, Сергей Ухолов лишился кресла секретаря райкома партии.

РОЛЬ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА

Мимо бывшего генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Андреевича Власова нам не пройти. Хотя бы кратко, но надо о нем сказать. В ноябре сорок первого генерал принял под командование 20-ю армию, сыгравшую важную роль в обороне Москвы.

Сейчас о Власове написано и сказано уже очень много. Одни считают его давним и принципиальным противником советской власти, который только и искал пути повернуть оружие против коммунистов. Дру-

гие уверяют, что роль Власова в обороне Москвы была не велика: в те недели он болел и участия в боях не принимал.

Он был без сомнения умелым, смелым и честолюбивым генералом. Своей карьерой был обязан природным способностям и личному расположению Сталина. Войну встретил командиром хорошо укомплектованного 4-го механизированного корпуса. В первые месяцы войны приобрел славу хорошего генерала, умеющего строить оборону и наносить удары по противнику. Когда казалось, что все рухнет, он вселял в окружающих уверенность. Его поставили во главе 37-й армии. Киев не удержали, но Андрей Власов был виноват в этом меньше других. Его армия сражалась до последнего, умело оборонялась и даже наносила контрудары.

Штаб 37-й армии попал в окружение. Если бы генерал Власов действительно был принципиальным противником советской власти и давно думал о переходе на сторону Гитлера, он еще летом сорок первого вполне мог остаться у немцев. Но Власов вышел из окружения. Сталин принял генерала Власова и был с ним крайне доброжелателен.

Вождь доверил Власову 20-ю армию, которая входила в состав Западного фронта и обороняла столицу. Членом военного совета 20-й армии стал дивизионный комиссар Петр Николаевич Куликов. Начальником штаба в армию Власова назначили генерал-майора Леонида Михайловича Сандалова, которого ждала большая военная карьера.

10 ноября 1941 года Власова принял Сталин. Генерал рассказывал потом — и не раз, как попросил у вождя танки.

— У меня нет танков, — ответил Сталин и вдруг улыбнулся. — Товарищ Маленков, сколько танков можем мы дать товарищу Власову?

— Пятнадцать, — ответил Маленков.

— Значит, получите пятнадцать танков, товарищ Власов. Больше у меня нет.

В полном восторге Андрей Андреевич рассказывал любовнице о посещении Кремля. Как ни странно, крупный военачальник писал с грубыми ошибками: «Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь какое мне выпало счастье. Ты не поверишь такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину».

В тот же день генерал написал и жене, Анне Михайловне, и примерно в тех же словах поделился и с ней своей радостью:

«Ты не поверишь дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни. Ты представить себе не можешь как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты видимо даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так ведь он меня спросил где у меня жена и как живет. Он думал что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду а поеду обратно на фронт. Дело не ждет».

Внимание вождя к его семейной жизни Власов щедро поделил между обеими женщинами. Каждая уверилась в том, что именно о ней говорили в Кремле...

«Власов запомнился мне высоким мужчиной со стрижкой ежиком, в круглых очках в тонкой пластмассовой оправе, — рассказывал Григорий Яковлевич Рудой, переводчик разведотдела штаба 20-й армии. —

Ходил он в валенках, стеганых ватных брюках и меховом жилете поверх гимнастерки с генеральскими звездами. А еще он был виртуозным матерщинником».

В состав 20-й армии входили две стрелковые дивизии, три стрелковые бригады, два танковых батальона. Штаб армии располагался в микрорайоне Химок, который именовался Соцгородок, на первом этаже большого дома. Три комнаты отдали разведотделу. Четвертую занимал командующий армией генерал Власов со своей «походно-полевой женой», военврачом Агнесой Павловной Подмазенко.

С 6 декабря 20-я армия участвовала в контрударе, отбросившем немцев от столицы. Войска Власова наступали из района Красной Поляны и, преодолевая упорное сопротивление противника, выбили немцев из Солнечногорска и Волоколамска. Москвичи отмечали этот успех как крупную победу.

11 декабря 1941 года Андрей Андреевич Власов писал жене: «Наша жизнь теперь стала веселее — главное бьем фашистов и гоним их без оглядки. Прошли уже те времена когда они считали себя непобедимыми».

16 декабря в штаб Власова привезли американскую журналистку, затем французскую. Каждое появление иностранных корреспондентов в войсках превращалось в большое событие, интервью разрешали брать только у тех, кто был в особом фаворе. Иностранные журналисты писали о Власове как о молодом командире с большой перспективой. Ив Кюри: «Этот человек умеет сражаться не только с решимостью, не только с мужеством, но и со страстью».

В сообщении Совинформбюро о разгроме немецких войск под Москвой имя генерала Власова упоминалось в одном ряду с именами будущих маршалов Рокоссовского и Говорова. В газетах под шапкой

«Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы» поместили фотографии генералов, оборонявших столицу, в том числе Власова. А кого отметить — решил лично Сталин. За контрнаступление под Москвой Власов получил второй орден Красного Знамени и был произведен в генерал-лейтенанты.

Это был пик военной карьеры генерала Власова.

Сталин поблагодарил его за умело проведенное наступление под Москвой. И дал новое поручение: 8 марта 1942 года назначил заместителем командующего войсками Волховского фронта. Летом Власов принял под командование уже обреченную 2-ю ударную армию.

Впоследствии всю вину за гибель армии возложат на генерала Власова. Но его прислали командовать уже фактически окруженными войсками, и он сражался до последнего. Предателем он стал позже, когда армии не стало и он уже никем не командовал. Вина за гибель 2-й ударной армии ложится на командование фронта, на руководство Генерального штаба и на самого Сталина, который не разрешал армии отойти и обрек ее на уничтожение.

Андрей Власов второй раз за войну оказался в окружении. Но на сей раз не смог выйти к своим, а угодил к немцам. Власов был одним из многих генералов, попавших в плен. Большинство из них отказалось сотрудничать с немцами. Видимо, в тот день, когда его взяли немцы, он отрезал от себя прошлое. Он знал, как Сталин относится к тем, кто попал в плен, и понял, что в Красной армии его карьера в любом случае закончилась. Когда Власов попал в плен, военная удача клонилась в сторону немцев. Разгром Красной армии, должно быть, казался ему неминуемым, и Власов предпочел начать новую жизнь, а не сидеть за колючей проволокой в лагере для старших офицеров и генералов.

РИХАРД ЗОРГЕ, ГЕНЕРАЛ МОРОЗ И ДРУГИЕ ПРИЧИНЫ

В октябре сорок первого предстоятель Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергей обратился к московской пастве:

— Не в первый раз русский народ переживает нашествие иноплеменных, не в первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли. Силен враг, но «велик Бог земли Русской», как воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас и теперешнему нашему врагу.

Кто же спас Москву в сорок первом?

Немцы полагают, что это сделал генерал Мороз — из-за небывало холодной зимы смазка в немецких танках замерзла, и наступление остановилось.

Военные разведчики уверены, что это дело рук руководителя нелегальной резидентуры в Токио Рихарда Зорге. Как раз в октябре сорок первого он был арестован японской контрразведкой, но, обладая огромными связями, успел сообщить в Москву, что Япония не намерена нападать на Советский Союз — императорская армия нанесет удар по Юго-Восточной Азии. Это позволило Ставке забрать дивизии с востока и бросить их в контрнаступление под Москвой.

На самом деле осенью сорок первого руководители советской военной разведки не верили Рихарду Зорге. Считали, что он сознательно дезинформирует Москву.

В ходе кровопролитной чистки советская военная разведка была фактически уничтожена. Когда в Москве арестовывали офицера центрального аппарата, то разведчики, которые на нем замыкались, — легальные и нелегальные, автоматически попадали под подозрение. Их отзывали в Москву и уничтожали.

7 февраля 1938 года бывший руководитель военной разведки Ян Карлович Берзин подписал протокол допроса, в котором говорилось: «По имеющимся в Разведуправлении материалам известно, что «Рамзай», то есть Зорге, является агентом германской разведки, а также японской разведки. «Рамзай» дезинформировал Разведуправление, и отпускаемые ему довольно большие средства на работу фактически отпускались германскому агенту...»

В НКВД на Рихарда Зорге завели дело как на агента-двойника. Разве могли в такой ситуации в Москве поверить его сообщениям о том, что Япония не нападет на Советский Союз и поэтому сибирские дивизии можно перебрасывать на немецкий фронт?

Уж скорее значение имели донесения не Зорге, а военного атташе в Китае генерал-лейтенанта (и будущего маршала) Василия Ивановича Чуйкова, который доложил в Москву: «Все разговоры о подготовке Квантунской армии к наступлению ни на чем не основаны».

Но вопрос о переброске сил и средств с Дальнего Востока решался без учета мнения разведки. Ситуация была настолько катастрофической, что в первые же дни войны Дальневосточный фронт получил приказ немедленно отправить на Запад весь запас вооружения и боеприпасов. Начальник штаба фронта генерал-лейтенант Иван Васильевич Смородинов возмутился:

— Какой дурак отбирает оружие у одного фронта для другого? Мы же не тыловой округ, мы в любую минуту можем вступить в бой.

Командующий фронтом генерал армии Иосиф Родионович Апанасенко не стал даже слушать своих штабистов. Глаза Апанасенко налились кровью, он рыкнул:

— Да вы что? Там разгром. Вы поймите, разгром! Немедленно начать отгрузку. Грузить день и ночь!

Все, что можно было забрать с Дальнего Востока, забрали почти сразу. Хорошо, что там были отмотобилизованные и подготовленные части. Прежний командующий Дальневосточным фронтом генерал-полковник Григорий Михайлович Штерн добился приведения своих войск в состояние высокой боевой готовности.

Еще 13 июля 1939 года Штерн обратился к наркому обороны Ворошилову:

«Я считаю необходимым:

Тихо, распорядительным порядком влить в войска 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий все положенные мобилизационным планом местные ресурсы, хотя это и будет порядочным ущербом. Отмотобилизовать распорядительным порядком части внутренних округов, учить и учить их».

Григорий Штерн приехал в Москву доказывать свою правоту. Сталин и нарком обороны маршал Ворошилов были против. Но Штерн добился своего. К концу 1940 года войска на Дальнем Востоке были отмотобилизованы, а к осени 1941-го обучены. Это те самые части, которые после начала войны были переброшены на защиту столицы. Но сам Штерн об этом не узнал.

Героя Советского Союза генерал-полковника Григория Штерна арестовали 7 июня сорок первого, за две недели до начала войны, с санкции первого заместителя наркома обороны Буденного — маршал расписался на постановлении об аресте.

Штерна пытали. 27 июня 1941 года, когда уже шла война, следователь записал, что арестованный признался в работе на немецкую разведку. Малограмотному следователю и в голову не пришло, что глупо называть еврея Штерна агентом нацистской Германии.

В октябре сорок первого в Москве с надеждой пересказывали друг другу слух, что в столицу «прибыла Дальневосточная армия и оборона Москвы поручена

Штерну». В реальности Григория Михайловича Штерна расстреляли без суда 28 октября сорок первого, когда подготовленные им части отчаянно сражались за Москву...

Многие авторы уверенно описывают храбрых сибиряков, которые 7 ноября прошли по Красной площади и сразу вступили в бой. На самом деле ни сибирские, ни дальневосточные части в знаменитом параде не участвовали.

«Переброска войск под Москву с Востока (причем, конечно, не только дальневосточных, но и сибирских, уральских, приволжских, среднеазиатских, кавказских) действительно имела большое значение для ее обороны, — пишет президент Академии военных наук генерал Махмут Гареев. — Но всего под Москвой сражались сто десять дивизий и бригад, в их числе было всего восемь дальневосточных, которые, несмотря на всю их доблесть, никак не могли составить «основу декабрьской победы».

К декабрю от довоенной Красной армии осталось немного. В июне она насчитывала больше пяти миллионов солдат и офицеров. За полгода боевых действий безвозвратные и санитарные потери составили четыре с половиной миллиона человек... За эти месяцы армия потеряла больше двадцати тысяч танков и примерно восемнадцать тысяч самолетов. Иначе говоря, к моменту контрнаступления под Москвой в сражение с немецкими войсками вступила новая, сформированная на ходу армия (см. «Вопросы истории». № 1/2002). Она и нанесла удар по выдохшимся немецким войскам в начале декабря.

Да, это была уже другая армия. И воевала с иным настроением. Поначалу мобилизованные не очень представляли себе, какая война их ждет. Надеялись, что уходят ненадолго. Столкновения на Дальнем Востоке с Японией, Польская и Финская кампании были

короткими. Пропаганда утверждала, что воевать будем «малой кровью», победим «могучим ударом».

На второй день войны, 23 июня, московский горком партии представил руководству города информацию о «недостатках в работе некоторых призывных пунктов»:

«На призывном участке № 2 Киевского района (2-я Бородинская ул., д. 34) царит беспорядок... Сюда явилось около двухсот военнообязанных с мобилизационными листками, но ими никто не занимается, они без толку ходят из комнаты в комнату, мешают работать комиссии. Многие сидят на заборе, на воротах, а за оградой, на улице кричат и плачут некоторые женщины. Среди военнообязанных есть пьяные, которые валяются здесь же у входа.

Политрук призывного участка заявил инструктору МГК:

— У нас есть специальная комната для пьяных, но я, к сожалению, от нее потерял ключи...

Не лучше положение на призывном пункте Москворецкого района (Добрынинская пл.), здесь призывают водителей автотранспорта. Пункт до отказа набит, но люди продолжают прибывать. На улице много провожающих, некоторые из них по веревочке передают водку, среди призванных водителей имеются пьяные. Один пьяный вылетел из окна второго этажа, вокруг него стал собираться народ...

Школа № 242 — призывной пункт рядового состава. Здесь большая скученность, в помещении грязно, нет скамеек, стульев, призывники сидят на окнах и на полу, имеются пьяные. Очень большое количество провожающих толпится на улице...

Призывной пункт Молотовского района в клубе Московской областной конторы Главного управления автотракторной промышленности призывает рядовой состав — шоферов. Начальник призывной комиссии

дал устное указание милиционеру, стоявшему у входа в помещение, не выпускать призывников из него и не допускать к ним гостей, приносящих передачи или желающих проститься... Среди призывников были некоторые настолько пьяны, что их пришлось отправлять с пункта. Многие же призывники, примерно процентов тридцать, были также в той или иной степени выпивши, причем водку они получали с улицы через окна уборных от провожающих... По настоянию секретаря РК ВКП(б) убрали весь мусор, окурки, подмели полы, выделили двух уборщиц. Был снят буфет из РК партии и целиком переведен для обслуживания призываемых...

В призывном пункте Ленинского района (помещается в Институте глухонемых, Донская улица, д. 49) оформление проходит медленно. В коридорах толкучка, накурено, душно. Много пьяных, некоторые из них лежат на полу, в коридорах, комнатах. Водку призывникам передают родственники в бутылках с наклейкой «Фруктовая вода». В столовой пункта к 12 часам дня уже почти не было продуктов. В баках отсутствовала вода.

У призывников возникает много вопросов, в частности особенно жилищных, но нет представителя райсовета, некому на них отвечать. Один призывник плакал, рассказывал, что его жену выселяют.

Некоторые призывники хотят послать домой или на работу письма, но конвертов и почтовых открыток негде купить, кроме того, нет телефона, где можно было бы позвонить. На весь призывной пункт один телефон, и находится он у командования...

Призывники пьяные поют песни: «Ох умру я, умру я, похоронят меня, и никто не узнает, где могила моя»...

26 июня столичные чекисты доложили заместителю наркома госбезопасности Богдану Кобулову: «В ходе

мобилизации в г. Москве и Московской области продолжают иметь место отдельные недочеты... Среди отдельной части призывников отмечены случаи недисциплированности и отказа от службы в Красной армии...»

Один из врачей вспоминал, как его 22 июля на призывном пункте зачислили хирургом в медицинскую комиссию. Начальник пункта предупредил медиков:

— Товарищи врачи, судите строго и ответственно. Я знаю ваши штучки — направлять на консультацию, обследование. Этого не нужно. Времени нет. За два дня мы должны отмобилизовать наши контингенты.

Вызывают из коридора по фамилиям. Секретарь по учетным карточкам проверяет, когда проходил медкомиссию. Если давно — посылает к врачам, если недавно, спрашивает:

— Здоров? Служить можешь?

— Могу.

Штамп — и конец. Принят.

«Вот они передо мной — защитники Отечества. От двадцати до тридцати пяти лет. Плохо одетые, но не запущенные, в чистых рубахах. В большинстве худые. Хмурые. Слов не говорят. Они раздеваются у входа и подходят к доктору, прикрывая ладонями стыдные места. Голый человек совсем беззащитен. Он даже со врать боится, если, конечно, опыта не имеет... Совсем пьяных отсеивали в регистратуре — складывали в один класс, вповалку, чтобы проспались. Тех, кто уже прошел комиссию, собирали в другой класс, а как накопится взвод, строили на дворе — и на вокзал».

Состояние армии до начала войны нельзя было назвать блестящим. Об этом свидетельствуют рассекреченные материалы особых отделов. Во время призыва крестьянская молодежь громила торгующие вином магазины, рынки, захватывала поезда, на которых при-

зывников везли к месту службы. Выпив, новобранцы кричали: «Послужим царю-батюшке!», «Долой коммунистов!». Происходили настоящие побоища между деревенскими и городскими призывниками. Милиция не могла справиться, вызывали пожарных, которые водой из брандспойтов разгоняли дерущихся.

Особые отделы сообщали о недовольстве красноармейцев грубостью командного состава, прямым мордобоем, а также отсутствием обмундирования, белья, обуви. Красноармейцы жаловались на недоброкачественные продукты. Бичом командного состава армии стало пьянство. Причем политруки и комиссары составляли командирам компанию — пили вместе, чтобы некому было доложить начальству.

Рассекреченные документы особых отделов Красной армии предвоенного времени, пишет член-корреспондент Академии наук Андрей Николаевич Сахаров (он многие годы возглавлял академический Институт российской истории), «показывают катастрофические недостатки в состоянии советских вооруженных сил: слабый профессионализм командных кадров — выдвиженцев времен Гражданской войны, дремучий уровень рабоче-крестьянских бойцов, коррупцию, воровство и пьянство в армейских частях, нарастающую враждебность красноармейцев к бессмысленно жестоким армейским порядкам, слабую техническую подготовленность сухопутных и авиационных частей...»

К декабрю накопился боевой опыт, появились прилично обученные резервы, солдаты больше не разбежались и не паниковали. Напротив, упорно сопротивлялись. Хотя не все и не во всякой ситуации.

24 октября командующий Западным фронтом генерал армии Жуков приказал: в каждой стрелковой дивизии создать заградительные отряды — по одной роте на полк. Приказ: не допустить бегства с поля боя

«одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия».

Но красноармейцы уже прониклись ненавистью к врагу. И осознали, с каким врагом они сражаются и вообще во имя чего идет война. Поначалу этого не было.

В первые месяцы войны советские люди плохо представляли себе, что будет означать немецкая оккупация. Люди старшего поколения на Украине и в Белоруссии помнили кайзеровскую армию времен Первой мировой войны. Тогда немцы вели себя не хуже белых, красных или зеленых. Вот характерные воспоминания: «У меня сложилось устойчивое представление о немцах. Немец был толстый, благодушный, обычно чуть забавный скупердяй, вечно с кружкой пива в руке, с женой, отличной хозяйкой, всегда возившейся на кухне и готовой угостить друзей. Рассказы беженцев из оккупированных областей до удивления не соответствовали этому образу, и поначалу просто не верилось, что сделалось с этими людьми, перевоспитанными фашизмом. Подлинное лицо наших врагов высветилось позднее, через несколько месяцев войны».

«Бабушка раздобывала газеты и прочитывала их от корки до корки, — вспоминает Ирина Млечина. — Однажды одной из приятельниц бабушка рассказала вычитанную в газете историю, которая меня буквально потрясла. В заметке шла речь о том, что фашисты где-то на оккупированной территории загнали группу местных жителей в большую машину и по дороге пустили туда газ. Эта машина называлась душегубка. Все люди погибли, и только один, намочивший собственной мочой носовой платок, зажал им лицо и благодаря этому выжил, и, когда немцы выбросили мертвых пассажиров в яму, он притворился мертвым, а ночью, в темноте, вылез и убежал.

— Какой ужас! Какие звери! — говорила бабушкина приятельница.

А бабушка утверждала, что, когда кончится война, Гитлера посадят в железную клетку и будут возить по всему миру, чтобы все могли плевать ему в лицо и бросать в него камни. Это было зимой сорок первого года, и бабушка еще не могла знать о немецких концлагерях, где заключенных истребляли в газовых камерах».

Стало ясно, что на сей раз немецкие войска пришли в Россию с намерением уничтожить государство и народ. Вот воспоминания скульптора Николая Петровича Гаврилова, вступившего в Красную армию и сражавшегося в войсках Рокоссовского:

«При занятии деревни Дедово мне пришлось столкнуться с фактами фашистских зверств, к которым я относился раньше несколько скептически — как-то не верилось, что это может быть на самом деле...

У околицы я услышал из сарая страшный крик. Дверь сарая распахивается, и идет начальник политотдела Масленов, несет на руках босую, оборванную девочку, которая все время страшно кричала и просила, чтобы ее убили... Оказалось, что во время боя за эту деревню девочку насильовали пятеро немцев. Девочке было тринадцать лет. А после этого ей в половые органы забили остатки бутылки. Она умерла от кровотечения в больнице. Ее не довезли до Москвы...»

ГИТЛЕР ТРЕБУЕТ «ФАНАТИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ»

14 октября генерал Рокоссовский прибыл в Волоколамск с приказом ни при каких условиях город не сдавать. Уже вечером немцы ударили по левому флангу его армии. Его офицеры собирали всех, кто выхо-

дил из окружения или подходил с тыла, и отправляли в бой. Рокоссовский держался очень стойко. Тем не менее войска пятились, и 27 октября Волоколамск перешел в руки противника.

В штаб армии прибыла комиссия, назначенная командующим фронтом Жуковым, «для расследования и привлечения к ответственности виновных, допустивших овладение противником Волоколамском».

Появление комиссии в такой обстановке возмутило Рокоссовского до глубины души. «Мы оценили этот жест как попытку заручиться документом на всякий случай для оправдания себя, так как командующий фронтом не мог не знать, в какой обстановке и при каких условиях противник овладел Волоколамском».

Рокоссовский не знал, что грозило самому Жукову, которого Сталин в случае падения Москвы не колеблясь сделал бы козлом отпущения. В истории обороны Москвы октябрь был самым страшным месяцем. Возникла реальная опасность, что немцы ворвутся в столицу. Итогом октября стало то, что линия фронта стабилизировалась. Пружина сжалась.

В первых числах ноября Сталин потребовал от Жукова нанести два контрудара, чтобы сорвать новое наступление немцев. Георгий Константинович пытался возразить: нельзя тратить последние резервы, нечем будет держать оборону Москвы.

Но Сталин не стал его слушать, просто повесил трубку. Он соединился с членом военного совета Западного фронта Булганиным и угрожающе сказал:

— Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдем!

Рокоссовский вспоминал с раздражением, как от Жукова пришел приказ нанести удар по волоколамской группировке противника. Сил не было, времени на подготовку тем более. Дали одну ночь. Рокоссовский просил добавить время на подготовку. Жуков не

дал. Как и следовало ожидать, пользы от непродуманных действий оказалось мало. Как только войска двинулись вперед, на них тут же обрушились немцы, пришлось немедленно отступить, чтобы не попасть в окружение.

Рокоссовский обижался на Жукова, не зная, что он исполнял приказ Верховного. А Сталин метался и в критической ситуации только мешал своим полководцам воевать.

Вообще говоря, странно было бы требовать от профессионального политика знания военного искусства. Сталин не только академий, но и вообще никаких высших учебных заведений не оканчивал и в армии не служил. Так что укорять его в незнании оперативно-стратегического искусства было бы несправедливо.

Но Сталин мнил себя крупным стратегом. Он не просто взялся управлять войсками, не зная, как это делается, но фактически узурпировал военное руководство и лишил своих генералов самостоятельности. Когда он прислушивался к умным советам, его решения оказывались правильными. Когда руководствовался собственными представлениями, это заканчивалось для Красной армии большой кровью. Если бы вождь с самого начала войны не вмешивался в дела командования и Генерального штаба, потерь было бы меньше...

«В тяжелый момент упорной борьбы, когда противник с ожесточением рвался к Москве, — вспоминал Жуков, — Берия доложил Сталину, что немцы захватили деревни Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н.А. Булганина, изругав, как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н.А. Булганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни.

Наши попытки доказать невозможность в такой тяжелой момент бросать командный пункт и управле-

ние войсками фронта были встречены угрозой расстрела. И в то время, когда мы с Н.А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте — в районе Наро-Фоминска, ринулся к Москве».

Упомянутый маршалом Жуковым член военного совета фронта Николай Александрович Булганин меньше всего подходил для роли полководца, организующего боевые действия. Сталин превратил членов военного совета в присматривающих за командующими.

В тридцатых годах Булганин возглавлял исполком Моссовета. В 1937 году Булганин, председатель Моссовета, выступал на первом всесоюзном съезде архитекторов с речью «Реконструкция городов, жилищное строительство и задачи архитектора». Городской голова с гордостью говорил:

— Когда мы ломали Иверскую часовню, многие говорили: «Хуже будет». Сломали — лучше стало. На Садовом кольце вырубили деревья, лучше стало, товарищи.

Стенограмма зафиксировала: в зале раздались аплодисменты. Еще в ноябре 1934 года в Москве взрывами снесли стену Китай-города, Сухареву башню, Иверские ворота. В тот момент казалось, что москвичи радуются переменам в городе. В процессе реконструкции Москвы вырубили деревья на Садовом кольце. При этом одновременно пропагандировался лозунг «озеленения» столицы.

Булганину пришлось объясняться по этому поводу на съезде архитекторов:

— Следующий вопрос наиболее пикантный, и я думаю, многие ждут, что я по этому поводу скажу, — это об озеленении (смех в зале). Мне говорили товарищи: хотелось бы послушать Булганина, как он выкрутится из этого положения (смех в зале, аплодисменты).

Булганин объяснил, что вырубка деревьев совершенно не противоречит озеленению:

— Вырубили деревья, и стало лучше, товарищи.

В зале опять раздались смех и аплодисменты...

Перед войной Сталин назначил Булганина председателем правления Госбанка и одновременно — для поднятия статуса — заместителем главы союзного правительства. А когда началась война, сделал членом военного совета Западного фронта. Военным человеком Николай Александрович не стал, даже в суровых условиях фронтовой жизни сумел неплохо устроить свой быт, поэтому подчиненные, особенно окопные офицеры, относились к нему пренебрежительно.

Один из штабных офицеров, служивший в оперативном отделе одной из армий, через много лет после войны вспоминал, как его отправили с докладом в штаб фронта:

«К начальнику штаба фронта я попал сразу после приезда с аэродрома. Через пять минут после прихода в блиндаж я уже был у Жукова. Напротив, к члену военного совета фронта Булганину можно было попасть только на следующий день.

Меня поразило тогда различный по численности обслуживающий персонал у трех военачальников: у начальника штаба фронта Соколовского в приемной сидел один адъютант, у Жукова — адъютант и офицер, а у Булганина сидело человек пять политработников высокого ранга, два телефониста, личный повар, официант с подносом, который волновался, что остынут паровые котлетки, приготовленные специально для члена военного совета. Из разговора в приемной я узнал, что Булганин не кушает жареных котлет.

Срубленный саперами дом рядом с блиндажом Булганина был в два раза больше, чем у Жукова. При доме была внутренняя охрана, чего не было у Жукова...»

Полный авантюризм Адольфа Гитлера, его беспримерные наглость и самоуверенность помешали ему понять, что войну с Советским Союзом Германия выиграть не может.

Обширная территория, экономический потенциал и людские ресурсы Советского Союза были несопоставимы с немецкими. Население СССР в два с половиной раза превышало население Германии. Хотя десятки миллионов остались на оккупированной территории, все равно хватило мужчин, чтобы создать новую армию. Эвакуация промышленности на Восток и практически полный отказ от гражданского производства (плюс помощь, полученная от Соединенных Штатов по ленд-лизу) позволили снабдить Красную армию всем необходимым.

В Советском Союзе в первую же неделю войны мобилизовали больше пяти миллионов человек. В августе — из-за огромных потерь на фронте — провели дополнительную мобилизацию. В общей сложности за восемь месяцев призвали в вооруженные силы примерно одиннадцать миллионов человек!

А вот Германия ресурсами для длительной войны не располагала. Уже летом сорок первого мобилизовали практически всех, кого могли. Людские резервы Германии были исчерпаны. Демографический потенциал страны не позволял вермахту компенсировать большие потери в боях с Красной армией.

Германское командование подготовило для вторжения в Советский Союз более мощный кулак, чем для удара по Франции. Но немецкие планировщики исходили из того, что победа над Красной армией будет достигнута в кратчайшие сроки. Отклонение от этого плана исключалось. А ведь с самого начала было понятно, что если Красная армия избежит разгрома на линии Днепр—Двина, то вермахту придется остановиться и перегруппироваться, чтобы продолжить бое-

вые действия. А длительной войны на истощение Германии не выдержать.

Ошибочно думать, что германские генералы открыли чудодейственный рецепт победы. Летом сорокового года на Западном фронте, как и при нападении на Советский Союз, вермахт не имел необходимых резервов. Топлива было только на пять месяцев войны. Если бы не удалось сразу добиться успеха, вермахт бы утратил наступательный потенциал и положение изменилось не в пользу Германии (как это произойдет в войне с Советским Союзом). И в сороковом, и в сорок первом немецкие генералы делали ставку на первую решительную битву, на концентрацию бронетехники на главном направлении.

Французы в сороковом не выдержали. Советский Союз, куда более мощное государство, располагая несравнимо большим потенциалом и пространством для маневра, выстоял. Командование вермахта не готовилось к долгой войне. В Берлине были уверены, что Россия, потеряв такую территорию, капитулирует, и ошиблись.

Наступающие части группы армий «Центр» несли огромные потери, компенсировать которые командование было не в силах — Германии не хватало людского потенциала,

Необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство — резко ухудшился качественный состав войск противника. За полгода тяжелых боев вермахт лишился подготовленных и обученных солдат с боевым опытом. Им на смену прибывали неопытные резервисты и тыловики. Войска теряли боевой дух.

До Москвы вермахту оставалось на разных участках фронта всего-навсего от семидесяти до ста километров. Но пройти их немцы уже не смогли! План группы армий «Центр» предусматривал удар по флангам жуковского фронта с тем, чтобы окружить Мо-

скую. Но было очевидно, что немецкие войска выдохлись.

А в Генеральном штабе Красной армии уже зародилась идея контрнаступления под Москвой, которое в декабре отбросит немцев от столицы. Предвидеть этот удар немецкая разведка не смогла.

Войсковой разведкой на Восточном фронте ведал отдел «Иностранные армии Востока» Генерального штаба, руководил им полковник Райнхард Гелен.

Гелен имел небольшой опыт строевого командира, очень рано попал на службу в Генеральный штаб. Невероятно энергичный и работоспособный, он продвинулся в отделе «Иностранные армии Востока», который занимался изучением Красной армии. Он не имел оперативного опыта, не занимался вербовкой и сбором разведывательной информации, но был умелым организатором.

В штабах армейских частей существовали отделы 1-Ц (получение и анализ информации о противнике). На Восточном фронте они сотрудничали со структурами абвера: штаб «Валли-1» ведал зафронтальной разведкой, «Валли-2» — диверсиями, «Валли-3» — контрразведкой. Задача разведотдела состояла в анализе разведанных, получаемых абвером, составлении справок и прогнозов.

Каждый вечер разведывательная сводка о действиях советских войск сообщалась командованию вермахта. Рано утром ситуация на фронте докладывалась начальнику Генштаба сухопутных сил. И примерно раз в месяц отдел «Иностранные армии Востока» готовил подробный доклад с оценкой оперативных замыслов советского командования.

11 ноября начальник Генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал-полковник Франц Гальдер обсуждал вопрос о возобновлении наступления с командующим группой армий «Центр» генерал-фельд-

маршалом Федором фон Боком. Мешали два обстоятельства: состояние войск и отсутствие боеприпасов.

Фон Бок считал необходимым продолжить атаку на Москву: «Всякое ожидание приближает угрозу наступления суровой снежной зимы. Может случиться, что мы, продолжая выжидать, когда соединения накопят достаточную ударную силу, будем застигнуты врасплох неблагоприятной погодой и вообще не сможем начать наступление».

15 ноября войска группы армий «Центр» вновь перешли в наступление. Немецкое командование во что бы то ни стало стремилось увенчать кампанию сорок первого года взятием советской столицы.

Жуков вызвал Рокоссовского в Звенигород и предложил возглавить конную армию, которую собирались сформировать из четырех конных дивизий, переброшенных из Средней Азии, и корпуса генерала Льва Доватора. Жуков хотел, чтобы эта армия нанесла удар в тыл и фланг немецких войск в районе Волоколамска.

«С большим трудом, — писал Константин Константинович, — мне удалось доказать нецелесообразность затеи, которая могла привести только к бесполезной гибели множества людей и потере коней. Собранные вместе, кавалерийские соединения были бы легко истреблены авиацией и танками».

Кавалерийские дивизии из Средней Азии были плохим подспорьем. Лошади оказались не подкованными по-зимнему, они скользили и падали. Бойцы не имели опыта действий в пересеченной местности. Рокоссовский видел, что удержаться ему теперь удастся только на рубеже Истринского водохранилища, где сама местность позволяла создать сильную оборону. Попросил у Жукова разрешения организовать оборону, иначе немцы отбросят обороняющиеся войска и на их плечах форсируют реку и водохранилище.

Жуков приказал Рокоссовскому стоять насмерть.

Рокоссовский исходил из того, что за его 16-й армией других войск нет. Если она будет уничтожена, немцам откроется путь на Москву. Он обратился напрямую к начальнику Генштаба Борису Шапошникову. Тот согласился с Рокоссовским.

Но тут же пришла злая телеграмма от Жукова: «Войсками фронта команду я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать».

Пришлось подчиниться. Но кто был прав — Рокоссовский или Жуков? Непростой вопрос. Одни историки уверены, что Константин Константинович: немцы форсировали Истру с ходу и захватили плацдарм на левом берегу, поэтому обстановка ухудшалась с каждым днем. Другие считают, что это Георгий Константинович принял тогда верное решение: отход 16-й армии Рокоссовского оголил бы фланги 5-й и 30-й армий, и весь фронт мог покатиться назад...

Отношения двух полководцев складывались сложно. Рокоссовский помнил, что только несправедливость судьбы позволила Жукову так далеко обогнать его. 17 августа 1937 года Рокоссовский был арестован — как «польский агент». Ему повезло — в марте 1940 года его выпустили. Семье он ничего не рассказывал. И лишь однажды на вопрос дочери Ариадны: «Папа, зачем ты носишь всегда с собой этот маленький браунинг?» — ответил: «Если за мной придут, живым на этот раз не сдамся...»

Жуков встретил войну генералом армии, прославленным на всю страну, а Рокоссовский — всего лишь генерал-майором с пятном в биографии, оставленным арестом.

Наверное, Константин Константинович, несмотря на разницу в званиях, рассчитывал на нормальные

дружеские отношения. Но Жуков помнил, что был когда-то в подчинении у Рокоссовского. Наверное, инстинктивно хотел показать, что эти времена остались в прошлом. Георгий Константинович привык подавлять волю подчиненных. С Рокоссовским это не получалось. Сдержанный и спокойный, он сохранял достоинство. Кроме того, Жуков, отдавая приказы другим генералам, считал себя — и не без оснований — более талантливым военачальником. Но военное дарование Рокоссовского было не меньшим. Они оба были выдающимися полководцами.

Рокоссовский и некоторые другие генералы полагали, что победы Жукова имели слишком высокую цену: он не считался с потерями. На что Жуков отвечал:

— Если бы я не принимал жесткие решения по удержанию почти каждого рубежа, мы бы Москву не отстояли, вынуждены были бы откатываться за Волгу. Во что бы тогда вылилась война?

18 ноября начальник Генштаба Франц Гальдер пометил в дневнике: «Фон Бок, как и мы, считает, что в настоящее время обе стороны напрягают свои последние силы и что верх возьмет тот, кто проявит большее упорство. Противник тоже не имеет резервов в тылу и находится в худшем положении, чем мы».

Еще через несколько дней записал: «Фельдмаршал фон Бок лично руководит ходом сражения под Москвой со своего передового командного пункта. Его необычайная энергия гонит войска вперед... Войска совершенно измотаны и не способны к наступлению... Фон Бок указывает, что создалось такое положение, когда последний брошенный в бой батальон может решить исход сражения. Противник между тем подтянул на фронт свежие силы».

Бои приобрели невероятно ожесточенный характер. 23 ноября немецкие войска захватили Солнечногорск,

еще один рывок — и вермахт может ворваться в Москву. На следующий день началась переброска на линию фронта семи резервных армий, сформированных для будущего контрнаступления. Саперы методично разрушали Ленинградское шоссе, взрывали мосты, ставили мины на пути вероятного продвижения противника.

27 ноября Сталин и начальник Генерального штаба маршал Шапошников связались по прямому проводу с командующим Калининским фронтом генерал-полковником Коневым:

— Противник занял Рогачев, вскоре он может обойти Москву или ваш фронт. Противник собрал с вашего фронта части и перебросил на Москву. Вам дается возможность ударить по противнику, притянуть на себя силы и избежать обход своего тыла и облегчить положение Западного фронта, войска которого обливаются кровью. Где думаете ударить противника, в каком районе? Удар должен быть предпринят сегодня.

— Здравствуйте, товарищ Сталин, — ответил Конев. — Обстановка мне понятна, принимаю все меры к организации наступления. В целях лучшей подготовки прошу начать наступление с рассветом 28 ноября.

Вождь не согласился:

— Мы считаем целесообразным начать наступление 27-го числа во второй половине дня. Каждый час дорог, и откладывать неразумно. Напрягите силы и начните сегодня во второй половине дня.

— Есть, — ответил Конев. — Принято к исполнению. Сейчас отдаю все нужные распоряжения.

— Очень хорошо. Больше вас задерживать не будем. До свидания.

Контрудар стал неприятной неожиданностью для германского командования.

Когда войска вермахта завязли под Москвой, начальник Генерального штаба сухопутных сил Франц

Гальдер отметил в дневнике плохое настроение генерал-полковника Фридриха Фромма, отвечавшего за подготовку резервов и поставку в войска оружия: «Фромм рассказал о ситуации с производством вооружений. Падение производства! Он думает о необходимости заключать мир!»

Министр вооружений и боеприпасов Фриц Тодт в ноябре отправил своих работников на Восточный фронт, в штаб генерала Хайнца Гудериана в Орел. Они вернулись в глубокой депрессии: вермахт замерзает, солдаты плохо одеты, техника не готова к эксплуатации в зимних условиях. Руководители промышленности, встретившись с министром Тодтом, придерживались одного мнения:

— Война с Россией не может быть выиграна!

27 ноября Франц Гальдер записал в дневнике: «Генерал Вагнер доложил об итогах совещания обер-квартирмейстеров. Наши войска накануне полного истощения материальных и людских сил».

Генерал Эдуард Вагнер отвечал в Генштабе сухопутных сил за снабжение армии.

Через два дня новая запись: «Некомплект на Восточном фронте составляет 340 тысяч человек, то есть половину боевого состава пехоты. Сейчас роты в среднем имеют по 50—60 человек... Автопарк имеет не более 50 процентов исправных автомашин».

Гитлер подписал приказ, в котором требовал «сурово наказывать военнослужащих, которые под воздействием алкоголя совершали криминальные поступки». Но потребность в алкоголе перевешивала страх перед фюрером. Главком Вальтер фон Браухич вынужден был констатировать, что неумеренное потребление алкоголя разрушает мораль и дисциплину в войсках. Сотни солдат вермахта гибли, напившись. Алкоголь создавал высокий уровень небоевых потерь — как причина автокатастроф и самоубийств...

Ситуация для Москвы становилась все более опасной. Пружина сжалась до предела. Последнее, что могли сделать, — преградить вермахту дорогу, устроив лесные завалы на всех направлениях, ведущих к городу.

30 ноября 1941 года Щербаков отправил Сталину срочную записку:

«Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Посылаю проект постановления ГКО о лесных завалах, разработанный при участии Московских организаций. Объем работ в пределах Московской области предстоит следующий: рубка леса будет происходить на площади 51.000 гектар, предстоит выручить от 2,5 до 3 млн. кубометров леса.

Рабочей силы потребуется от 12—15 дней — 210.000 человек».

В проекте постановления говорилось:

«Для более прочного прикрытия дальних и ближних подступов к гор. Москве Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Усилить строящиеся полевые укрепленные полосы системой лесных завалов на всем фронте и на направлениях, выводящих к гор. Москве;

2. Лесные завалы создавать:

а) в полосе Западного фронта — от переднего края расположения войск до переднего края подмосковной полевой укрепленной полосы, идущей по линии Кимры, Дмитров, Дединово, Сходня, Павловская Слобода, Бурцево, Серпухов, Подольск, Кашира, Озеры, Коломна;

б) в зоне обороны Московского военного округа, в полосе от переднего края подмосковной полевой укрепленной полосы до переднего края внутреннего укрепленного обвода гор. Москвы.

3. Для обеспечения северного и южного флангов обороны гор. Москвы создают завалы с севера по ли-

нии Алешино—Загорск—Александров; с юга Коломна—Сасово...

Для выполнения работ по лесным завалам исполкомам Московского, Ивановского, Рязанского облсоветов и гор. Москвы мобилизовать трудоспособное местное население с инструментом (пилы, топоры).

Освободить от мобилизации рабочих, занятых на производстве боеприпасов и вооружения. Сохранить за рабочими и служащими среднюю заработную плату, за колхозниками — средние трудовни...»

1 декабря немецкие танки прорвали линию обороны 33-й армии в районе Наро-Фоминска. Остановили их только около Перхушкова, где находился штаб Западного фронта. Это был последний успех группы армий «Центр», о чем немецкое командование еще, разумеется, не подозревало. Напротив, было предвкушение новых побед.

2 декабря немецкие разведчики информировали свое командование: «Отвод сил с фронта обороны и использование их на особо угрожаемых участках еще раз подтверждает предположение о том, что русское командование в настоящее время не располагает резервами и поэтому предпринимает попытки, введя в бой все имеющиеся силы, приостановить наступление немецких войск».

Еще одна ошибка немецких разведчиков. Через несколько дней началось мощное контрнаступление Красной армии. Но пока что полной уверенности в том, что Москву удастся отстоять, еще не было. Из столицы продолжалась эвакуация важнейших производств. Отцы города просили правительство все из столицы не вывозить.

3 декабря второй секретарь МГК ВКП(б) Попов обратился к заместителю председателя Совета по эвакуации Алексею Николаевичу Косыгину (он отвечал за эвакуацию промышленности):

«МГК ВКП(б) сообщает, что предприятия треста Мосгорместпрома НКМП РСФСР выпускают в больших количествах продукцию для фронта, и в частности для обороны гор. Москвы, поэтому считаем необходимым внести следующие поправки к предложению НКМП РСФСР об эвакуации оборудования:

1. С заводов «Мосштамп», «Молния» и фабрики имени Балакирева целесообразно эвакуировать только 50 процентов автоматов, занятых на производстве фурнитуры (пуговицы, крючки, застёжки «молния») для швейной промышленности и все автоматы, занятые на производстве зубных протезов для Сануправления РККА.

2. С завода «Платинприбор» целесообразно эвакуировать специальное оборудование, на котором ранее производились изделия из драгоценных материалов. С карандашных фабрик им. Красина, имени Сакко и Ванцетти и с фабрики Беловых товаров целесообразно эвакуировать специальное оборудование, занятое под производство карандашей и тетрадей.

3. Завод «Металлоштамп» считаю необходимым оставить в Москве, так как все его оборудование занято на производстве трубок для различных видов боеприпасов.

После эвакуации завода № 58 в Москве остался только один завод «Металлоштамп», имеющий специальное оборудование для производства цельнотянутых трубок.

4. Поручить рассмотрение списков оборудования, подлежащего эвакуации, комиссии в составе: т.т. Смиряев (Наркомместпром), Сазонов (секретарь МГК ВКП(б), Селиванов (зам. председателя Моссовета) и Чайка (управляющий трестом местной промышленности)».

6 декабря в Москве открылся пленум горкома с повесткой дня: «О ходе выполнения указаний товарища

Сталина, данных им в докладе от 6 ноября 1941 года и в речи от 7 ноября 1941 года».

— Опасность очень велика, — говорил на пленуме Щербаков, — очень остра. Немецкие захватчики окружают Москву. Семнадцать районов Московской области захвачены ими и три района — Звенигородский, Наро-Фоминский и Истринский — захвачены частично. Глупо было бы закрывать глаза перед опасностью.

В этот день началось контрнаступление Красной армии. Участники пленума еще ничего не знали.

8 декабря генерал Франц Гальдер записал в дневнике: «Разговор с фон Бокком. Результатом этого явился следующий вывод: «Группа армий «Центр» ни на одном участке фронта не в состоянии сдержать крупное наступление».

Когда в декабре 1941 года Красная армия перешла в контрнаступление под Москвой, рухнула карьера главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича. В свое время за победу над Польшей он получил Рыцарский крест. Фотогеничный главком появился на обложке американского журнала «Тайм». Теперь ему предстояло ответить за неудачи в России.

9 ноября сорок первого главнокомандующий сухопутными силами Вернер фон Браухич перенес тяжелый сердечный приступ. Через несколько дней генерал-фельдмаршал Браухич вернулся на службу, но от удара так и не оправился. 19 декабря, после поражения под Москвой, Гитлер отправил Браухича в отставку и принял обязанности главнокомандующего сухопутными войсками на себя.

Гитлер подписал приказ с категорическим запретом отводить войска. Он потребовал от солдат вермахта удерживать позиции, оказывая «фанатическое сопротивление». Приказ был продиктован отчаянием.

Победоносное шествие германской армии остановилось.

Когда вермахт потерпел первое поражение и немецкие старики стали мрачно вспоминать свой печальный опыт Первой мировой войны, Гитлер повысил на пятнадцать процентов пенсии и ввел для пенсионеров медицинское страхование. Ограбление оккупированных территорий позволяло имперскому министерству финансов оплачивать военные расходы. Денег хватало. Собственному народу нацисты повторяли: не беспокойтесь, войну оплачивают побежденные. Немцы долго не верили, что побежденными окажутся они сами и будут долго платить по счетам в прямом и переносном смысле...

13 декабря поезд из Куйбышева доставил на Казанский вокзал эвакуированных в октябре начальников. Когда они вышли на перрон, из громкоговорителей доносился голос Левитана, зачитывавшего сообщение Совинформбюро о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Все поздравляли друг друга. Первый праздник в этой войне!

Как только отогнали немцев, жизнь в столице стала входить в обычную колею. 10 декабря партийный руководитель Москвы Щербаков и председатель исполкома Пронин обратились к Сталину:

«В Москве при домоуправлениях по инициативе частных лиц, минуя органы народного образования, проводятся школьные занятия с детьми. Проводят эти занятия учителя-пенсионеры и некоторые безработные учителя за особую плату.

В настоящее время в Москве насчитывается около 115 тысяч детей школьного возраста, из них: 54 тысячи учеников первых—четвертых классов и 61 тысяча — пятых—десятых классов.

Московские организации считают целесообразным и просят разрешить возобновить частичное обучение

детей пятых—десятых классов на добровольных началах в школах и домоуправлениях, имеющих бомбоубежища».

На заседание бюро МГК был представлен проект постановления:

«1. Считать необходимым с 20 декабря 1941 г. частично возобновить учебные занятия с учащимися VI—X классов для желающих на добровольных началах.

2. Учебные занятия с учащимися VI—X классов проводить в одну смену (с 9 часов до 14 ч. 30 мин.), в первом и втором этажах школ, имеющих убежища, и при домоуправлениях, имеющих убежища.

3. Обязать МГК ВЛКСМ (т. Пегова), ГорОНО (т. Орлова) организовать воспитательную внешкольную работу с детьми младшего возраста (1—4 класса), используя для этого существующую сеть внешкольных учреждений, детские библиотеки, фильмотеки, а при домоуправлениях организовать пионерские базы и форпосты.

4. Обязать председателей райисполкомов в декадный срок заделать оконные проемы на первых и вторых этажах в школах, где будут проводиться учебные занятия.

5. Количество учащихся в каждой школе определить соответственно вместимости бомбоубежища. Для быстрого вывода детей в бомбоубежища по сигналу ВТ, предложить МосгорОНО обеспечить устройство вешалок для верхней одежды в классных комнатах...

6. Исполкомам райсоветов привести все школы в надлежащий порядок и обеспечить необходимым запасом топлива, а Топливо-энергетическому управлению (т. Абрамян) выделить для этого необходимые лимиты топлива...

7. Поручить Мосгорздравотделу (тов. Левант) организовать врачебное обслуживание учащихся и обеспе-

чить санитарный надзор за состоянием школьных зданий и бомбоубежищ.

8. Поручить Горисполкому войти с ходатайством в Правительство об отпуске продуктов для школьных буфетов...»

На заседании бюро МГК ВКП(б) 10 декабря 1941 года решили короче:

«Считать целесообразным частично возобновить школьные занятия учащихся пятых—десятых классов на добровольных началах.

Занятия организовать в школах и при домоуправлениях, имеющих бомбоубежища».

14 декабря началось разминирование предприятий. В двадцатых числах декабря стали торговать елками и украшениями — бусы, флажки, куклы, звери из золоченого картона.

Накануне войны население Москвы составляло 4 215 800 человек (см. «Отечественная история», № 3, 1996). В сентябре даже немного увеличилось за счет беженцев, а в октябре стало уменьшаться. Полным ходом велась мобилизация — в армию из Москвы ушли 850 тысяч человек — и эвакуация — как женщин и детей, так и рабочих промышленных предприятий.

Тогда в столицу не пускали даже семьи руководящих партийных и советских работников, а также высших офицеров армии, флота и НКВД. Им специальным постановлением политбюро от 5 июля разрешалось при эвакуации «выбирать по собственному желанию место своего жительства — за исключением городов Москвы и Ленинграда».

В октябре сорок первого в Москве оставалось 3 148 000 человек. В ноябре — 2 476 700 человек, в декабре 2 243 900. В январе 1942 года осталось 2 027 818 человек, то есть население столицы уменьшилось вдвое.

Вероятно, в реальности горожан было еще меньше. Возвращаться москвичам не разрешали. Если кто-то

приехал самовольно, ему не выдавали продовольственных карточек и не восстанавливали прописку. Без карточек нельзя было прожить, а без прописки — находиться в столице, где еще в сентябре был введен комендантский час.

Столичные чиновники и чекисты хотели, чтобы в Москве было как можно меньше людей. 28 декабря нарком внутренних дел Берия, первый секретарь обкома и горкома Щербаков, председатель Мосгорисполкома Пронин обратились к Сталину:

«Из Москвы за время войны эвакуировано в восточные области Союза 2.200 тыс. человек населения. В настоящее время в Москве имеется 2.250 тыс. чел. населения.

За последние дни наблюдается приезд лиц, эвакуированных из г. Москвы. Часть эвакуированного населения приезжает в поездах до ближайших подъездов к Москве (Рязань, Владимир, Муром и т. д.) и от этих станций на местных поездах, пешком, с попутными машинами и подводами добирается до Москвы. Так, только за один день 28 декабря задержано самовольно приехавших в Москву 380 человек. Кроме того, некоторые наркоматы, восстанавливая в Москве заводы, завозят в Москву рабочую силу вместе с семьями из других областей Союза, тогда как в Москве имеются некоторые резервы рабочей силы.

Просим Государственный Комитет Обороны:

1. Запретить переезд эвакуированного населения из области в область, объявленных на военном положении, а также в Горьковскую область без особых пропусков, выдаваемых областными органами НКВД.

2. Предложить НКПС продавать железнодорожные билеты для переезда из области в область, объявленных на военном положении, а также в Горьковскую область только по пропускам, выдаваемым органами НКВД.

3. Запретить наркоматам и ведомствам завозить в Москву рабочую силу без разрешения Московского Совета и МГК ВКП(б)».

Битва под Москвой, отмечают историки, разворачивалась на пространстве, сравнимом с территорией Франции. С обеих сторон в ней участвовало примерно семь миллионов человек. Обороняя город, Красная армия потеряла почти миллион солдат и офицеров. Бои за Москву дорого обошлись и вермахту — более шестисот тысяч убитых, раненых и пропавших без вести. Но если для Красной армии сражение за столицу было предвестием победы, то для вермахта — началом неизбежной катастрофы.

Часть четвертая

ГЕРОИ ПРИДУМАННЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

КТО ЗАЖЕГ ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Десятилетиями битва за Москву оставалась в тени отечественной историографии. Другие сражения и победы представлялись более значительными и достойными увековечения.

В 1965 году Москве было присвоено почетное звание города-героя. А на следующий год, в декабре 1966 года, городские власти решили торжественно отметить двадцатипятилетие разгрома немцев под Москвой. В столицу пригласили представителей всех городов-героев. Первому секретарю московского горкома Николаю Григорьевичу Егорычеву позвонил секретарь ЦК КПСС по кадрам Иван Васильевич Капитонов. У него была серьезная претензия:

— Почему не позвали никого из Новороссийска?

— Это не город-герой, — возразил Егорычев.

— Но там же воевал Леонид Ильич! — с намеком произнес Капитонов.

— Хорошо, пригласим, — сдался Егорычев.

— И надо предоставить им слово, — настаивал Капитонов.

— Нет, это нельзя.

— Но там же воевал Леонид Ильич! — с еще большим напором произнес Капитонов.

— Если мы это сделаем, мы только повредим Леониду Ильичу.

Собрание прошло очень успешно. В зале после многих лет опалы появился маршал Жуков, встреченный овацией. В «Правде», в то время главной газете страны, подготовили целую полосу с выступлением Егорычева. Но опубликовали только небольшой материал. Выяснилось, что Брежнев остался недоволен Егорычевым. Фамилия руководителя партии в докладе московского секретаря прозвучала только один раз.

На следующий год, 8 мая 1967 года, стараниями Николая Григорьевича Егорычева на Могиле Неизвестного Солдата в Москве зажгли Вечный огонь.

При строительстве Зеленограда, неподалеку от станции Крюково, обнаружили забытую братскую могилу. Там нашли останки солдата без документов. Никто не знает, кто он. Его останки были с почестями захоронены у Кремлевской стены 3 декабря 1966 года, к двадцать пятой годовщине разгрома фашистов под Москвой. Но Леониду Ильичу Брежневу вся эта идея не очень нравилась. Он сопротивлялся, тянул с решением.

«А само это место в Александровском саду, — рассказывал Егорычев, — выглядело иначе, чем сегодня. Оно было неухоженное, неудобное, газон чахлый, да и Кремлевская стена требовала реставрации».

Тем не менее всё сделали. Не успели только одно: под Манежной площадью вдоль главной аллеи Александровского сада протекала река Неглинка. Теоретически существовала опасность проседания почвы под памятником. Речка была заключена в трубу, которая требовала замены. Пришлось в зимних условиях вскрыть и проложить новый коллектор.

«7 мая 1967 года, — вспоминал Николай Егорычев, — в Ленинграде на Марсовом поле от Вечного огня зажгли факел и торжественно передали его по-

сланцам столицы. Его повезли на бронетранспортере в сопровождении почетного эскорта. 8 мая на Манежной площади эстафету принял Герой Советского Союза летчик Алексей Маресьев.

Открывать мемориал и произнести короткую речь доверили мне. Право зажечь Вечный огонь славы предоставили Брежневу. Ему заранее объяснили, как это нужно сделать, но он что-то недопонял и, когда пошел газ, опоздал на несколько секунд поднести факел — произошел хлопок. Брежнев от неожиданности отпрянул, чуть не упал. Видимо, поэтому открытие мемориала очень скупо показали по телевидению...»

Егорычев принадлежал к тем, кто помог Брежневу осенью 1964 года возглавить страну. Николаю Григорьевичу прочили большое будущее, считали, что он вот-вот будет избран секретарем ЦК, войдет в политбюро.

Поначалу Леонид Ильич благоволил к молодому московскому секретарю, видел в нем опору. Потом отношения испортились.

— То, что я ушел в момент расцвета Москвы, было неожиданностью даже для самых близких мне людей, — вспоминал Егорычев. — А я был к этому готов. Я их всех закрывал своей спиной, и они считали, что у меня с Брежневым отличные отношения. Но все было гораздо сложнее. Брежнев, видимо, считал, что я претендую на его место. Этого не было. Но так получилось, что у меня в Москве большой авторитет. В 1966 году на партийной конференции меня тайным голосованием избрали единогласно. Такого в истории не было, обязательно несколько голосов против все получали.

Егорычев был слишком самостоятелен, критиковал то, что считал неверным, отстаивал свою точку зрения, словом, был неудобен. Брежнев однажды заглянул к Николаю Григорьевичу, который сидел в сосед-

нем подъезде на Старой площади, и не обнаружил в его кабинете своего портрета.

Через месяц после того, как на Могиле Неизвестного Солдата зажгли Вечный огонь, на Ближнем Востоке разгорелась война. В июне 1967 года в ходе шестидневной войны маленький Израиль наголову разгромил объединенные силы арабских государств, вооруженные советским оружием. Поражение арабских армий произвело тяжелое впечатление на руководителей Советского Союза и до крайности разозлило наших военачальников.

В Москве не сомневались, что арабские армии, оснащенные лучшим в мире советским оружием и обучавшиеся военному искусству у советских же инструкторов, должны были одержать победу. Министр обороны маршал Андрей Антонович Гречко и секретарь ЦК по военной промышленности Дмитрий Федорович Устинов не знали, как объяснить оглушительное поражение арабских армий. Ссылались на то, что арабские офицеры плохо учились и не смогли освоить замечательное советское оружие.

20 июня 1967 года в Москве собрался пленум ЦК. Первый вопрос — «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке». С большим докладом выступил Брежнев. После обеда начались выступления по заранее утвержденному списку. Все шло гладко, пока не предоставили слово первому секретарю московского горкома Николаю Григорьевичу Егорычеву.

За два месяца до шестидневной войны он ездил в Египет во главе партийной делегации.

«В Египте многое мне тогда показалось тревожным, — вспоминал Егорычев. — Вернувшись, я отправил обстоятельную записку в ЦК, в которой писал, что нам нужно глубже разобраться в событиях в Египте. Я просился на прием к Брежневу. Тот обещал

встретиться, но ни он, ни кто другой не захотели меня выслушать».

Один из помощников Егорычева, прочитав текст будущего выступления на пленуме, пытался его предостеречь: стоит ли вам выступать так резко? Ведь понятно, кто обидится и что попытается предпринять в ответ... Николай Григорьевич удивился:

— Я против Хрущева выступить не испугался, неужели сейчас смелости не хватит?!

Да уж, храбрости и мужества ему было не занимать. И еще любви к родному городу. Осенью сорок первого года Высшее техническое училище имени Баумана эвакуировалось в Ижевск. Студентам сказали:

— Идите пешком до Владимира. Там, может быть, вас посадят на поезд и отправят в Ижевск.

— Нет, ребята, — возразил студент четвертого курса бронетанкового факультета Николай Егорычев. — Я никуда не пойду. Я москвич, и я должен защищать свой дом.

В середине октября он решил пойти добровольцем в Московскую коммунистическую дивизию.

— Я жил в общежитии на 2-й Бауманской улице, — вспоминал Егорычев, — и поехал домой, к сестрам, попрощаться. Приехал в Строгино днем — никого на улицах нет, будто все вымерло. Действительно, фронт был близко, километрах в пятнадцати — и огромная деревня как будто вымерла. Я иду по Строгину, смотрю — от меня справа, слева метрах в пятидесяти идут два парня. Я понял, что они из истребительного батальона. Они тут следят за порядком. Я подошел — они успокоились, увидев, что свой.

Егорычев отправился в Бауманский райком, и его определили в специальный взвод истребителей танков:

— Обмундирования не дали. Как был я в зимнем пальто, костюме и спортивных ботинках, так и отправился. Вооружили нас трофейными винтовками вре-

мен Первой мировой. Зачислили в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию. Мой взвод занял огневые позиции у моста через канал Москва—Волга в районе Химок. Мост был заминирован. В его опоры заложили три тонны взрывчатки, и мы были готовы в любой момент поднять его в воздух.

Егорычев сражался на передовой, прошел всю войну, был дважды ранен, награжден. С орденом на груди вернулся в Бауманское училище, закончил учебу, и его сразу взяли на партийную работу. В 1956 году он стал самым молодым секретарем райкома партии в Москве. В 1962 году возглавил столичный горком.

Речь, которая стоила ему карьеры, Егорычеву писал его бывший помощник по идеологии в московском горкоме Виталий Александрович Сырокомский. Хозяин Москвы ценил его перо, умение излагать мысли ясно и убедительно.

«Егорычев, — вспоминал Сырокомский, — дал указание: ни один документ бюро горкома не должен выходить в свет и рассылаться в райкомы, прежде чем я не отредактирую его. Дело в том, что проекты постановлений бюро отделы писали таким казенным, неудобоваримым языком, что продрагаться через них было непросто. На меня возложили не только литературную, стилистическую правку. Я должен был следить за логичностью изложения, убедительностью аргументов».

Личное. Редактор городской газеты

Виталий Александрович Сырокомский — мой отчим. Но мне это слово не нравится. Он стал мне вторым отцом. Я его очень любил, восхищался им.

Когда началась та история, о которой идет речь, Виталий Александрович уже ушел из горкома. Егоры-

чев назначил его редактором «Вечерней Москвы», которая переживала трудные времена.

Когда запустили первый спутник, тассовское сообщение пришло слишком поздно и не попало в «Вечернюю Москву». Номер вышел в свет без информации о выдающейся победе советской науки. Редактора газеты вызвали на секретариат ЦК КПСС. Назад он вернулся безработным. Партийное руководство зло издевалось над «Вечеркой»: «Только два человека в мире не поверили в запуск советского спутника — Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес и редактор «Вечерней Москвы» товарищ Фомичев...»

«Космическую» репутацию газеты через несколько лет восстановил новый редактор газеты — Виталий Сырокомский. Когда в шестидесятых годах из полета возвращались космонавты, им устраивали торжественную встречу: проезд по Ленинскому проспекту, митинг на Красной площади, а в два часа дня — пышный прием в Георгиевском зале Кремля. В этот день «Вечерняя Москва» выпускалась в сжатые сроки. Без пятнадцати два газета была готова — с огромным репортажем о встрече космонавтов на первой полосе! Сырокомский сел в машину и в два часа уже вручал в Кремле свежий номер приятно удивленным космонавтам, руководителям страны и редакторам других газет, которые не понимали, как это он успел...

Помощника первого секретаря московского горкома партии Виталия Сырокомского утвердили редактором «Вечерней Москвы» в 1963 году. В редакции ехидно переименовали фамилию нового главного — Сыр-горкомский. Но аппаратного в нем ничего не было. Он был газетчиком до мозга костей. Три года в горкоме помогли понять, как работают механизмы власти и что за люди сидят в важнейших кабинетах. Сырокомский позвонил одному крупному начальнику, попросил кое-что сделать. Тертый калач пытался уточнить:

— Это ваше поручение или первого секретаря?

— А вы позвоните первому, переспросите, — посоветовал Сырокомский.

Побеспокоить хозяина города аппаратчик, ясное дело, не решился и все исполнил.

Редактору было всего тридцать четыре года — самый молодой в Москве. Когда редакторы «Вечерней Москвы» и «Московской правды» вместе приезжали на совещания, на Старой площади шутили: «Шустрик и Мямлик!» Шустриком был редактор «Вечерки».

Ему приносили статью, он читал и сразу отвечал: «Печатаю». Или: «Не пойдет». Выражений «надо подумать, посоветоваться с товарищами, позвоните на той неделе» не признавал. От своего слова не отступался. Сотрудников в обиду не давал. В редакции знали: к Сырокомскому можно прийти с любой заботой. Пообещает помочь — сделает. Талантливого работника принимал на работу, какие бы опасные пункты ни находили в анкете бдительные кадровики. Вот и пошли по Москве разговоры: Сырокомский получил в ЦК карт-бланш — берет, кого считает нужным, и всё печатает...

Чиновники с недоумением наблюдали за новым редактором: отчего он такой смелый? Пожимали плечами: кто-то за ним стоит. И не связывались с напористым и энергичным редактором. А редактора «Вечерки» сжигало страстное желание сделать лучшую газету в городе. Подписывая в печать свежий номер с острой статьей, он ставил на кон свою карьеру. И до поры до времени даже большим начальникам нравился неугомонный редактор, который делает хорошую газету. Им же тоже хотелось почитать что-нибудь интересное. Но наступит момент, когда его принципиальность дорого ему обойдется...

Он ввел в редакции железное правило: если другая газета давала важную информацию о столице раньше

«Вечерки», редактор отдела, прозевавший новость, получал выговор. Из аморфной и скучноватой «Вечерка», которую презрительно именовали «московской сплетницей», превратилась в живую и влиятельную газету. После подписной кампании редактор с гордостью доложил коллективу: тираж газеты увеличился вдвое.

«Тогда, в те прошлые годы, — вспоминал Виталий Александрович, — мы, даже не мечтая о свободе печати, все же умудрялись кое-чего добиваться. А что может быть прекраснее для газетчика, чем сознание, что ты влияешь на жизнь, что может быть прекраснее для редактора, чем длинные очереди к газетным киоскам за твоим детищем!»

В 1966 году Виталий Сырокомский перешел в «Литературную газету», которой суждено было стать почти свободной трибуной советской интеллигенции, своего рода Гайд-парком при социализме...

«МЫ ЕГО В ПЫЛЬ СОТРЕМ!»

Сырокомский очень уважал Егорычева и от просьбы помочь в работе над речью на пленуме ЦК отказаться не мог. Рассказывал много лет спустя: «Я горжусь тем, что причастен к этой речи. Неделю мы работали с ним на горкомовской даче. Блестящий аналитик и стилист, он нуждался только в моей чисто редакторской помощи. Да и взгляд со стороны был полезен. Когда речь была готова, он ознакомил с ней некоторых секретарей горкома. Они все одобрили, хотя потом всячески открещивались от этого».

«Перед пленумом он дал мне прочитать текст, с которым намеревался выступить, — вспоминала жена Егорычева, в прошлом тоже партийный работник. — Раньше он этого никогда не делал. Он хотел знать мое

мнение, так как выступление было очень ответственным, наболевшим.

Он критиковал ЦК, который мало уделял внимания обороне Москвы. Кроме того, поднял национальный вопрос. В его выступлении на пленуме этот вопрос не прозвучал так полно и резко, как он был изложен в том тексте, что я читала. Он отмечал рост национализма в республиках, затронул также еврейский вопрос, сказав, что евреев у нас унижают».

Жена посоветовала Егорычеву:

— Надо смягчить выступление. Сейчас так никто не выступает.

Он твердо ответил:

— Я буду выступать так, как подготовился.

Так что же сказал на пленуме ЦК секретарь столичного горкома? Только теперь текст его речи рассекречен.

— Хочу высказать пожелание, — говорил Егорычев товарищам по партии, — чтобы в наших отношениях с Объединенной Арабской Республикой и лично с президентом Насером было бы побольше требовательности. Чего стоят, например, безответственные заявления президента Насера о том, что арабы никогда не согласятся на сосуществование с Израилем или заявление каирского радио в первый день войны о том, что «наконец-то египетский народ преподаст Израилю урок смерти».

Егорычев отметил главное: очевидное превосходство израильской авиации над египетской ставит вопрос о надежности противозвоздушной и противоракетной обороны Москвы. Достаточно ли защищена наша столица от авиации и ракет возможного противника?

— Очевидно и то, что волевые решения, принимавшиеся в области обороны, — напомнил Николай Григорьевич, — нанесли известный вред вооруженным

силам, особенно авиации, флоту и в какой-то степени мотомеханизированным частям. Я прошу, товарищи, правильно меня понять. Я никого не хочу обидеть, ни на кого не намекаю. Но каждый из нас несет высокую персональную ответственность за свою работу, за свои поступки...

Генералы уверяли, что Москва надежно прикрыта с воздуха. Егорычев считал, что военные приукрашивают положение:

— Настало время на одном из пленумов заслушать доклад о состоянии обороны страны. Меня, например, как члена военного совета Московского округа ПВО, весьма беспокоит, что противовоздушная оборона столицы недостаточно надежна. Существующая система все более морально стареет, модернизация ее должного эффекта уже не дает, создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается.

Пока Егорычев выступал, стояла гробовая тишина. После выступления зал проводил его аплодисментами. Никто и представить себе не мог, что так резко и свободно московский секретарь выступал по собственной инициативе. Все были уверены, что речь одобрена Брежневым. В первый день пленума многие с восторгом говорили, как здорово выступил Егорычев:

— Какое блестящее выступление! Какая смелость в постановке вопроса! Какая глубина мысли!

Егорычеву вечером звонили домой, поздравляли. На следующий день когда он пришел на заседание пленума, то почувствовал, что отношение к нему переменилось. Брежневские помощники всю ночь обрабатывали членов ЦК.

«Из моих слов о волевых решениях, которые нанесли немалый ущерб вооруженным силам, Брежнев и Устинов поняли, что эта критика в их адрес, — вспоминал Егорычев. — Секретарь ЦК Дмитрий Федорович Устинов принял упоминание о «не в меру ретивых

исполнителях» идей Хрущева о вооружениях на свой счет. И он был недалек от истины. Его фамилия была в моем выступлении. Но в последний момент я ее убрал. Подумал, и так ясно, о ком идет речь.

Позже один из министров оборонной отрасли рассказал, что после моего выступления их всех собрал Устинов. «Дмитрий Федорович, — говорил он, — от злости просто на стенку бросался. Кричал: «Мы этого Егорычева в пыль сотрем!»

Выступление первого секретаря московского горкома Устинов воспринял как личный выпад. Он был властным и амбициозным человеком и не терпел вмешательства в свои дела. И уже давно никто не смел сомневаться в его действиях. А тут не только Егорычев, но и другие позволили себе на пленуме высказываться о состоянии дел в военной промышленности.

Критически оценил советскую политику на Ближнем Востоке, действия министерства обороны и советской военной разведки первый секретарь Ленинградского обкома Василий Сергеевич Толстиков:

— Мы оказываем многим странам помощь оружием, причем в ряде случаев безвозмездно. Но невольно встает вопрос — всегда ли хорошо используется эта помощь? Если судить по тому, как использовали наше оружие арабы, то можно прямо сказать, что плохо. Обидно, что тысячи подготовленных в наших академиях и училищах для армий арабских стран офицеров оказались неспособными к отражению агрессии и правильному использованию оружия. Обидно, конечно, и то, что имеющие боевой опыт наши офицеры и генералы, находящиеся многие годы в арабских странах, не могли как-то повлиять на ход событий и вовремя проинформировать политбюро о действительном положении дел в армиях арабских стран. Видимо, плохо работает главное разведывательное управление...

Свое недовольство руководству военно-промышленного комплекса высказал и первый секретарь Челябинского обкома Николай Николаевич Родионов:

— На Урале в значительной степени утрачены навыки производства броневой защиты танков, не ведутся в необходимых размерах опытно-исследовательские работы по совершенствованию марок и технологии производства броневой стали... Надо приостановить катастрофическую текучесть кадров с оборонных заводов. Где уж тут говорить о сохранении секретности и высокой мобилизационной готовности. Не знаю, как в других местах, но у нас в Челябинской области самые плохие жилищные условия, больше всего барачков осталось на заводах министерства оборонной промышленности...

Кадровые последствия откровенности на пленуме не заставят себя ждать. Василия Толстикова отправят послом в Китай, оттуда в Голландию — и на пенсию. Николая Родионова тоже уберут с партийной работы, переведут в Министерство иностранных дел, потом отправят послом в Югославию.

Смертельно обиженный критикой, Дмитрий Федорович Устинов бросился к Брежневу. Леониду Ильичу втолковывали, что Егорычев лезет не в свои дела и вообще сознательно подрывает авторитет генерального секретаря, который является председателем Совета обороны и Верховным главнокомандующим. Может быть, этот Егорычев сам рассчитывает стать во главе партии?

Выступление московского руководителя вовсе не было направлено против Брежнева. Напротив, он рассчитывал на поддержку генерального секретаря. Но предложение обсудить на пленуме военные и внешнеполитические дела, которые были закрыты даже для членов ЦК, было истолковано как недоверие

Брежневу, как стремление потребовать от него отчета. Внешняя и военная политика — прерогатива генерального секретаря. Остальные должны слушать и выполнять.

Доверенные секретари ЦК из «группы быстрого реагирования» получили указание дать отпор Егорычеву. Утром слово получил кандидат в члены политбюро и первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Он охотно откликнулся на просьбу одернуть московского секретаря. С укором сказал Егорычеву:

— Николай Григорьевич, противовоздушная оборона столицы начинается не в Москве, она начинается в Ташкенте. Состояние армии, ПВО на высоком уровне. Правда, мы не все знаем, но то, что мы знаем, говорит о том, что партия и правительство сделали все, чтобы и наша страна, и наш народ стали непобедимыми.

«Я сидел и думал, — вспоминал Егорычев, — что, когда в сорок первом враг оказался у порога столицы, то вся полнота ответственности за оборону Москвы легла на плечи москвичей. Конечно, нам помогала вся страна, но ведь это я со своими товарищами, а не Рашидов сидели в окопчике у моста через канал с гранатами и бутылками, ожидая немецкие танки».

Шарафу Рашидову вторил кандидат в члены политбюро и первый секретарь ЦК компартии Грузии Василий Павлович Мжаванадзе:

— Я немного знаком с положением дел обороны страны, в том числе и противовоздушной обороны Москвы... Если бы я ничего не знал, я чувствовал себя очень плохо, очень неловко, услышав о таком положении дел с противовоздушной обороной Москвы. То, о чем говорил товарищ Егорычев, я не все знаю, но я знаю, что противовоздушная оборона Москвы осуществляется не только непосредственно под Мо-

ской, а далеко от Москвы, начиная прямо от границ СССР...

Молодой первый секретарь Горьковского обкома Константин Федорович Катушев, чья карьера еще только начиналась, осудил уже самого Егорычева:

— Мне непонятен тон выступления товарища Егорычева, когда он говорил о противозвоздушной обороне Москвы. Я думаю, что он совершенно не прав. Я знаю, что оружие, установленное и в нашей области, и в других соседних областях, которые являются ближними подступами обороны Москвы, является весьма совершенным, с большими возможностями и находится в надежных, опытных руках, способных отразить любые попытки нападения.

Катушев вскоре получит большое повышение — на следующий год его переведут в Москву, он станет самым молодым секретарем ЦК.

А вот еще один мобилизованный на борьбу с Егорычевым — первый секретарь Краснодарского крайкома Григорий Сергеевич Золотухин вообще прямо сказал, что незачем членам ЦК лезть в такие серьезные вопросы, не знаем ничего и знать не надо:

— Мне кажется, что ставить вопрос о том, чтобы широко обсуждать состояние наших Вооруженных Сил на пленуме ЦК, видимо, совершенно нецелесообразно, потому что это высшие наши интересы. Они, конечно, секретные. И чем меньше людей будет знать эти секреты, тем лучше для самих секретов.

Григорий Золотухин вошел в историю, когда Хрущев, давась от смеха и возмущения, рассказал о поездке в Тамбов:

— Вот тамбовский секретарь Золотухин все хотел, чтобы его пороли, чтобы сняли штаны и пороли. Какое удовольствие! Все виноватым себя признавал и приговаривал: да, товарищ Хрущев, надо штаны снять и меня выпороть. Он это три раза повторил. Я уже не

вытерпел и сказал ему: «Что это вы все штаны хотите снять и зад нам показать? Вы думаете доставить нам удовольствие?» Какой это секретарь?

Тем не менее повинную голову меч не сечет. Хрущев высмеял тамбовского секретаря, но снимать не стал. А при Брежневе Золотухин возглавил более крупный Краснодарский край. Умение угодить начальству — самый надежный способ сделать карьеру. После пленума Золотухин вновь получит повышение. Его переведут в Москву и назначат министром хлебозаготовок.

— Хотел этого или не хотел бы этого товарищ Егорычев, он бросил тень на оборону, на наши славные вооруженные силы, — подвел итог Брежнев. — «Надо еще и еще раз самым тщательным образом взвесить, — говорил Егорычев, — готовы ли мы в любой момент отразить удар агрессора». Это не тема для дискуссий. Но я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Да, мы готовы отразить любой удар любого врага. В отрыве от жизни, видимо, и состоит политическая ошибка товарища Егорычева, которая и привела его к тому, что он легко начал говорить об обороне страны. Я не буду, товарищи, развивать этой темы.

Попытка поставить под сомнение советскую внешнюю политику на Ближнем Востоке была пресечена. В благодарность за антиамериканские лозунги и ничего не стоящие слова любви, адресованные сменявшим друг друга советским вождям, Москва снабжала арабский мир оружием, ссужала деньгами, присылала многочисленных советников и специалистов...

Разговор о состоянии вооруженных сил и военной техники, столь важный для нашей страны, был оборван...

После пленума, 22 июня, в годовщину начала войны, Егорычев пришел к Брежневу:

— Леонид Ильич, я считаю, что в таких условиях я не могу руководить Московской городской партийной

организацией. Я могу руководить только в том случае, если пользуюсь полным доверием и поддержкой политбюро и генсека. Мне такого доверия, как я понимаю, нет, и я должен уйти...

Он написал заявление:

«Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л.И.

В связи с тем что на июньском Пленуме Центрального Комитета партии моя позиция получила осуждение двух членов политбюро и двух кандидатов в члены Политбюро, я не считаю себя вправе оставаться в должности первого секретаря Московского городского комитета партии. Согласен на любую работу».

24 июня по указанию ЦК провели внеочередное закрытое заседание бюро московского горкома, на котором люди, которые формально еще оставались его подчиненными, устроили Егорычеву разнос. Особенно старалась первый секретарь Бауманского райкома Прасковья Алексеевна Воронина, которую выдвинул Егорычев и которая всегда пела ему дифирамбы...

Леонид Ильич обзвонил членов политбюро:

— Московская городская партийная организация нуждается в укреплении, и Егорычева стоило бы заменить...

Новым руководителем Москвы стал Виктор Васильевич Гришин, который до этого одиннадцать лет работал председателем ВЦСПС.

Пленум горкома провели 27 июня. Речь держал второй секретарь горкома Владимир Яковлевич Павлов. Ему объяснили, что он должен сказать:

— Товарищ Егорычев допустил грубую политическую ошибку. Высказанные им некоторые положения ни в какой мере не отвечали действительному положению дел, не имели никакого фактического обоснования, а сама их постановка на пленуме явилась политически вредной, способной нанести ущерб нашей

стране... Многие товарищи высказали мнение о том, что в связи с этим товарищ Егорычев утратил их уважение и доверие, потерял тот высокий авторитет, который должен быть неременным условием для партийного руководителя, занимающего пост первого секретаря городского комитета столичной партийной организации... Бюро МГК отмечает, что он не обсудил свою речь на бюро и поэтому высказанные им политически неправильные положения не отражают мнения бюро... Бюро МГК пришло к выводу, что Егорычев не может оставаться на посту первого секретаря...

При этом участники пленума так и не узнали, что же такого крамольного сказал Николай Григорьевич. Сама его речь, произнесенная в защиту Москвы, долгие десятилетия оставалась секретом.

Опального Егорычева словно в издевку назначили заместителем министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Для многих утрата высокой должности оказалась равносильна катастрофе. Николай Григорьевич, напротив, так активно включился в работу, что очень скоро его отправили подальше от Москвы — послом в Данию. Перед отъездом его принял Брежнев. В своей мягкой манере сказал: поработай пару лет, наберись опыта, и переведем тебя в более крупную столицу... Но Егорычев так и застрял в Дании. Для кого-то комфортная жизнь в уютной европейской стране была бы подарком судьбы. Странный Егорычев рвался домой. Но он был невъездным послом.

За ним бдительно наблюдали чекисты. Ведал слежкой за «политически неблагонадежными» — не за диссидентами, а за теми государственными и партийными чиновниками, кого считали недостаточно надежными и нелояльными к Брежневу, старый знакомый и доверенное лицо генсека, его ставленник в госбезопасности — генерал армии Георгий Карпович Цинев.

Он был вхож в дом Леонида Ильича, считался другом семьи.

Людам, которые не забывали опального московского руководителя, близкое знакомство с ним дорого обошлось.

«Егорычев, — вспоминал Виталий Сырокомский, — приезжая по делам на несколько дней в Москву, обязательно приглашал меня к себе домой и расспрашивал о жизни в столице. В тот вечер, сидя в его кабинете, я яростно критиковал застойные явления в городской партийной организации, говорил о растущей апатии коммунистов. Николай Григорьевич слушал меня с большим интересом, забыв предупредить, что в его квартире установлены подслушивающие устройства, в чем он сам убедился на ряде случаев».

Когда Юрий Владимирович Андропов, назначенный все в том же 1967 году председателем КГБ, разобрался в сложном хозяйстве госбезопасности, то он из оперативно-технического управления вывел 2-й отдел, занимавшийся прослушиванием телефонов и помещений. Его преобразовали в самостоятельный 12-й отдел КГБ и подчинили непосредственно председателю. Это подчеркивало важность 12-го отдела, поскольку напрямую на Андропова выходила только разведка, 9-е управление (охрана высшего руководства страны), инспекция и секретариат.

Во главе 12-го отдела Андропов поставил своего секретаря Юрия Сергеевича Плеханова. Контролеры 12-го отдела, в основном женщины, владели стенографией и машинописью, их учили распознавать голоса прослушиваемых лиц. Смертельно опасно было высказываться о генеральном секретаре. Такие записи приносили Андропову, он сам их прослушивал и принимал решение.

Бывший помощник Егорычева Виталий Александрович Сырокомский без объяснения причин был из-

гнан из «Литературной газеты». Его — со сломанной ногой, в гипсе — вызвал заведующий отделом пропаганды ЦК и сказал:

— Вам нужно перейти на менее видную работу.

— Почему? — задал он резонный вопрос. — В чем я виноват? Какие ко мне претензии?

Ответа не последовало. Заведующего отделом ЦК ни во что не посвятили, и он отвечал довольно глупо:

— Вы должны сами вспомнить, в чем вы провинились перед партией.

— Да не знаю я! Я месяц не работаю, в гипсе сижу!

Тот упрямо повторил свое «Знаете!» и с угрозой в голосе посоветовал:

— Ничего не выясняйте, а то хуже будет!

Виталий Сырокомский не просто был снят с должности — ему вообще запретили заниматься любимым делом. Для него это был страшный удар. Он потратил годы, пытаясь что-то узнать и понять, в чем его вина и есть ли она вообще. Размышлял, кому он что сказал, кого из власти мог разозлить — то ли газетными материалами, то ли неосторожно сказанным словом. Заподозрил, что это дело рук КГБ. Написал Андропову, которого знал, с просьбой объяснить: в чем причина?

Его пригласил начальник главного управления контрразведки, заместитель председателя КГБ, пожал руку, был необыкновенно любезен и торжественно произнес:

— Юрий Владимирович просил меня передать вам, что у Комитета государственной безопасности не было, нет и, надеемся, не будет к вам никаких претензий.

А после смерти Андропова помощник сменившего его на посту генерального секретаря Константина Устиновича Черненко проявил интерес к этому делу и обнаружил, что виновником был КГБ. Приказ снять

Сырокомского с должности отдал лично Юрий Владимирович. Чекисты записали разговор, в котором Виталий Александрович с болью в душе говорил, что ввод войск в Афганистан — преступление, что Брежнев в маразме и за страну стыдно. Андропов лично прослушал запись разговора, после чего позвонил секретарю ЦК, ведавшему средствами массовой информации, и дал указание убрать смельчака с работы. А потом разыграл целый спектакль, демонстрируя свою непричастность...

Но это уже другая история.

Когда у Кремлевской стены стараниями Николая Григорьевича Егорычева появился памятник Неизвестному Солдату, то прах взяли из братской могилы бойцов оборонявшей столицу 16-й армии, армии Константина Константиновича Рокоссовского. После войны маршал, проезжая мимо, всегда останавливался у поставленного под Москвой памятника, воздвигнутого в честь бойцов и офицеров 16-й армии. С гордостью и горечью говорил:

— Это мои солдаты.

Личное. У умного человека больших радостей быть не может

В московских школах по-прежнему изучают подвиг двадцати восьми героев из дивизии генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, погибших при обороне столицы, и повторяют знаменитые слова младшего политрука Василия Георгиевича Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». Хотя и авторам учебников, и практикующим преподавателям должно быть известно, что эта история — в том виде, в каком ее рассказывают, — чистой воды миф.

Причем это тот редкий случай, когда и создатель мифа, и технология его появления известны. Всю историю придумал заметный в свое время публицист Александр Юрьевич Кривицкий. Хорошо образованный, литературно одаренный, с язвительным умом, он дружил с Константином Михайловичем Симоновым, который не мог пройти мимо такой яркой фигуры. Журналист Гурский, слегка заикающийся и едкий, не раз возникает на страницах симоновских произведений.

— Мыслящий человек должен уметь извлекать большое удовольствие из мелких радостей жизни, — говорит Гурский (в жизни Кривицкий) в романе «Солдатами не рождаются». — Потому что чем у него больше в голове стоящих мыслей, тем у него меньше в жизни крупных радостей. Вся надежда на мелкие... Выпьем еще по одной...

Это очень характерная для Александра Кривицкого фраза! И мысль точная: у умного человека больших радостей быть не может, но маленькие возможны... Могу засвидетельствовать: сам Кривицкий следовал этой мысли.

Я имел удовольствие знать Александра Юрьевича. Он бывал у нас дома, слушать его было интересно. Его очерки резко выделялись на общем бледном фоне советской публицистики. Учась на первом курсе факультета журналистики Московского университета, я даже писал (по кафедре русского языка) курсовую работу о его языке и литературном мастерстве.

Все знали, что он первым рассказал о панфиловцах. Но мало кому было известно, что он практически все придумал. Хотя реальная картина была установлена практически сразу после войны.

Началось с того, что в ноябре 1947 года в Харькове арестовали служившего немецким оккупантам бывшего начальника вспомогательной полиции, который, к

изумлению следователей, оказался одним из героев-панфиловцев, удостоенных посмертно звания Героя Советского Союза. Назревал крупный скандал. Знаменитый на всю страну павший герой — на самом деле живой предатель?

Главной военной прокуратуре не составило труда выяснить, как это произошло.

Комиссар 316-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Иван Васильевич Панфилов, в один из ноябрьских дней сорок первого, когда на подступах к столице шли тяжелые бои, поведал о подвиге солдат 4-й роты 1075-го стрелкового полка, уничтоживших восемнадцать немецких танков, фронтовому корреспонденту «Красной звезды». Тот доложил в редакцию, где позарез нужны были героические истории. Ответственный редактор вызвал Александра Кривицкого, непревзойденного мастера передовых статей, и поручил воспеть подвиг.

Перед публикацией статью, как положено, отправили на согласование в Главное политическое управление Красной армии. Офицер ГлавПУРа поинтересовался, откуда автору известны последние слова политрука 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка Клочкова, погибшего вместе со своими солдатами? Василий Клочков в 1940 году окончил Всесоюзный институт заочного обучения Народного комиссариата торговли и до начала войны работал в Алма-Ате заместителем управляющего трестом столовых и ресторанов.

Кривицкий честно ответил:

— Это выдумал я сам... Ощущения и действия двадцати восьми героев — это мой литературный домysel.

На следующий день в «Красной звезде» появилась передовая статья «Завещание 28 павших героев» о том, как двадцать восемь бойцов во главе с политруком Клочковым в ходе четырехчасового боя уничтожили

восемнадцать немецких танков и все погибли: «Погибли, но не пропустили врага». Статья прогремела на всю страну. Через два месяца Александр Кривицкий, побывав в панфиловской дивизии, написал еще один материал, в котором назвал двадцать восемь имен. Командование Западного фронта заполнило наградные листы, и 21 июля 1942 года все перечисленные Кривицким бойцы удостоились посмертно звания Героя Советского Союза.

А теперь бывший командир полка честно рассказал военному прокурору: «Никакого боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 года не было — это сплошной вымысел... В конце декабря 1941 года ко мне в полк приехал корреспондент «Красной звезды» Кривицкий... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему заявил, что о бое 28 панфиловцев мне ничего не известно... Фамилии Кривицкому по памяти давал капитан Гундилович...»

Главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции Николай Порфирьевич Афанасьев составил справку о результатах расследования. Ее отправили члену политбюро и секретарю ЦК партии по идеологии Андрею Александровичу Жданову: «Материалами расследования установлено, что подвиг 28 героев-панфиловцев является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора «Красной звезды» Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты Кривицкого».

Жданов самостоятельно решения принять не мог. Переслал справку Сталину. Вождь прочитал и распорядился ничего в героической истории не менять. Несколько человек из числа двадцати восьми — кто остался жив — без огласки после войны получили свои «Золотые Звезды». А что было делать? Отменить указ не решились...

Придуманная Александром Кривицким история пережила его. Но его творческая судьба характерна для советской журналистики. Даже самые одаренные вынуждены были писать лишь то, что от них требовалось. Жизнь могла быть в меру комфортной, «мелкие радости» были доступны, но счастья это не приносило. Талант его, на мой взгляд, так и не был реализован.

Когда документы главной военной прокуратуры предали гласности, многие возмутились: не разрушайте героинку войны, не переписываете историю, не отнимайте у народа выстраданную им победу! Осенью 2011 года на рассказ о подлинной истории двадцати восьми панфиловцев гневным письмом в «Комсомольскую правду» откликнулся бывший министр обороны и неудачливый участник августовского путча маршал Дмитрий Тимофеевич Язов: а кто же защитил Москву, если не было панфиловцев?

Но этот пафос ложный. Сознательное искажение исторической правды — еще и огромная несправедливость! Ведь командир полка рассказал военному прокурору: «В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота, и действительно дралась героически. Из роты погибло свыше 100 человек, а не 28...»

Кто знает эти сто имен? Мифические герои заслонили подлинных, тех самых, кто защитил Москву! Погибшие в том бою не удостоились минимальных воинских почестей, их даже не похоронили по-человечески.

Председатель местного сельсовета рассказала: «16 ноября 1941 года немцы заняли разъезд Дубосеково... В это время были большие снежные заносы, которые продолжались до февраля 1942 года, в силу чего трупы убитых на поле боя мы не собирали и похорон не производили... В первых числах февраля мы нашли только три трупа, которые похоронили в братской могиле на окраине нашего села. В марте, когда стало та-

ять, воинские части к братской могиле снесли еще три трупа... Больше трупов на территории нашего сельсовета не обнаруживали».

Созданные пропагандистским аппаратом герои отодвинули в тень настоящих героев войны, которые вернулись с фронта без наград, раненные, покалеченные. А многие и не вернулись... И мифические подвиги затмили настоящие. На фоне рассказа о восемнадцати немецких танках, запросто подбитых богатырями-панфиловцами, скромно смотрелись действительные заслуги фронтовиков, которые не могли похвастаться такими грандиозными цифрами.

Так кто же спас наш город?

Москву защищал Западный фронт, которым командовал Жуков. На важнейшем направлении, Волоколамском, стояла 16-я армия генерала Рокоссовского. На вероятном направлении главного удара немцев Рокоссовский поставил 316-ю стрелковую дивизию, которая поступила из фронтового резерва — в августе ее перебросили из Казахстана. Командовал дивизией генерал-майор Панфилов.

Маршал Рокоссовский вспоминал, что такую полнокровную дивизию он уже давно не видел. И ее командир, Иван Васильевич Панфилов, понравился Рокоссовскому. Хорошо подготовленный, с богатым практическим опытом, энергичный. При этом немного застенчивый... Утром 16 октября немецкие войска возобновили наступление на Москву. Главный удар, как и предполагал Рокоссовский, наносился на левом фланге, где стояла панфиловская дивизия.

Между Рокоссовским и Панфиловым было нечто общее. Они держались, когда другие — в больших чинах, растерявшись, отступали, бросая своих солдат. Сражаясь с немцами, они нисколько не ощущали их превосходства. Чувствовали себя уверенно на поле боя. Солдатская честь не позволяла им воевать плохо.

Битву за Москву выиграл не Сталин. Если бы не его провальная внешняя политика, Гитлер, скорее всего, и вовсе бы не решился напасть на Советский Союз. Если бы не преступная сталинская внутренняя политика, Красная армия не потерпела бы такого поражения летом сорок первого и немцы не дошли до Москвы...

Битву за Москву выиграли такие полководцы, как Жуков, Рокоссовский, Василевский, Говоров, военные профессионалы, которых Сталин и его подручные не успели погубить. Но путь талантливых профессионалов к высшим должностям не был ни простым, ни легким. Столицу обороняли полководцы, проявившие себя в упорных боях. Когда Сталин и его окружение были готовы бежать из Москвы, военные профессионалы не сомневались, что немцы будут разгромлены...

27 октября немцы все-таки взяли Волоколамск. Но немецкие войска понесли огромные потери, выдохлись. Наступательный потенциал ослаб. Немецкому командованию пришлось остановиться, подтянуть новые части, провести перегруппировку. Время у немцев уходило, и силы иссякали. Вот что сделал генерал Панфилов и его солдаты для нашего города, для Москвы!

16 ноября группа армий «Центр» начала новое наступление. На Волоколамском направлении — две танковые дивизии. В полосе 16-й армии главный удар опять пришелся на 316-ю дивизию Панфилова. На его командный пункт приехал командарм Рокоссовский. Увидел, как он, вцепившись в подмосковную землю, не дает немецким танкам прорваться. Увидел, что комдив действует твердо, уверенно, с умом, и понял, что может положиться на Панфилова. Константин Константинович уехал, зная, что на участке панфиловской дивизии немцы не пройдут.

Генерал Панфилов погиб на поле боя 18 ноября. Именно в этот день приказом Наркомата обороны

его 316-я стрелковая дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую — за беспримерное мужество, проявленное в боях за Москву.

Сталин, кстати, долго сопротивлялся появлению гвардии. Пренебрежительно говорил:

— Нет. Все дивизии должны быть гвардейскими. Раньше дворянских сынков отдавали в гвардию, чтобы дать им привилегированные условия. У нас дворян нет. Надо, чтобы все дивизии были гвардейскими.

Война заставила многое пересмотреть. В день смерти генерала Панфилова появилось сообщение Наркомата обороны с перечислением первых гвардейских дивизий. С этого момента начальствующий состав гвардии получал полуторный, а рядовые бойцы — двойной оклад содержания.

Великая Отечественная война для генерала Панфилова продолжалась всего один месяц. Но именно этот осенний месяц решил судьбу нашего города. Бойцы и офицеры регулярной армии, ополченцы, студенты и курсанты военных училищ, сами горожане умело и мужественно защищали Москву. Они сражались и умирали. И немцы просто не смогли их одолеть. Вот так и отстояли наш город.

рукописи не горят...

КНИЖНЫЙ ТРЕКЕР

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора..... 3

Часть первая

БЕЖАТЬ ИЛИ СРАЖАТЬСЯ

Ближняя дача заминирована	5
Самый страшный день.....	9
Во власти толпы	25
Взорвать город!.....	35
Кто мог — бежал	44
Эвакуация с привилегиями.....	50
Кто тут главный трус?.....	68
Тайные расстрелы	84
Вокруг одни шпионы	89
В ожидании Гитлера	105
«Кто мне в затылок выстрелит?»	136
На даче, в полном одиночестве.....	155

Часть вторая

ВОЛКИ У ВОРОТ

Рестораны для комиссаров	170
Привыкнуть к звукам сирены невозможно.....	183
«Тайфун», которого не ждали.....	208
Особисты и курсанты под Юхновом.....	217
Жуков вызван на помощь	225

Часть третья
ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Гибель ополчения.....	239
«Удержим ли Москву?»	251
Готовы умереть в бою	277
«Надо уходить в подполье!»	278
Партизаны и Зоя Космодемьянская.....	300
Речь на параде	309
Роль генерала Власова	318
Рихард Зорге, Генерал Мороз и другие причины.....	323
Гитлер требует «фанатического сопротивления»	332

Часть четвертая
ГЕРОИ ПРИДУМАННЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

Кто зажег Вечный огонь	354
«Мы его в пыль сотрем!»	362

Млечин Леонид Михайлович
ОДИН ДЕНЬ БЕЗ СТАЛИНА
МОСКВА В ОКТЯБРЕ
41-го ГОДА

Ответственный редактор *Д.О. Хвостова*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.Н. Должикова*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 16.12.2011.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 17,83.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 10772.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Судьба Москвы в сорок первом году решилась не в декабре, когда советские войска перешли в наступление, а в октябре, когда казалось, что город некому защитить и немецкие войска могли взять столицу.

В своей новой книге Л. Млечин, основываясь на архивных документах и воспоминаниях очевидцев, впервые рассказывает о том, что всегда держалось в секрете. Документы, относящиеся к тем дням, все еще закрыты. Слабая власть, неумелые и трусливые руководители едва не сдали Москву врагу. Растерянные, запаниковавшие, вместо того чтобы защищать город, они бежали. Историю октябрьского позора Сталин повелел забыть, потому что вознесенные им на вершину власти чиновники оказались ни на что не годными.

В результате забыты не только трусы, но и герои. Когда бездарные генералы потеряли свои войска, когда большие начальники бросили столицу, когда одни готовились встретить немцев, другие собирались сражаться за каждый квартал, за каждую улицу, за каждый дом. Бойцы и офицеры регулярной армии, ополченцы, студенты и курсанты военных училищ, сами горожане мужественно защищали Москву. Они сражались и умирали. И немцы просто не смогли их одолеть. Так и отстояли столицу.

ISBN 978-5-227-03457-1

ЦЕНТРОЛИГРАФ®